

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Л.В. Куликова

**Коммуникация. Стилъ. Интеркультура:
прагмалингвистические
и культурно-антропологические подходы
к межкультурному общению**

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением
по образованию в области лингвистики Министерства
образования и науки Российской Федерации в качестве
учебного пособия для студентов, обучающихся по на-
правлению 035700 «Лингвистика» (магистратура),
30.12.2010*

Красноярск
СФУ
2011

УДК 800.86
ББК 74.200.50
К 90

Рецензент: доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского педагогического университета О.А. Леонтович

Куликова Л.В.

К 90 Коммуникация. Стилъ. Интеркультура: прагмалингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению: учебное пособие. – Красноярск: СФУ, 2011. – 268 с.

ISBN 978-5-7638-2183-3

Коммуникация, стиль, интеркультура – ключевые понятия, через призму которых в книге представлен взгляд автора на интегрированную сущность процессов межкультурного взаимодействия. В центре этого взаимодействия всегда языковая личность (человек общающийся) как носитель культурно-обусловленных коммуникативно-языковых норм, ценностных представлений и специфических смыслов.

Пособие предназначено для студентов, обучающихся по направлению подготовки 035700.68 Лингвистика (квалификация «магистр»), аспирантов, а также для широкого круга специалистов, заинтересованных в повышении своей межкультурной компетентности.

ISBN 978-5-7638-2183-3

УДК 800.86
ББК 74.200.50

© Сибирский
федеральный
университет, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Методическая записка	5
Введение	9
Глава 1. Межкультурное общение в контексте теории коммуникации ...	17
1.1. Феномен коммуникации в интерпретации современной лингвистической науки	18
1.2. Формы и виды коммуникации в межличностном versus межкультурном взаимодействии	28
1.3. Национально-культурный аспект коммуникации	40
1.4. Межкультурная коммуникация ab ovo	54
1.5. Основные подходы к пониманию термина «межкультурная коммуникация»	58
Основные понятия главы	64
Вопросы для контроля и обсуждения	65
Темы для самостоятельного реферирования	66
Рекомендуемая литература	66
Глава 2. Культурно-антропологические основы дисциплины «межкультурная коммуникация»	69
2.1. Культура как макроконтекст коммуникации	70
2.2. Функционализм и культурный релятивизм в теории межкультурной коммуникации	79
2.3. Способы взаимодействия с культурно «чуждым»	85
2.3.1. <i>Этноцентризм как константа межкультурного общения в теории межкультурной коммуникации</i>	85
2.3.2. <i>Концепт «чуждой» в теории межкультурной коммуникации</i>	91
2.3.3. <i>Межкультурная адаптация и культурно коммуникативный шок</i>	99
2.3.4. <i>Теория ценностных ориентаций Ф. Клакхона и Ф. Стробека</i>	105
2.4. Макрокатегории культурно-коммуникативной вариативности	111
2.4.1. <i>Коммуникативная модель культуры Э. Холла</i>	112
2.4.2. <i>Параметрическая модель культуры Г. Хофстеде</i>	123
Основные понятия главы	131
Вопросы для контроля и обсуждения	132

Темы для самостоятельного реферирования.....	134
Рекомендуемая литература.....	134
Глава 3. Коммуникативный стиль в межкультурном общении	137
3.1. Коммуникативный стиль в контексте теории межкультурной коммуникации	138
3.2. Понятие национального коммуникативного стиля и его дискурсивная реализация	148
3.3. Коммуникативный стиль и <i>lingua franca</i> в межкультурной коммуникации.....	154
3.4. Базовые характеристики дискурсивной актуализации национального коммуникативного стиля.....	159
3.5. Проблема моделирования национального коммуникативного стиля	169
3.5.1. Особенности русско-немецкой коммуникации как отражение своеобразия национальных коммуникативных стилей	169
3.5.2. Модель национального коммуникативного стиля и её проекция на немецкий коммуникативный стиль.....	192
Основные понятия главы.....	198
Вопросы для контроля и обсуждения	198
Темы для самостоятельного реферирования.....	200
Рекомендуемая литература.....	200
Глава 4. Институциональные дискурсы и национальный коммуникативный стиль	203
4.1. Коммуникативный стиль в контексте немецкого академического дискурса.....	204
4.2. Специфика институциональной маркированности немецкого национального коммуникативного стиля	224
Основные понятия главы.....	228
Вопросы для контроля и обсуждения	228
Темы для самостоятельного реферирования.....	229
Рекомендуемая литература.....	229
Заключение	231
Библиографический список.....	232
Словари.....	266

Методическая записка

Учебные материалы пособия предназначены прежде всего для студентов, обучающихся по направлению подготовки 035700.68 Лингвистика (квалификация «магистр») и отражают основные аспекты теории межкультурной коммуникации, являющейся одним из ключевых объектов профессиональной деятельности магистров по ФГОС ВПО.

Основные цели преподавания дисциплины «Теория межкультурной коммуникации»:

– **научно-теоретическая:** формирование ключевых компетенций самостоятельной научно-исследовательской деятельности магистрантов в области изучения иностранных языков и культур, их сопоставительного анализа, принципов взаимодействия культур, современных междисциплинарных методик проведения исследования, анализа дискурса с позиций синергетического подхода в рамках межкультурного общения;

– **прикладная:** формирование способности к рефлексии инаковости и системности культурно-коммуникативных различий, умений и навыков осуществления различных видов коммуникации в ситуациях профессионального взаимодействия с представителями других языковых культур, умения прогнозировать и минимизировать вероятность коммуникативных сбоев в контексте межкультурного общения.

Соответственно, цель данного пособия – представить обучающимся основные современные положения теории межкультурной коммуникации (МКК), разрабатываемой отечественными и зарубежными авторами в перспективе разных сфер гуманитарного знания, и тем самым способствовать формированию межкультурной компетентности лингвистов и специалистов других родственных гуманитарных специальностей на базе предложенной концепции. При этом акцент делается на культурно-антропологический контекст и область коммуникативно-прагматической лингвистики в оформлении куррикулума по межкультурному обучению.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения и обширного библиографического списка. Оглавление составлено таким образом, чтобы его можно было использовать не только для ориентации в содержании и структуре пособия, но и как программу курса по теории межкультурной коммуникации в рамках вариативного блока основной образовательной программы магистратуры.

Во Введении предлагается краткий исторический экскурс и интегрирующая систематизация современного уровня разработки межкультурной проблематики, даются базисные подходы к пониманию, исследовательской парадигме и методологии дисциплины. В первой главе предлагаются основные понятия теории коммуникации, необходимые для изучения теории МКК. Автор знакомит читателя с процессами коммуникации, выделяя те составляющие, которые обусловлены национально-культурной спецификой лингвокультур. В главе рассматриваются источники и пути развития самой теории межкультурной коммуникации в России и за рубежом, перечисляются наиболее известные авторы и воззрения по этой проблематике.

Вторая глава посвящена изложению теоретических основ МКК в парадигме культурно-антропологического подхода. В параграфах подробно анализируются концепции известных американских, европейских и отечественных ученых, результаты теоретических и эмпирических исследований которых стали классическим репертуаром всех наиболее авторитетных в мире учебников по данной дисциплине.

В третьей главе акцент делается на коммуникативно-прагматический контекст теории МКК, вводится один из ее ключевых терминов «коммуникативный стиль», рассматриваются научно-практические источники формирования этого понятия, обсуждается авторская прикладная модель концепции национального коммуникативного стиля. Модель демонстрируется на основе разных межкультурных сравнений, но более детально в рамках русско-немецкого повседневного и делового дискурсов.

Заключительная четвертая глава посвящена актуализации национального коммуникативного стиля в ситуациях институционального академического общения как наиболее релевантного типа дискурса с практической точки зрения в перспективе Болонского соглашения и актуальности новых межкультурных компетенций магистров, учебные траектории которых в том числе включают обучение в университетах за рубежом.

Пособие имеет единую структуру и содержит не только теоретико-концептуальный материал, но и дидактический раздел после каждой из четырех глав. Последний включает основные понятия главы, вопросы для контроля и обсуждения, темы для самостоятельного реферирования и список рекомендуемой литературы по проблематике раздела. Теоретические положения параграфов сопровождаются яркими примерами, наглядно иллюстрирующими сущность тех или иных явлений и процессов, с которыми сталкиваются участники межкультурного общения.

Как известно, теория межкультурной коммуникации на современном этапе представлена множеством концепций разных авторов и научных школ, адресована различным группам – «потребителям» этой теории, что определяет специфику и содержательное наполнение учебников и учебных пособий по дисциплине. Данное пособие адресовано в первую очередь студентам-магистрантам, процесс обучения которых должен быть в значительной степени нацелен на научную и аналитическую составляющие, а также на развитие самостоятельных исследовательских компетенций. Именно поэтому материал пособия носит отчасти монографический характер, а большинство из предлагаемых для реферирования тем может являться основой написания магистерских сочинений как выпускных квалификационных работ.

Высказанные соображения обусловили в целом структуру и содержание дидактических разделов пособия. Вопросы для контроля и обсуждения направлены не только на осмысление предложенного теоретического материала, но и на развитие самостоятельных аналитических умений, часть из них имеет проблемный, творческий потенциал.

Несмотря на то что автор пособия предлагает свою, неоднократно апробированную версию курса теории межкультурной коммуникации как в исключительно лекционном формате, так и в сочетании с серией семинаров, следует отметить следующее. При работе с пособием каждый преподаватель может проявлять собственный подход и инициативу в использовании его теоретических и практических материалов, дополнять его новыми фактическими и концептуальными данными, а также сокращать предлагаемый текст параграфов в соответствии с типом занятий, целями, задачами и объемом дисциплины согласно профилю магистратуры и рамкам основной образовательной программы, разработанной в вузе.

Если бы все люди говорили на одном языке, разве не замечательно это было бы? И да, и нет. Мы могли бы, явно, легче понимать друг друга, но нам всем тогда было бы почти нечего сказать друг другу

М. Шпитцер

Потомкам Адама досталась в наследство задача: совместными усилиями добиться, наконец, полного господства над Вавилонской башней

Умберто Эко

Введение

Межкультурная коммуникация сегодня – это актуальный модный бренд для многих дисциплин теоретического и прикладного характера, это своеобразная «общая территория», на которой по-разному существуют представители разных сфер научного знания и либо «перетягивают одеяло» каждый на себя, ревниво охраняя свои границы и претендуя на исключительность своей исследовательской перспективы, либо, что реже, мирно сосуществуют, пытаясь найти точки пересечения (научный консенсус). Можно говорить также о некоторой девальвации (обесценивании) данного гипернаправления, поскольку часто оно не сопровождается адекватным содержанием, ясными целями и задачами, соответствующей методологией.

При этом следует отметить, что всё многообразие упоминаний или номинаций межкультурного взаимодействия в повседневном употреблении и в научно-методических интерпретациях необходимо для дальнейшего обсуждения разграничить по трём ключевым блокам: непосредственный процесс межкультурного общения (в том числе как объект наблюдения и систематизации), сфера научно-теоретических изысканий (где разрабатывается теория межкультурной коммуникации) и дидактический аспект в контекстах университетского и неакадемического обучения (разработанная теория служит основой обучения).

Поскольку, с одной стороны, теория межкультурной коммуникации черпает из многих научных источников, а с другой, выступает в роли донора для целого спектра других направлений, почти ни у кого сегодня не вызывает сомнений междисциплинарный статус научно-прикладной дисциплины «Межкультурная коммуникация».

Предназначение разрабатываемой междисциплинарной концепции межкультурной коммуникации (далее МКК) – оптимизация межкультурного общения, менеджмент межкультурных различий.

Культурная антропология, лингвокультурология, кросс-культурная психология, психолингвистика, коммуникативистика (массмедиаальная

коммуникация), лингвистическая прагматика, теория перевода, лингводидактика, межкультурная педагогика etc. – вот далеко не полная палитра направлений, в рамках которых реализуются изыскания в области межкультурного взаимодействия.

Однако на фоне данной разнородности можно выделить три основных традиционных подхода к интеркультуралистике.

Логичным было бы начать представление исследовательского спектра с **культурно-антропологического подхода** к процессам межкультурной коммуникации, который в силу своей примарности (первоочерёдности) как в отношении разработки теории, так и её временной отнесённости (т. е. появления в научном дискурсе), можно рассматривать прототипическим. Именно он подразумевается большинством учёных, по крайней мере в США и в Европе, как основной в изучении межкультурной проблематики (отсюда и часто звучащее мнение зарубежных специалистов: «Под МКК в России нередко скрываются иные понятия и преподаются иные дисциплины»).

Очевидно, что область культурно-антропологического направления в интеркультуралистике покрывает в зависимости от национальных академических традиций: собственно культурную антропологию (М. Мид, Р. Бенедикт, Ф. Клакхон, Ф. Стродбек, Э. Орлова); коммуникативистику (прежде всего как академический контекст в США), поскольку культурная антропология изучает среди прочего уникальную человеческую способность развивать культуру через общение, коммуникацию (Э. Холл – концепция «культурной грамматики» и контекстности культур; У. Гудикунст – теория редукции неуверенности; П. Вацлавик – прагматика и психология коммуникации; Д. Таннен – гендерная коммуникация; Г. Малетцке – общая теория МКК); антропологическую лингвистику и этнографию коммуникации (Э. Сепир, Б. Уорф, Д. Хаймс, Д. Гамперц); социологию, социальную психологию, особенно в Европе (Г. Хофстеде – параметрическая модель культуры, А. Томас – концепция культурных стандартов, В. Попков – культурная адаптация иммигрантов); культурологию и этнографию (в России) (Ю. Лотман, И. Кон, С. Токарев, Е. Весёлкин, В. Шаповалов, С. Иконникова, А. Кармин, К. Касьянова, Г. Гачев) и этнологию (в Европе) (К. Рот, Ю. Рот, Г. Баузингер, А. Моосмюллер). При этом с позиций культурологии в контексте МКК исследуются различные аспекты национальных картин мира (не самая новая тема, но, безусловно, имеющая ещё много плодотворных для разработки идей). Предметом этнологии в первую очередь являются раз-

ные стороны изучения культурной и языковой чужеродности (инаковости). Всё чаще в связи с данной проблематикой в научном дискурсе используется термин ксенология.

Значительный вклад в развитие теоретических и практических основ МКК внесла и вносит **кросс-культурная** (или сравнительно-культурная) **психология** как второй релевантный исследовательский подход. В русле американской и европейской традиций (R. Benedict; R. Brislin et al.; Н. Triandis; В. Вундт; И. Гердер) отечественная кросс-культурная психология уделяет особое внимание эмпирическим исследованиям в сфере психологии межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия (Н. Лебедева; Т. Стефаненко). Межкультурный (межэтнический и межконфессиональный) аспект психологических исследований затрагивает разработку проблем культурной обусловленности познавательных процессов (восприятия, мышления, памяти), личности в контексте культуры (понятие о национальном характере, процессах атрибуции и стереотипизации), этнической миграции и связанных с ней последствий, метода культурного ассимилятора, основанного на так называемых критических эпизодах.

На стыке между культурно-антропологическим и этнопсихологическим направлениями интеркультуралистики можно *позиционировать межкультурную проблематику в области экономики*. Последняя представлена такими разделами, как межкультурный менеджмент, маркетинг, консалтинг, специфика делового общения и корпоративные культуры в межкультурном контексте, межкультурная конфликтология и медиация (G. Hofstede, F. Trompenaars, J. Bolten, В. Müller, Р. Льюис, Т. Персикова). В центре внимания исследователей данного направления – стиль руководства, отбор и развитие персонала, влияние ценностных ориентаций на деятельность людей в рамках организационных культур. Предметом исследования в сфере межкультурной экономической коммуникации являются культурно-специфические особенности коммерческих переговоров, таких «малых форм» деловой коммуникации, как реклама, рекламации, коммерческие предложения, профессиональная лексика. И в этом смысле обозначенная сфера стыкуется также и со сферой лингвокоммуникативных исследований.

Лингвистический подход к определению основ межкультурной коммуникации оперирует дефинициями, в которых подчеркивается первостепенное значение языка в процессах межкультурного общения (С.Г. Тер-Минасова, J. Bolten). В отличие от научно-дидактических

традиций США и Западной Европы данный аспект особенно культивируется в отечественной исследовательской парадигме и выделяется в предлагаемом пособии как третье фундаментальное направление.

В российской науке обращает на себя внимание ряд областей лингвистики, основанных на идее взаимосвязи языка и культуры и представляющих несомненный интерес с позиций разработки межкультурной проблематики:

- лингвострановедение (Е. Верещагин, В. Костомаров, Г. Томахин), к предмету исследований которого прежде всего относятся безэквивалентная лексика, паремиологический и фразеологический фонды языка, культурно-языковые реалии;
- этнолингвистика (А. Герд, Н. Толстой, В. Иванов, В. Топоров) как комплексная дисциплина, изучающая «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение);
- лингвокультурология (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.В. Воробьёв, В.А. Маслова), объект которой исследуется на «перекрёстке» двух фундаментальных наук – языкознания и культурологии. К ключевым понятиям лингвокультурологии, наиболее близким к межкультурным изысканиям, можно отнести прежде всего константы культуры в их диахроническом и синхронном аспектах или совокупность основных концептов данной культуры (Д.С. Лихачёв, Ю.С. Степанов, А. Вежибicka, В.И. Карасик, С.Г. Воркачëв, Н.А. Красавский и т.д.).

Необходимо отметить в связи с этим, что в понимании ряда отечественных исследователей (В.Г. Зусман и др.) концепт вообще рассматривается как основная единица межкультурной коммуникации. Можно лишь частично согласиться с названной установкой, поскольку овладение концептами следует рассматривать, скорее всего, как докоммуникативную компетенцию участников общения, как часть индивидуального пресуппозиционного фонда, влияющую на исход интеракции.

Возвращаясь к базовым понятиям лингвокультурологии, нельзя не остановиться на явлении культурной коннотации, термине, введённом В.Н. Телия, под которым понимается интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения; а также термине В. Воробьёва – лингвокультурема, которая представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания.

Кроме того, национально-культурное своеобразие номинативных единиц успешно разрабатывалось отечественными авторами в терминах лакун (Ю.А. Сорокин, И.Ю.Марковина).

В исследованиях зарубежных лингвистов в последние десятилетия также обращают на себя внимание концепции в русле парадигмы «культура в языке». Они инспирированы прежде всего многими идеями Э. Сепира, одна из которых: «лексика – очень чувствительный показатель культуры народа» (E. Sapir), кроме того, резонансом работ А. Вежбицкой, обосновывающих теорию «ключевых слов» культуры (А. Вежбицкая). Термины, именующие эти концепции, не так просто перевести на русский язык, например: Rich Points – как проблемные узлы культуры, места коммуникативного напряжения, «rich, with the connotations of tasty, thick, and wealthy all intended» (M. Agar), или Hotwords – как слова-конденсаторы культурного смысла, коннотативный фон которых, как правило, невозможно определить по словарю (H. Heringer).

Таким образом, (summa summarum) все вышеобозначенные области лингвистики занимаются в целом изучением культурной семантики языковых единиц и, безусловно, в той или иной степени могут быть соотнесены с межкультурной проблематикой, в том случае, однако, если в методическом инструментарии исследования используется один из ключевых методов интеркультуралистики – сопоставительный (компаративный, контрастивный) метод.

Наиболее перспективными в русле лингвистической парадигмы межкультурных исследований являются коммуникативно-прагматическое и лингвокогнитивное направления отечественного языкознания, имеющие, в том числе, реальное прикладное значение и в значительной степени способствующие формированию и развитию межкультурной компетентности личности.

Вспомнив, (ad hoc) что новое – это хорошо забытое старое, можно, видимо, совершенно оправданно говорить о том, что сегодняшние отечественные исследования в парадигме «лингвокогнитивный подход к коммуникации» во многом основываются на идеях и концепциях Московской школы психолингвистики и её известных корифеев Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова (достаточно перечитать выпущенную ими в 1977 году коллективную монографию «Национально-культурная специфика речевого поведения»).

Развивая сегодня свою теорию, Е.Ф. Тарасов считает, что «главной причиной непонимания в межкультурном общении является не разли-

чие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов» (Тарасов, 1996: 8). Автор трактует межкультурное общение «как случай функционирования сознания в аномальных («патологических») условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознаний коммуникантов» (Тарасов, 1998: 30). В русле данного подхода межкультурное общение входит в объектную область стыковых дисциплин: лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной психологии и когнитивной лингвистики.

С позиций когнитивно-коммуникативного аспекта рассматривают сущность процесса межкультурной коммуникации В.В. Красных, концентрируя внимание на разнице национальных когнитивных баз, к которым в процессе общения апеллируют представители разных национально-лингвокультурных сообществ; а также И.В. Привалова, обосновывая понятие «языковые маркеры национально-культурного сознания».

Благодатную почву для межкультурных изысканий представляет концепция когнитивных пространств и когнитивной базы как национально-культурно-детерминированных сущностей (В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко). Данная концепция, помимо всего прочего, развивает в межкультурном направлении известную теорию прецедентности Ю.Н. Караулова, а именно, теорию социумно-национально- и универсально-прецедентных феноменов.

Таким образом, очевидно, что в России конституируется авторитетное направление в лингвистически ориентированной теории МКК, которое изучает вербальную материализацию национально-маркированных образов языкового сознания (т.е. во главу угла ставится языковое сознание, что коррелирует с работами американцев Э. Сепира, Б. Уорфа, европейца Г. Вайсгербера и некоторых других зарубежных авторов).

В качестве одного из основных автономных аспектов межкультурной проблематики выделяется сегодня также **коммуникативно-прагматическое** или дискурсивно-прагматическое направление.

В рамках данной концепции межкультурная коммуникация понимается как результат взаимодействия и взаимовлияния языка, культуры и коммуникации.

В этом контексте следует отметить основные исследования последних лет, привлекающие наибольшее внимание отечественных специалистов-интеркультуралистов:

- Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации (принципы взаимодействия лингвокультур, понятие межкультурной трансформации языковой картины мира и языковой личности в межкультурном общении, специфика межкультурного взаимодействия между русскими и американцами) – О.А. Леонтович.

- Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации; взаимодействие когнитивных структур в межкультурном дискурсе – Л.В. Цурикова.

- Модель контрастивного описания национального коммуникативного поведения (немецкое, финское, американское, английское коммуникативное поведение) – И.А. Стернин.

- Коммуникативная стилистика: культурно-обусловленная факторно-параметрическая модель национального коммуникативного стиля; особенности межкультурного общения между русскими и немцами – Л.В. Куликова.

- Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм; подходы к изучению межкультурной коммуникации – П.Н. Донец.

- Типология коммуникативных неудач (вербальных и невербальных) в межкультурной коммуникации – Д.Б. Гудков.

- Креолизованные тексты в межкультурной коммуникации – Е.Е. Анисимова.

- Драматургия межкультурной коммуникации: различия и сходства в стратегическом планировании и организации дискурса в разных культурах – А.В. Олянич.

- Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы – М.Б. Бергельсон.

И, наконец, обратимся к **методам в межкультурных исследованиях**. С методологией, как известно, теснейшим образом связан метод, который представляет собой определённый подход к изучаемому фрагменту действительности, определённый комплекс приёмов, применение которых даёт возможность изучить данное явление.

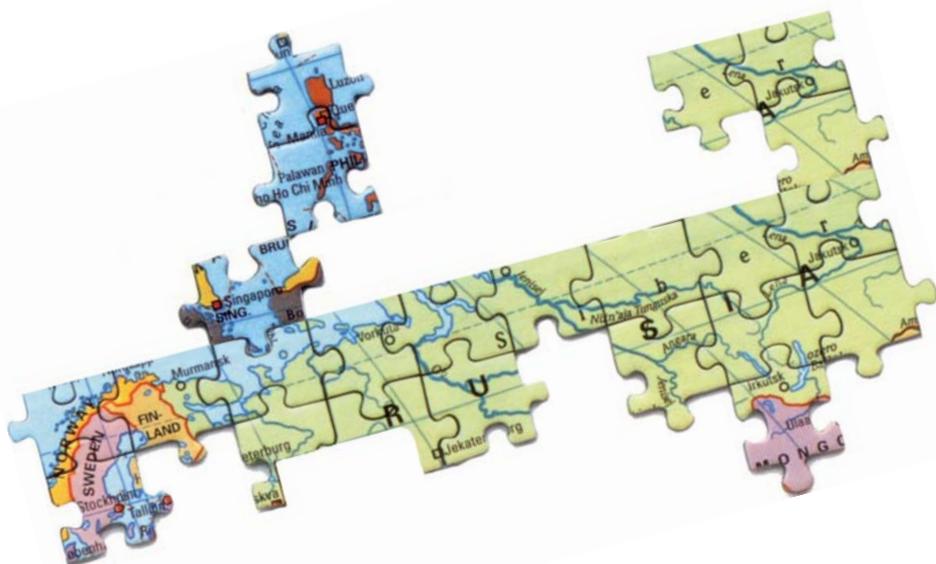
Как ни удивительно, но при всей разнородности сфер и дисциплин, исследующих межкультурную проблематику, можно с очевидностью выделить ряд сквозных методов, используемых в большинстве направлений. Это методический инструментарий так называемых полевых или этнографических/антропологических исследований, так или иначе присутствующий в любых межкультурных работах:

- Методы полевой этнографии/антропологии:
 - качественные методы (включённое наблюдение, открытые интервью, нарративный анализ);
 - количественные/социологические методы (структурированные интервью, анкеты, опросы).
- Специфические методы:
 - лингвокоммуникативная парадигма в интеркультуралистике (лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, теория дискурса, межкультурная прагматика и тд.) – методика контрастного анализа лексики, метод компонентного анализа, метод установления лакун, контент-анализ, фреймовый анализ, дискурс-анализ/конверсационный анализ, контекстологический анализ, интроспективный метод, дедуктивный-индуктивный методы. Экспериментальные методы: лингвистическое и ассоциативное интервьюирование.

Обращаясь к феномену межкультурного общения, следует отдавать себе отчёт в том, что теория межкультурной коммуникации, формирующаяся сегодня как самостоятельная дисциплина, выступает в качестве комплексной области актуального научного знания, органически сочетающей в себе результаты исследований целого ряда наук. Все, кто более или менее основательно занимается данной проблематикой, явно осознаёт, что межкультурное взаимодействие может и должно изучаться с позиций разных дисциплин, ни одна из которых (по мнению многих компетентных исследователей) не имеет монопольного права на это изучение.

Глава 1

Межкультурное общение в контексте теории коммуникации

Европа полиглотов – не Европа людей, бегло говорящих на множестве языков, а в лучшем случае людей, которые при встрече говорят каждый на своём языке, но понимают друг друга; пусть они не могут с лёгкостью выразить свои мысли, пусть и понимают с трудом, но как-то схватывают тот «дух», ту культурную вселенную, какую каждый выражает, говоря на языке своих предков и своей традиции

Умберто Эко

1.1. Феномен коммуникации в интерпретации современной лингвистической науки

Сегодняшнее понимание коммуникации определяется сменой парадигмы в социальных науках и в языкознании на рубеже XX–XXI веков, отразившейся в значительной «гуманизации» исследований, формировании антропоцентрической концепции в коммуникативных и лингвистических изысканиях, осознании того, что коммуникативная реальность, реализующаяся в конкретных образцах языкового и неязыкового взаимодействия, представляет собой заслуживающий внимания научный объект. Этот лейтмотив звучит в работах разных авторов. Мир и общество всё ярче проявляются *sub specie communicationis* – под знаком коммуникации (Эко, 1998: 411), многие говорят о так называемом «лингвистическом, или дискурсивном, перевороте», «коммуникативном априори» (Макаров, 2003: 16; Семрадова, 2003: 451), коммуникация рассматривается как *conditio sine qua – non* (непременное условие) жизни человека и порядка в обществе (Вацлавик и др., 2000: 5). Вот мнение участника одной из научных конференций по коммуникативной проблематике, имеющее знаковый смысл в определении места коммуникативного знания в ряду современных наук о человеке: «Можно

утверждать, что в социально-научном знании происходит формирование новой парадигмы – коммуникативной. Двадцатый век был веком лингвистики, двадцать первый век будет веком коммуникации». Развитие этой мысли подводит к предположению о том, что в обновлённой лингвокоммуникативной концепции акцент с «человека говорящего» переходит на *homo communicans* («человека общающегося» *) как основного субъекта коммуникации.

Переход к новой онтологии в исследованиях речевой коммуникации связан прежде всего со сменой исходных позиций в определении сущности коммуникативного процесса и в изменении подхода к понятию коммуникации, рассматривавшегося до недавнего времени преимущественно с точки зрения трансмиссии (односторонней агентивности), а также приоритета информационного над коммуникативным. Традиционное, широко распространённое понимание коммуникации, абсолютизирующее информационный обмен или перенос, отражает кодовая модель Шеннона и Уивера (Shannon, Weaver, 1949), представляющая коммуникацию как линейный и однонаправленный процесс, в котором не предусматривается «такой существенный элемент, как обратная связь» (Белл, 1980: 91). Неслучайно подобную трактовку в литературе называют техницистской, когда коммуникация представляется как передача информации от отправителя (передатчика) к потребителю (приёмнику) (Соколов, 2002: 27), а также как мера «участия» или «соучастия» в процессе потребления, обмена и использования информации (Курбатов, 1995: 15). Как отмечает М.Л. Макаров, кодовая модель (в своём семиотическом обрамлении) не может адекватно описывать реальные процессы коммуникации на том или ином естественном языке, покоясь на фундаменте примитивной интерсубъективности, где цель коммуникации – общая мысль, или сообщение, а понимание предполагает лишь декодирование (Макаров, 2003: 35). В связи с этим верным находим также замечание А.В. Кравченко о том, что «традиционное понимание и истолкование процесса коммуникации как обмена информацией, осуществляемого по каналу связи, – дань устоявшимся стереотипам в научном мышлении» (Кравченко А.В., 2003: 38).

Иной подход к коммуникации, принимаемый сегодня многими авторитетными лингвистами, демонстрирует **интеракционная модель** (Schiffirin, 1994: 398), согласно которой суть общения не в одностороннем

* Ср.: «коммуникативная личность» (Карасик, 1993; Красных, 2003: 51).

воздействию говорящего на слушающего, а в сложном коммуникативном взаимодействии двух субъектов с учётом социально-культурных условий ситуации (Макаров, 2003: 38–43). При этом общение осознаётся и конституируется каждым его участником в качестве субъекта (Тарасов, 1992: 37; Сергеева, 1993: 5; Богушевич, 1985:40), что ведёт к достижению интерсубъективности как психологического или феноменологического переживания общности интересов, действий и т. п. (Ninio, Snow, 1996:23; Макаров, 2003: 39). В этом же смысле: «...коммуникация есть опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов» (Соколов, 2002: 24). При подобном подходе термины «передача сообщения» и «восприятие сообщения» понимаются как метафоры, поскольку «общение, вернее, его содержание не передаётся, а конструируется слушающим при восприятии тел языковых знаков, образующих текст» (Тарасов, 1990: 10). Эту же мысль находим у А.А. Залевской: «... в процессе коммуникации значения языковых единиц не передаются отправителем получателю, они создаются слушающим на основе учёта ситуации, в которой осуществляется коммуникация, и имеющегося в его распоряжении языкового опыта, т. е. речь нужно вести о спонтанном семиозисе (Залевская, 2002: 20).

Итак, **коммуникация** происходит не как трансляция информации и манифестация намерения, а как демонстрация смыслов (Макаров, 2003: 38). Инициатор взаимодействия соотносит свои смыслы со смыслами своих коммуникативных партнёров, создавая таким образом определённую степень взаимопонимания и совместного смыслосозидания. Сколько бы субъекты ни старались порой спланировать, проиграть в голове предстоящий с кем-либо разговор, реально он никогда не разворачивается точно так, как был запланирован. Действительная интеракция конструируется высказываниями, реакциями на высказывания и осмыслениями этих реакций одновременно каждым из участников общения. Реальное течение разговора всегда динамично и диалогично, поэтому динамичен и диалогичен и смысл, который создаётся интерактивно. Если высказывание, прозвучавшее в начале разговора, воспринимается первоначально в одном смысле, то в свете каждой новой фразы предыдущие смыслы, как правило, изменяются, уточняются, дополняются. Смыслы, таким образом, – постоянно изменяющиеся образования (ср. Cronen, 1995). В этом контексте в унисон звучит определение социальной коммуникации, понимаемой как движение смыслов в социальном времени и пространстве (Соколов, 2002: 27).

Из вышесказанного ясно, что в ситуации общения важную роль играет активность воспринимающего Другого, поскольку без участия коммуникантов в едином процессе демонстрации смыслов и особенно их интерпретации не могло бы быть ни общения, ни совместной деятельности. Интерпретация является в интеракционной модели критерием успешности и главным предназначением коммуникации в отличие от распространённого представления её основной функции как достижения взаимного понимания. Это, безусловно, меняет статус коммуникантов, чем обусловлена и асимметрия модели: порождение смыслов и их интерпретация отличаются как по способам осуществления этих операций, так и по типам участвующих в них форм когниции, перцепции и аффекта (Макаров, 2003: 39). Очевидно, что всякое понимание интерпретативно и адресат в процессе реального живого общения может вывести смыслы, отличные от задуманных говорящим, что часто встречается, особенно в ситуациях межкультурной коммуникации. В этом случае достижение полного взаимопонимания тем более проблематично, так как общение коммуникантов из разных культур сопровождается, как правило, взаимным «приписыванием смысла» сказанному на основе собственного культурно-языкового и коммуникативного опыта. Говоря о понимании в коммуникативном взаимодействии, считаем совершенно оправданным вышеназванный подход, в котором интерпретация нового знания рассматривается как основной элемент понимания. Экстраполируя данную мысль на процессы межкультурной коммуникации, важно отметить, что именно адекватная интерпретация является определяющим элементом понимания и взаимопонимания в межкультурном общении.

В **интеракционной модели** значительную роль играют ситуативные условия, учитывающие невербальные аспекты коммуникации и деятельность в целом. Данная модель помещает в центр внимания коммуникативный процесс как поведение. При этом основными элементами поведения называются взгляды, жесты, позы и языковые высказывания, постоянно привносимые людьми в ситуацию общения, независимо от того, желательна эта ситуация или нет (ср. Goffmann, 1986: 7). В этом смысле интеракционная модель (которую можно трактовать как социопсихолингвистическую) соответствует современному антропологическому измерению коммуникации (см. Мальковская, 2004:20) или принципу антропоморфности (Тарасов, 1977: 71), в соответствии с которыми коммуниканты рассматриваются вместе с их социальными

и психологическими характеристиками, существенными для интерпретации вариативности речевых высказываний. Интеракционная модель, как представляется, лишена того недостатка, о котором писал Е.Ф. Тарасов в отношении многих моделей, построенных лингвистами (Тарасов, 1977: 70). В большинстве из них гипертрофирована роль языковых средств (как следствие вполне понятной переоценки языковедами объекта своей науки) и в неоправданно редуцированном виде отображена экстралингвистическая реальность, на фоне которой протекает речь.

С позиций поведенческого аспекта формулирует свои метакоммуникативные аксиомы американский исследователь П. Вацлавик, важнейшая из которых раскрывается в формуле: «Как бы человек ни старался, он не может не вступать в коммуникацию» (Вацлавик, 2000а: 44; 2000б: 57). «Активность или пассивность, слова или молчание – всё это передаёт информацию: влияет на других людей, которые, в свою очередь, не могут не ответить на эту коммуникацию и, следовательно, сами в неё вступают. Необходимо ясно понимать, что если люди просто не разговаривают друг с другом или не обращают друг на друга внимания, это вовсе не опровергает утверждения, сделанные выше. Человек у стойки бара, который смотрит прямо вперёд, пассажир, сидящий в самолёте с закрытыми глазами, – оба они ясно сообщают, что не хотят ни с кем разговаривать, и окружающие обычно прекрасно понимают эти сообщения и оставляют их в покое. Очевидно, что это такая же коммуникация, как и оживлённая дискуссия» (там же). В связи с этим для каждой коммуникации, по Вацлавику, характерны содержательный аспект, отражающий, что содержит в себе сообщение, и аспект отношений, манифестирующий намерение адресанта, как это сообщение должно интерпретироваться адресатом. При этом второй аспект систематизирует первый и, следовательно, является метакоммуникацией (Watzlawick et al., 1969: 55). Иначе говоря, коммуникативный процесс проявляется на содержательном когнитивном уровне и на уровне интересубъективности, воспринимаемом преимущественно интуитивно-эмоционально.

Изучение межперсональной коммуникации в целом П. Вацлавик соотносит с тремя областями семиотического подхода: синтаксис, семантика и прагматика. Так, синтаксис, в его предположении, охватывает вопросы передачи информации, и поэтому в ней преимущественно доминируют теории информации, интересующиеся проблемами кодирования, каналов, способности, звука, избыточности и других статистических свойств языка, не затрагивающих смысла передаваемых символов.

Смысл рассматривается как главное понятие семантики. Циркулирующие символы останутся бессмысленными, пока коммуниканты заранее не согласятся с их смыслом, т. е. не придут к семантическому соглашению. И, наконец, коммуникация влияет на поведение, в чём заключается её прагматический аспект (Вацлавик, 2000б: 12). Таким образом, в данной концепции два понятия – коммуникация и поведение – употребляются фактически как синонимы, а вербальные и невербальные компоненты понимаются как единое коммуникативное целое, что представляет собой плодотворную идею для анализа и моделирования процессов межкультурного общения.

В связи с метакоммуникативным подходом целесообразно для полноты обзора кратко остановиться на концепции коммуникативной рациональности немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса (Habermas, 1989, 1981, 1992), внёсшего большой вклад в развитие теории коммуникации. При этом важно отметить, что универсально-прагматические положения коммуникации, исследуемые немецким учёным, относятся к тому онтологическому регистру в так называемой «рече-языковой модели двух миров» (ср. Krämer, 2001: 95), который ориентирован на изучение реального языкового взаимодействия.

В центре внимания работ Хабермаса коммуникативное действие как повседневная коммуникация, с одной стороны, и дискурс как метакоммуникация по поводу проблем в коммуникации, как «судебная палата коммуникации», с другой стороны. Очевидно, что дискурс в понимании Ю. Хабермаса несколько отличается от более распространённого и традиционного, хотя и многозначного его определения как «сложного коммуникативного явления, включающего, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы» (ван Дейк, 1989), «коммуникативной ситуации, включающей сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст» (Кибрик, 1987), «речи, «погружённой в жизнь» (Арутюнова: ЛЭС, 1990) и т. д. В любой ситуации общения, благодаря возможности перехода от коммуникации к дискурсу (в значении Хабермаса), целью которого является достижение согласия или консенсуса, создаётся условие взаимодействия между Alter и Ego не с помощью силы и принуждения, а посредством аргумента и рациональности. Таким образом, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса подчинена обоснованию коммуникативного понятия рациональности, сформулированного на основе формально-прагматического анализа четырёх нормативных требований к каждому высказыванию, а именно, понятности

(*Verständlichkeit*), истинности (*Wahrheit*), правильности (*Richtigkeit*) и достоверности (*Wahrhaftigkeit*). Любое высказывание, по Хабермасу, структурно имеет два измерения: уровень intersубъективных отношений и предметный уровень. Этот дуализм аспекта содержания и аспекта взаимоотношений соответствует известной концепции речевых действий Дж. Сёрля и Дж. Остина в отношении пропозиционального содержания и иллокутивного акта. В связи с иллокутивной функцией высказывания немецкий философ соотносит сформулированный им квартет нормативных требований с четырьмя классами речевых актов (Habermas, 1981: 397): 1. Коммуникативы (*sich äußern, sprechen, entgegenen*), в своей имманентно-языковой форме ориентированные на претензию понятности. 2. Констативы (*beschreiben, berichten, erklären, voraussagen*), выражающие когнитивное употребление предложений с необходимым для них требованием истинности. 3. Репрезентативы или экспрессивы (*wünschen, hoffen, offenbaren*), с помощью которых говорящий эксплицирует свои намерения слушающему, что должно соответствовать достоверности. 4. Регулятивы (*entschuldigen, befehlen, warnen*), на основе которых говорящий апеллирует к социальным нормам и общественно признаваемым ожиданиям в соответствии с требованием правильности. Таким образом, как полагает Хабермас, в речевом акте наряду с выражением содержания содержится метакоммуникативный аспект по поводу применения этого содержания. Эта двойственная перспектива представляет собой «механику» или способ разрешения проблем, возникших в речевом взаимодействии общающихся исключительно посредством вербальной коммуникации на метакоммуникативном уровне. Следовательно, можно говорить о «встроенном» в язык «рациональном методе», позволяющем реагировать на ситуации диссонанса без принуждения (ср.: Krämer, 2001: 80).

Теория Ю. Хабермаса, разработанная для коммуникативных ситуаций в целом, чрезвычайно актуальна для межкультурного общения. Контакт представителей разных культур потенциально несёт в себе коммуникативные сбои. Однако эти коммуникативные конфликты могут стать одновременно и катализатором, провоцирующим метакоммуникацию как дискурс о проблемах взаимопонимания.

Следует обратить внимание на ещё один важный аспект анализа коммуникативного процесса. Суть речевой коммуникации, по мнению многих авторов, заключается не только во взаимодействии, но и во взаимокорректировке индивидуального сознания каждого из коммуникан-

тов, в оказании ориентирующего воздействия на адресата с тем, чтобы вызвать с его стороны ту или иную поведенческую реакцию (Гудков, 2003: 20; А. Кравченко, 2003: 33). Как отмечает Г.Г. Почепцов, исторически под коммуникацией подразумевалось как раз принуждение другого к выполнению того или иного действия, поскольку для коммуникативного акта существенен переход от говорения Одного к действиям Другого. В связи с этим коммуникация рассматривается исследователем как процесс перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы (Почепцов, 2003: 14). В рамках такого подхода речь идёт о коммуникативном воздействии, понимаемом как спланированное воздействие на знания (когнитивный уровень), отношения (аффективный уровень) и намерения (конативный уровень) адресата в нужном для адресанта направлении (Пирогова, 2001). Данный аспект коммуникации с точки зрения эффективности речевого воздействия и коммуникативной позиции говорящего подробно рассматривается И.А. Стерниным в отношении публичной речи, адресованной «живой аудитории»; межличностного общения; массовой коммуникации (Стернин, 2001: 4).

Как показывает анализ соответствующей литературы, феномен речевого воздействия в коммуникации обсуждается в двух перспективах. Прежде всего можно говорить о персуазивной коммуникации или неравноправном, однонаправленном дискурсе, когда попытка воздействия осознанно осуществляется одним из коммуникантов (Lakoff, 1982:28; Фёдорова, 1991). В таком случае предполагается его активная, доминирующая позиция как субъекта речевого воздействия, а в качестве пассивного объекта воздействия выступает партнёр по коммуникации или целая группа, что свойственно часто политическому или академическому типам дискурса. При этом в контексте персуазивной коммуникации, как отмечается в исследовании О.С. Иссерс (Иссерс, 2002: 22–24), типологию речевого воздействия можно выстраивать по разновидности речевых действий (актов, жанров) в аспекте иллокуции (см. Фёдорова, 1991; Сёрль, 1986 а,б; Остин, 1986; Шмелёва, 1990). Кроме того, в основу классификации может быть положен перлокутивный критерий (см. Почепцов, 1987).

В другом подходе коммуникативно-речевое воздействие коррелирует с речевым взаимодействием, в процессе которого наблюдаются эффекты взаимовлияния и осуществляется коррекция модели мира обоих коммуникантов (Zarefski, 1989; Burke, 1970; Иссерс, 2002). В противоположность первой точке зрения такая коммуникация подразумевает тип

воздействия в условиях равноправного сотрудничества, а не субординации.

В концепциях коммуникации современных авторов одну из ключевых позиций занимает идея о необходимом наличии у партнёров по взаимодействию некой общности как *minimum communale*, являющейся предпосылкой для осуществления общения как такового, во-первых, и его успешной реализации, во-вторых. Вспомним (*ad hoc*), что понятие «**коммуникация**» (от латинского *communis* – «сообща, вместе, совместно, в коллективе») подразумевает процесс, базирующийся на определённых общностях, совпадениях между различными субъектами как участниками коммуникации (ср. Schulz, 1994: 140). Для обозначения пересекающегося или идентичного коммуникативного минимума у субъектов, участвующих в интеракции, в литературе выделяются разные аспекты в соответствии с подходами исследователей к пониманию этого феномена. Так, речь идёт о наличии общего социального опыта у коммуникантов (Тарасов, 1977: 83), общности знаковых средств (ср. также *Symbolvorrat* или *shared code*; Graumann, 1972, 1180), апперцепционной базы как общих предварительных сведений и общего житейского опыта (Земская, 1978: 201), общего когнитивного фонда или пресуппозиции как зоны пересечения когнитивных пространств коммуникантов (Гудков, 2003: 23; Красных, 2003: 104; Макаров, 2003:136), **пресуппозиции** в смысле предварительных знаний каждого коммуниканта как условий возможного производства высказывания (Формановская, 2002: 44), контекстуальных условий (*van Dijk*, 1981: 54). Как убедительно подытоживает В.В. Красных, несмотря на разные точки зрения, в основе своей авторами подразумеваются общий фонд знаний, общий опыт, общий тезаурус, общие предварительные сведения, которыми обладают коммуниканты, именно то, что многими определяется как **пресуппозиция** (ср. Красных, 2003: 103). К общей «платформе» участников коммуникации, обеспечивающей её адекватность и потенциальную успешность, следует отнести также единый коммуникативный стиль в рамках интракультурного общения и умение идентифицировать коммуникативный стиль друг друга в ситуациях межкультурного взаимодействия для уместного взаимного вербального и невербального поведения.

Таким образом, вступая в коммуникацию, каждая личность (или человек общающийся) привносит в неё свой собственный, «сохранённый» в процессе инкультурации и социализации «запас-хранилище» знаний и представлений или индивидуальное лингвокогнитивное пространство.

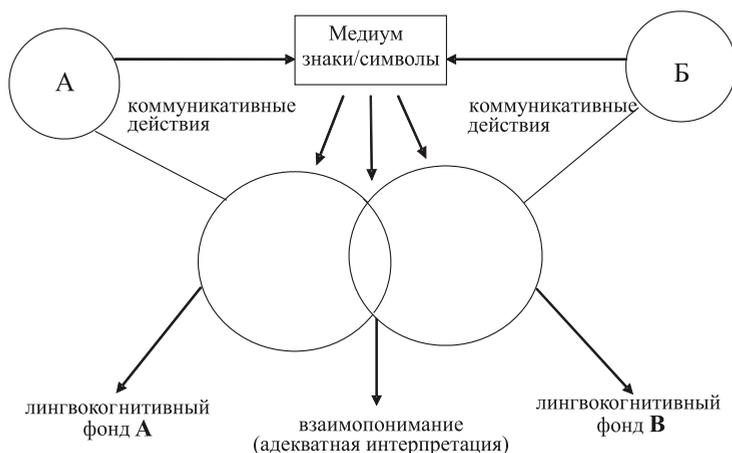

Рис. 1. Схема коммуникации

В коммуникативном взаимодействии при продуцировании, восприятии и понимании речевых и экстравербальных сообщений когнитивные пространства общающихся актуализируются и частично пересекаются, порождая общий пресуппозиционный фонд. При этом чем больше зона пересечения, тем адекватнее будет коммуникация.

В обобщённо-схематичном представлении модель коммуникации, учитывающую как индивидуальные, субъективные лингвокогнитивные пространства общающихся, так и их общий пресуппозиционный фонд, можно представить следующей схемой (рис. 1.)

Очевидно, что объём зоны пересечения индивидуальных пространств, символизирующей взаимопонимание, будет тем больше, чем больше идентичностей субъективно-индивидуального, социального и культурно-языкового плана имеют коммуниканты. При этом адекватность интерпретации как показатель успешности общения возможна только тогда, когда адресат и адресант совпадают в отношении истинности выраженного содержания (объективный мир), правдивости своих высказываний (субъективный мир) и правильности/уместности продемонстрированных ими интересов (социальный мир) (ср. Burkart, *Verständigungsorientierte...*: 221). Часть лингвокогнитивных пространств, не попадающих в зону пересечения или в общий пресуппозиционный фонд, отражает субъективно-специфический опыт партнёров по коммуникации или то поле смыслов, которое они не хотят или не могут разделять друг с другом. Полное отсутствие

пресуппозиции (общего фонда знаний), как и полное наложение индивидуальных знаний и представлений, теоретически возможно, но практически вряд ли встречаемо в реальной жизни. Подтверждение сказанному находим у Ю.М. Лотмана: «В нормальном человеческом общении и, более того, в нормальном функционировании языка заложено предположение об исходной неидентичности говорящего и слушающего. В этих условиях нормальной становится ситуация пересечения языкового пространства говорящего и слушающего. В ситуации непересечения общение предполагается невозможным, полное пересечение делает общение бессодержательным» (Лотман, 1992:10). Всё вышесказанное о предпосылках успешности коммуникативного взаимодействия относится в первую очередь к аксиомам коммуникации вообще, но в гораздо более яркой и выпуклой форме проявляется в ситуациях межкультурной коммуникации, основные положения которой рассматриваются ниже.

1.2. Формы и виды коммуникации в межличностном versus межкультурном взаимодействии

Анализ работ, посвящённых коммуникативной проблематике (Pürer, 2003; Maletzke, 1998; Merten, 1977; Burkart, Hömberg, 1992; Bentele, Beck, 1994; Graumann, 1972; Heringer, 2004; Макаров, 2003; Почепцов, 1998, 2003; Кашкин, 2000; Красных, 2003; Соколов, 2002 и др.), позволил выделить наиболее релевантные аспекты, обсуждаемые в теории коммуникации с позиций разных подходов и имеющие непосредственное отношение к пониманию и моделированию интеракции в межкультурном пространстве.

Прежде всего следует отметить, что в научной литературе нередко синонимично употребляются термины «коммуникация» и «**интеракция**» (взаимодействие). С одной стороны, для целей эмпирического исследования такое отождествление, отражающее всю палитру вербальных и невербальных взаимоотношений коммуникантов, может быть оправдано (ср. Graumann, 1972: 1179). С другой стороны, как обоснованно отмечает ряд авторов, в большинстве своём понятийную корреляцию этих категорий следует рассматривать в системе соподчинения (Burkart, 1998:30; Bürger, 1984: 7; Nicotera, 1995: 58; Макаров, 2003: 62).

При этом коммуникация определяется как частный случай, специфическая форма социальной интеракции.

Понятие «**интеракция**», или «взаимодействие», имеет социологические корни и понимается, по М. Веберу, как определённая форма социального действия, «связанного с субъективным смыслом и ориентированного на действия других людей» (Weber, 1980:1). Важным дефинирующим элементом интеракции является физическое присутствие общающихся, возможность взаимно воспринимать друг друга (Jäckel, 1995: 463). Таким образом, интеракция как более широкое понятие соотносится с социальным действием, а будучи опосредованной знаково-символическим кодом, представляет собой коммуникацию. По мнению Г. Малетцке, коммуникативный процесс подразумевает прежде всего взаимопонимание, содержание и смыслообразование в общении, тогда как в межличностном взаимодействии (интеракции) акцент делается на поведенческие аспекты, характер социальных отношений и действий (Maletzke, 1998: 43). Кроме того, коммуникация определяется как такая интеракция, где в фокусе координации оказываются коммуникативные интенции, так как именно они являются катализатором всего процесса общения, выражая внутренние состояния людей. Так, например, случайное соприкосновение в автобусе, полном пассажирами, хотя и вызывает ответную реакцию в виде попытки отстраниться, может расцениваться как социальное взаимодействие, но не как коммуникация в силу отсутствия намерения передать какое-либо смысловое содержание.

В некоторых исследованиях коммуникативной направленности различаются широкое и узкое толкования понятия «**коммуникация**». Под коммуникацией в широком смысле подразумеваются технические, биологические, психические, физические и социальные разновидности коммуникации. Соответственно, широкий подход применяется в разных сферах и научных направлениях (био- и анимальная коммуникация, техническая, машинная коммуникация, а также коммуникация между человеком и машиной). При этом, в зависимости от формы проявления, коммуникация подразделяется на межличностную, технически опосредованную (например, все виды телефонной связи), массовую (радио, телевидение, информационные службы) и компьютерную (Pürer, 2003:17, 59).

В узком значении **коммуникация** рассматривается как процесс взаимопонимания и обмена смыслами между людьми, т. е. соотносится с социальным взаимодействием, взятым в его знаковом аспекте

(Schulz, 1994: 140; Maletzke, 1963: 18; Кравченко, 2003: 84). Пространство узкосемантического толкования включает четыре основные формы коммуникации: межличностную, групповую (или общение в малых группах), массовую и организационную (Littlejon, 1992: 19). При этом перечисленным выше формам присущи свои виды реализации. Можно говорить о прямом и непрямом общении, взаимном или одностороннем, приватном или общественном, при непосредственном присутствии коммуникантов либо их физическом отсутствии в коммуникативной ситуации.

Межличностную коммуникацию можно рассматривать в качестве родового понятия по отношению к другим формам коммуникации. Межличностная коммуникация, объединяющая в себе наряду с формальным характером социальных отношений также признак взаимопонимания, определяется в достаточно лаконичной форме как «вербальное и/или невербальное взаимодействие между людьми» (ср. Pürger, 2003: 60), а также – более развернуто – «как процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи/получения/обмена информацией, т. е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности» (Красных, 2003: 79).

В современной интерпретации межличностного общения* к его основным факторам или элементам относят: коммуниканта-отправителя (адресант, источник сообщения), коммуниканта-получателя (адресат, реципиент), коммуникативное содержание (сообщение с его по преимуществу языковым оформлением), медиум-посредник, обратную связь, коммуникативный контекст, помехи (физический или психологический «шум»). Указание на релевантные факторы общения необходимо для анализа наиболее значимых признаков межличностной коммуникации, к числу которых исследователи прежде всего причисляют взаимность (обобщенность) face-to-face – коммуникации (Merten, 1977: 75). Общение всегда представляет собой взаимный процесс, участники которого находятся в состоянии постоянной смены коммуникативных ролей, выполняя в каждый момент функции то адресата, то адресанта. Однако, как справедливо отмечает Г. Кюблер, статус партнёров по коммуникации или социальное структурирование коммуникативной ситуации могут провоцировать

* В этой связи уместно вспомнить, что первая, по свидетельству Е.Ф. Тарасова (Тарасов, 1989: 20), попытка лингвистической интерпретации схемы передачи сообщений была предпринята Р. Якобсоном (Якобсон, 1965).

«коммуникативное неравенство» между ними, так что сам коммуникативный процесс и его диалогичность принимают часто асимметричный характер (Kübler, 1994: 38; ср. также Карасик, 1992: 24, 59).

Наряду с взаимностью, основными признаками межличностной коммуникации считаются интенциональность, пространственно-временные отношения (контактность/дистантность) общающихся, языковой код, коммуникативный эффект, рефлексия или обратная связь (ср. Merten, 1977: 77–88).

Как известно, интенция – это намерение сделать нечто. **Речевая интенция** – это намерение совершить речевое действие в коммуникативной деятельности, взаимодействии с партнёром. Как обоснованно отмечает М.Л. Макаров (Макаров, 2003: 62), коммуникативные интенции являются отправным пунктом всего процесса общения. При этом интенциональность присутствует даже тогда, когда партнёр, которому адресовано то или иное намерение, не реагирует на посыл или интерпретирует его иначе, чем отправитель (Merten, 1977: 77). Согласно теории значения П. Грайса, коммуникативное намерение говорящего необязательно должно выражаться эксплицитно, чтобы быть правильно понятым адресатом. В то же время для распознавания этого намерения адресату недостаточно только языковых знаний, обеспечивающих понимание буквального значения высказывания, – необходимы также знание контекстных условий реализации высказывания и другие виды «прагматического» знания, вовлечённые в процесс «исчисления» коммуникативного значения (Grice, 1971).

Интенции можно разделить на практические и ментальные. Первые ведут к реализации высказываний, порождающих практические действия коммуникантов. К ним относятся интенции «просить», «советовать», «обещать», «разрешать», «запрещать» и многое другое. Вторые, т. е. ментальные, способствуют размышлениям, рассуждениям, доказательствам, объяснениям, определениям, аргументации, утверждениям, отрицаниям и т. д. Они более всего характерны для научных дискурсов (Рябцева, 1992; цит. по Формановской, 2002: 30).

Ситуационный признак коммуникации проявляется в пространственно-временном соотношении коммуникантов в момент общения, их обоюдном восприятии друг друга. В «присутственном» варианте участники коммуникативного акта контактируют напрямую (беседа лицом к лицу), в случае технически опосредованного взаимодействия (например, разговор по телефону) речь идёт о дистантном обще-

нии, характеризующемся значительно меньшим числом «задействованных» коммуникативных воздействий и, соответственно, ограниченном в возможностях межличностного восприятия и влияния.

Язык является самым эксплицитным из известных видов коммуникативного поведения (Сепир, 2001: 211). Как отмечает Г.Г. Почепцов, вербальная коммуникация носит главенствующий характер в любой области человеческой деятельности (Почепцов, 2003: 319). Речь, таким образом, представляет собой самый успешный («производительный») инструмент в обеспечении взаимопонимания между людьми. При этом в речевой коммуникации значительную роль играют паравербальные качества оформления высказывания: высота, громкость звука; тембр, мелодика, звучность голоса; скорость, ритмичность речи; частота и длительность пауз, т.е. то, как мы говорим. Наряду с содержанием сообщения эти сигналы передают особенности коммуникативного стиля говорящего в разных ситуациях общения. Кроме устной формы вербальной коммуникации следует упомянуть также её письменный вариант как «оптическую фиксацию языковых тел, создающую возможность аккумуляции коммуникативного содержания и тем самым его передачи субъектам, не принимавшим непосредственного участия в самом акте коммуникации (ср. Hunziker, 1988: 5). Кроме того, письменный (графический) способ является одним из основных для сохранения «опыта и знаний», являясь важным средством трансляции лингво- и социокультурных традиций. Подчёркивая первостепенную роль вербальной коммуникации, опосредованной языком, которая, по мнению многих исследователей, обладает способностью на основе ограниченного количества языковых правил и элементов породить бесконечное число высказываний (значений и смыслов), правильной находим мысль Г. Малетцке: «Язык – это всегда коммуникация, но он – одна из форм коммуникации, среди многих других» (Maletzke, 1998: 44).

В терминах «эффект», «влияние», «результат» можно описать всё явное (открытое) коммуникативное поведение и внутренний резонанс коммуникантов, наблюдаемые и воспринимаемые в процессах их взаимодействия. С точки зрения прагмалингвистики, понимаемой в широком смысле как теория общения, результат речевого коммуникативного действия рассматривается теорией речевых актов в понятии перлокутивного акта (акта воздействия и получения его результата), что во многом способствовало, как отмечает Л.М. Салмина, сведению цели коммуникации только к воздействию (ср. Салмина, 2001: 30).

Одним из важнейших признаков межличностной коммуникации определяется рефлексия, или обратная связь, как комплекс вербальных и невербальных сообщений, которые человек намеренно или ненамеренно посылает в ответ на сообщения другого. «Реакция слушающих на высказывание говорящего по сути составляет цементирующий момент общения, её отсутствие приводит к разрушению коммуникации» (Кунцына и др., 2000: 46). К. Мертен выделяет в проявлении обратной связи временной, предметный и социальный аспекты (Merten, 1977: 86–88, 161). При этом под рефлексированием в темпоральном измерении понимается обратное влияние результатов коммуникации на сам коммуникативный процесс. Обратная связь в предметном измерении подразумевает, что в акте коммуникации выбирается тот код, который наиболее соответствует его предметно-содержательным целям. Социальный параметр обозначает, что коммуникация объединяет индивидов, творит социальность, стимулирует когнитивные усилия и тем самым создаёт человеческую идентичность.

Для межличностного общения характерна не изолированность, а взаимодополняемость коммуникативных средств воздействия, способствующих более успешной интеракции. В этом смысле массовая коммуникация, или коммуникация посредством электронной связи, представляется ограниченной в связи с ограниченным числом возможностей и способов её реализации. Это, в свою очередь, влияет на проявления коммуникативного стиля в разных типах институциональной коммуникации или институциональных дискурсах.

Вышеперечисленные закономерности значимы и для коммуникации в группах, которая, однако, отличается от межперсональной (диадической) двумя основными моментами. Во-первых, общение в группе регулируется числом и ролевыми функциями отдельных членов этой группы, что определяет своего рода структуру взаимодействия. Во-вторых, групповая коммуникация всегда опосредована приоритетными для группы нормами, правилами и способами вербальной и невербальной деятельности (ср. Kübler, 1994: 21). Это позволяет говорить о таких специфических чертах общения в рамках группы, как появление феномена межличностного влияния, группового целеполагания, процесса выработки и принятия групповых решений.

Речевое взаимодействие внутри социальных групп или институтов, в ходе которого люди реализуют свои статусно-ролевые возможности, представляет собой не что иное, как институциональную коммуника-

цию с присущим ей стилем. В определённой степени коммуникация в группе соотносима с организационной коммуникацией, поскольку любую организацию можно рассматривать как группу взаимодействия индивидуумов, объединённых для достижения определённых целей (Бергелсон, 2004: 11).

В современном понимании организационные взаимодействия и организационная среда – это один из социальных контекстов, в которых формирующая, воспроизводящая и преобразующая функции коммуникации проявляются особенно интенсивно. Коммуникация, таким образом, признаётся конституирующей основой любой организационной системы и любой организационной культуры (Матьяш, 2004: 16). В западной теории организационное взаимодействие и коммуницирование интерпретируются как два взаимообуславливающих, взаимоопределяющих процесса. Организующий процесс есть одновременно коммуникативный, смыслообразующий процесс, и, наоборот, коммуникативный процесс – это одновременно процесс организующий (Weick, 1979). Одной из основ для анализа организационной коммуникации является концепция культурных параметров (измерений) голландского социолога Г. Хофстеде, положения которой подробно рассматриваются далее.

Классическая парадигма коммуникации, основанная американским политологом Г. Лассуэллом в 1948 году, рассматривала в качестве предмета своего исследования исключительно теорию массовой коммуникации (mass communication). Современный взгляд на коммуникативную науку не сводит её только до понимания массовой коммуникации, кроме того, некоторые авторы вообще оспаривают обоснованность причисления последней к коммуникации как таковой, называя её феноменом *sui generis* (см. Erbring, 1980; Kob, 1978). Анализ соответствующей литературы показывает, однако, что подобное мнение не разделяется большинством авторов, определяющим массовую коммуникацию в контексте широкого понимания коммуникации. При этом речь идёт, в первую очередь, о переносе информации и только изредка – об обмене сообщениями, поскольку массовая коммуникация в традиционном смысле (газеты, журналы, радио, телевидение) представляет собой форму общественной, не прямой (опосредованной), однонаправленной и тем самым асимметричной коммуникации (Püreg, 2003: 73). Сегодня массовая коммуникация является «мощным политическим средством, которое не только формирует общественное мнение, но и часто непосредственно влияет на принятие тех или иных политических решений»

(Почепцов, 2003: 252). Прежде всего это возможно в связи с использованием технических средств передачи и массового тиражирования словесной, образной, музыкальной информации среди численно больших рассредоточенных аудиторий с целью не только информирования, но и оказания идеологического, политического, экономического, психологического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей (Желтухина, 2003: 131).

Соотнося признаки межличностной и масс-коммуникации, можно выявить как их общие черты, так и закономерные отличия. Прежде всего, совершенно очевидно взаимопроникновение этих форм коммуникации. Собственно массовая коммуникация немыслима без межперсональной, которая, в свою очередь, получает от первой новое содержание, актуальные социополитические темы для face-to-face общения, выполняя тем самым коммуникативно-творящую функцию. В качестве одного из главных сходств обеих форм коммуникации выделяется интенциональность обращения к адресату на основе общей знаковой системы (Bentele/Beck, 1994: 34). Кроме того, в обоих случаях коммуникация вызывает определённую реакцию у реципиента. Полученная им информация воспринимается селективно, подвергается декодированию и интерпретации, наделяется смыслом. Будучи принятой или отклонённой, информация способствует утверждению либо изменению взглядов, установок, поведения адресата (ср. Bergler/Six, 1979: 37).

Формат массовой коммуникации имеет также собственные признаки, релевантные для нашего исследования, в рамках которого анализируется, в том числе, коммуникативный стиль немецкого политического дискурса как значимой составляющей пространства массовой коммуникации. Массовая коммуникация – это медиумно опосредованная, непрямая коммуникация. Она всегда реализуется с помощью технических средств через разные средства передачи информации, что позволяет употреблять для её обозначения также термин массмедиаальная коммуникация (ср. дискурс массмедиа или массмедиаальный дискурс: Шейгал, 1998; Желтухина, 2001). К классическим медиаальным средствам относятся, наряду с печатной продукцией (газеты, журналы, книги, плакаты), также аудиовизуальные средства информации (радио, телевидение, кино, музыкальные диски, аудио- и видеокассеты).

В отличие от межличностного общения, частного по своей сути, массовая коммуникация имеет общественный, публичный характер. Её адресатом является неограниченное и неопределённое количество субъ-

ектов, т. е. коллективный адресат. Известный немецкий коммуникативист Г. Малетцке, характеризуя многочисленных реципиентов массмедиальной коммуникации, использует термин «дисперсная публика» (*das disperse Publikum*), подчёркивая их неоднородность и пространственную разобщённость (Maletzke, 1963: 28). Объединяющим началом в исполнении коммуникативной роли слушающего (адресата) при подобной пространственно-временной рассредоточенности является внимание к одному предмету, а именно к транслируемому тексту-высказыванию. Дисперсной публике противопоставляется «присутствующая публика» (*das Präsenzpublikum*), выделяемая на основе идентичности интересов, одинаковых ожиданий, часто одинаковых контекстных знаний, ситуативной и пространственной общности, например, присутствие определённого количества людей в кинотеатре, на проповеди в церкви, в каком-либо зале при прочтении доклада или выступлении политика.

Отношения адресант – адресат (производитель и пользователь сообщений) в массовой коммуникации имеют свои особенности. По сути, мы имеем здесь дело с поляризацией коммуникативных ролей, поскольку «типичные для межличностной коммуникации взаимность и ролевой обмен *de facto* отсутствуют в массовой коммуникации» (ср. Burkart, 1998: 167). Обратную связь (*feed back*), в принципе, нельзя исключать полностью. Реакция на тексты массовой коммуникации, представленные в письменной или устной форме, может осуществляться посредством телефонных звонков, писем слушателей или читателей, при помощи электронной почты. Однако такое общение нельзя отнести к непосредственному контакту, а само общение, как правило, запаздывает по времени, так как между коммуникантами существуют пространственная дистанция и временная отсроченность.

Даже если речь идёт о трансляции в реальном времени (*on-line*) или так называемом «живом» эфире (*live, call-in*), когда в виде исключения для массовой коммуникации можно говорить о коммуникативном контакте между субъектами коммуникативного взаимодействия, подобного рода коммуникация в основном не сопровождается сменой коммуникативных ролей. Говорящему в такой ситуации общения принадлежит больший коммуникативный вес, большая дискурсивная инициатива, проявляющаяся в определении тем, стратегии и тактики для воздействия на слушающего. Адресат не владеет властными полномочиями коммуникатора – адресанта и вряд ли может повлиять на структурное оформление передачи. Таким образом, массовая коммуникация имеет

par excellence однонаправленный характер, что обуславливает, соответственно, её асимметричность. Последняя определяется, кроме всего прочего, также разницей в степени институциональной организованности партнёров по коммуникации. В качестве источников сообщения в массовой коммуникации в большинстве своём выступают представители организованных структур (политических, журналистских институтов), которые порождают массмедиальные тексты, облечены властью в своей области и профессионально компетентны (ср. Шейгал, 2000: 46; Hunziker, 1988: 6). Реципиенты как какая-то часть общества или общество в целом представляют собой разнородную, анонимную публику, что значительно снижает степень их организованности и, соответственно, активности в процессе массовой коммуникации.

Типичным для фактора адресанта/адресата в массмедиальной коммуникации является также то, что партнёры по коммуникации не знают друг друга лично. В связи с этим можно выделить, однако, случай так называемой парасоциальной интеракции (см. Merten, 1977:145; Jäckel, 1995: 470), заключающейся в возникновении у зрителя иллюзии знакомства и межличностного общения с давно известным и часто появляющимся в эфире и на экране теле-радиоведущим, комментатором, журналистом, политиком. Этому способствуют особенности языкового идиостиля и коммуникативного поведения говорящего, повторяющиеся и хорошо узнаваемые речевые акты типа приветствия, привлечения внимания и т. д. Эффект парасоциальной интеракции, вызывающий доверие к личности отправителя сообщения и, как следствие, к самому сообщению, часто используется в массовой коммуникации с целью убеждения и политических манипуляций.

Как отмечают специалисты в области коммуникативной науки, все формы человеческой коммуникации представляют собой опосредованную коммуникацию, всегда «обслуживаемую» определённой инстанцией, средством или медиумом (включая язык и другие семиотические системы), с помощью которых сообщение генерируется или артикулируется, переносится и воспринимается (Graumann, 1972: 1182). При этом понятие «**медиум**» употребляется как в отношении знаковых кодов, свойственных человеку, так и в связи с разными, известными нам техническими средствами, например, в телекоммуникации (телефон, радиотелефон, факс), в массовой коммуникации (газеты, журналы, телевидение, радио), а также в современной компьютерно-опосредованной коммуникации (Burkart, 1998: 36). Известна попытка классификации

медиального разнообразия, включающая три блока возможных средств человеческой коммуникации (см. Pross, 1972: 10–145).

Выделяются прежде всего **первичные медиальные средства** «элементарного межличностного контакта», к которым наряду с языком относятся невербальные компоненты (мимика, жестикуляция, язык тела, зрительный контакт). Общим для этого «набора» кодов, релевантного для любого коммуникативного стиля, является отсутствие технического прибора в осуществлении коммуникативного взаимодействия между партнёрами по общению.

В качестве вторичного **медиума** определяются средства, требующие технического устройства при продуцировании сообщения, но не при его восприятии. Речь идёт о разного рода сигналах (дымовых, огненных, жестикуляции флажками), текстовых манифестациях письменного или печатного характера (письмах, газетах, плакатах, книгах и т.д.).

Под третичными средствами коммуникации понимаются те средства, при которых коммуникация осуществляется при помощи технических посредников. К этой группе причисляются телекоммуникационные и электронные ассмедиальные средства.

Эффективность воздействия в процессе коммуникации определяется, по мнению многих авторов, не только на основе «изолированных, абстрактных слов и предложений. Вербальная составляющая взаимодействия тесно переплетается с **невербальными компонентами**, такими, как характерная внешность говорящего, степень его привлекательности, специфическая голосовая артикуляция, мимика, жестикуляция и др.. Для психологической действенности собственно содержательной информации эти невербальные элементы имеют в смысле социальных техник центральное значение в акте коммуникации» (ср. Bergler/Six, 1979: 35; см. также: Куницына, Казаринова, Погольша, 2001: 68; Стернин, 2001: 89).

В качестве основных способов восприятия **невербальной коммуникации** выделяются акустический, визуальный (оптический), тактильный, термальный, ольфакторный и вкусовой. Реализуя общую для них функцию невербальной коммуникации – передавать сообщения, касающиеся конкретного состояния коммуниканта, его отношения к себе, к партнёру и ситуации, – каждый из способов сохраняет при этом свою специфику.

Посредством акустического воздействия общающиеся воспринимают экстралингвистические (паузы, смех, плач, кашель, вздох и т.д.) и

паравербальные сигналы сообщения (скорость речи и её ритм, тембр голоса и его громкость и т.д.). То, как произнесено высказывание, является часто более важным, чем само содержание сообщения, а такие средства, как ударение, паузы, интонирование, передают сообщение о том, какое значение в данной ситуации придаётся сказанным словам. По Ф. Ницше: «Наиболее понятным в языке бывает не самоё слово, а тон, ударение, модуляция, темп, с которым произносится ряд слов, – короче сказать, музыка, скрывающаяся за словами, страстность, скрывающаяся за музыкой, личность, скрывающаяся за страстностью, т. е. всё то, что не может быть написано» (цит. по: Соколов, 2002: 295).

Большая часть невербальной информации воспринимается, как известно, визуально. Невербальная коммуникация объединяет мимику или выражение лица как основной источник передачи человеческих эмоций, кинесику (движения тела и жестикуляцию), проксемику (пространственную организацию общения), внешние атрибуты ситуации (рост, одежду, причёску коммуникантов, окружающие предметы), а также зрительный контакт, выполняющий в первую очередь функцию регулирования разговора и атмосферы интимности в межличностном общении. Своеобразие проявления названных факторов оптического или визуального способов воздействия значительно опосредовано лингвокультурными традициями партнёров по коммуникации (например, уместным ли является прямой зрительный контакт в разговоре или какова допустимая дистанция между говорящими).

Тактильный компонент коммуникации обеспечивает восприятие самых разнообразных прикосновений – рукопожатия, поцелуя, поглаживания, похлопывания, объятия и т. д. Подструктурно к тактильному невербальному поведению можно отнести также термальную систему восприятия, позволяющую партнёрам по интеракции ощущать теплоту тела при соприкосновении (Rüger, 2003: 65). Люди прикасаются друг к другу по разным причинам, разными способами и в разных ситуациях. Однако интенсивность и частота прикосновения зависят не только от пола, возраста, типа личности и её статуса, но и от типа культуры, к которой принадлежит личность.

Человеческое обоняние, запахи, поступающие ольфакторным способом, могут также стимулировать или затруднять коммуникацию. Это касается и вкусовых ощущений, сопровождающих, например, поцелуй как форму человеческого взаимодействия. Замечательной иллюстрацией, демонстрирующей значимость ольфакторного аспекта коммуника-

ции в рамках своей культурной группы, является высказывание представительницы эвенкийского народа в одной из телевизионных передач по поводу встреч с земляками: «Обнимешь человека, понюхаешь его – родные запахи, и сердце тает».

Обобщая краткое описание разнообразия невербальных составляющих коммуникации, сошлёмся на выводы немецких авторов в отношении их социального значения и функций. Итак, невербальная коммуникация:

- непосредственно регулирует социальные контакты, пробуждая симпатию (повышая при этом готовность к взаимодействию) или антипатию (снижая готовность к контакту) (Püreg, 2003: 66);
- подготавливает партнёра по коммуникации к восприятию вербальной коммуникации;
- поддерживает интерес слушающего, его внимание и готовность к последующей информации в течение акта коммуникации;
- является более достоверной в случае рассогласования вербальных и невербальных сигналов;
- поддерживает вербальную коммуникацию, заменяет или дополняет последнюю (ср. Bergler/Six, 1979: 33).

Проанализированные выше теоретические аспекты коммуникации рассматриваются как некие коммуникативные универсалии, объективирующиеся, однако, только в контексте конкретной лингвокультуры и, соответственно, ею детерминированные, так что «культурно маркированным в коммуникации оказывается всё» (Красных, 2001). Эта мысль затрагивает очень важный вопрос, а именно, вопрос о национально-культурной обусловленности коммуникативного процесса.

1.3. Национально-культурный аспект коммуникации

Культурно-специфические особенности коммуникации проявляются во всех её вышеперечисленных формах (межличностной, массовой, групповой и организационной), в комплексе вербального и невербального поведения, в реализации разных уровней как лингвистического, так и экстралингвистического планов.

Отметим, что выявлению и изучению национально-культурной составляющей дискурса посвящены различного рода исследования оте-

чественных и зарубежных учёных. В предлагаемом ниже обзоре представлены некоторые подходы к данной проблеме современных авторов, которые так или иначе пересекаются с нашим подходом к анализу коммуникативного стиля в контексте межкультурного общения и, соответственно, диалектики культуры и коммуникации.

Лингвокогнитивная концепция (Красных, 2002: 20) позволяет выделять и анализировать два плана коммуникации. Прежде всего речь идёт об общелингвистическом аспекте, релевантном для любой формы коммуникации, любого дискурса, любого языка, на котором осуществляется общение. Иначе говоря, объектом анализа становятся коммуникативные универсалии, о которых говорилось выше, вся совокупность факторов, структурирующих саму коммуникацию и влияющих на её протекание. Особый интерес в аспекте процессов межкультурного общения представляет второй план как культурно-детерминированный компонент, актуальный для коммуникативного пространства каждой лингвокультуры, в котором реализуются все типы дискурсов. Это тот компонент, который определяет особенности национального языкового сознания, специфику того, что хранится в сознании человека и проявляется в коммуникации. Изучение культурно-детерминированного компонента позволяет исследовать национальное в коммуникации, выявлять и описывать национально-специфические составляющие, в частности, феномены, которые обуславливают национально-культурную специфику дискурса.

Упомянувшиеся в связи с необходимыми условиями коммуникации термины «когнитивная база» и «пресуппозиция» разрабатываются в русле теории лингвокогнитивного подхода и, являясь национально-культурно-детерминированными сущностями, требуют более детального рассмотрения.

Итак, каждая языковая личность, каждый человек, общающийся как субъект коммуникации, обладает определённым образом структурированным набором знаний и представлений, обозначаемым **индивидуальным когнитивным пространством**. При этом существует некая совокупность знаний и представлений, которыми владеют все представители того или иного социума (профессионального, конфессионального и т. д.), выделяемая как **коллективное когнитивное пространство**. Определённым же образом структурированная совокупность знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного лингвокультурного сообщества, которыми обла-

дают все носители того или иного национально-культурного менталитета, определяется как **когнитивная база** (Гудков, 2003: 91; Красных, 2003: 61). Безусловно, разные лингвокультуры имеют разные когнитивные базы, что связано с различиями в «языковых картинах мира», разной категоризацией и классификацией окружающей людей реальности. Причём, как отмечает Д.Б. Гудков, основными составляющими когнитивной базы являются не личные знания и представления тех или иных индивидов о «культурных предметах» (термин Н.В. Уфимцевой), но национально-детерминированные минимизированные инварианты этих представлений (там же: 98).

В разработанной авторами концепции не только когнитивная база, но и когнитивные пространства (индивидуальные и коллективные) являются культурно-маркированными. Кроме того, совокупность последних образует **национальное культурное пространство**, понимаемое как информационно-эмоциональное («этническое») поле, как всё многообразие реально существующих и потенциально возможных знаний и представлений носителей национального ментально-лингвального комплекса. Когнитивная база входит в культурное пространство как его «ядерная» часть (Красных, 2002: 23). Например, в немецком культурном пространстве особую ментальную нишу занимает концепт «Стена» (die Mauer) как символический знак разъединения и объединения страны. При этом индивидуальные когнитивные пространства жителей немецких Земель включают в себя разные, по природе своей субъективные, оценки и коннотации, связанные с событиями вокруг Берлинской стены. Активизируемый в коммуникации определённый набор дифференциальных признаков этой реалии у немецких коммуникантов имеет как более, так и менее личностный вектор: «sie lebten jenseits von Mauer» (Deutschland, 4/2000: 50); «wir waren die Zonenkinder hinter der Mauer» (Hensel, 2002); «man richtete sich darauf ein, im Schatten der Mauer zu leben», «Mauerstaat» (Deutschland in kleinen Geschichten, 1997) usw. На основе государственного и политико-культурного деления Германии на протяжении ряда лет можно говорить, видимо, о специфике коллективных когнитивных пространств восточных и западных немцев, эксплицитно или имплицитно актуализирующих в своём речевом поведении свой комплекс представлений о «стене» и объединении: «wir im Westen wussten zu wenig von ihrer Vergangenheit, ihrer Empfindungen, ihren Beziehungen zu uns», «der Osten ist nicht über einen Kamm zu scheren» (Deutschland, 4/2000: 42, 47). Безусловно, существует национальный ин-

вариант знания и представления о культурном феномене «Mauer», хранящийся в минимизированном, редуцированном виде в когнитивной базе немецкой лингвокультуры. Оформленный как некий «пакет информации», этот инвариант не часто вербализуется в полной мере в связи с его предполагаемой общеизвестностью для носителей языка. Одной из возможных речевых экспликаций, отражающих фрагмент когнитивной базы, связанный с концептом «стена», является, например, фраза «neue Mauer in den Köpfen».

Все когнитивные совокупности реализуются в пресуппозиции, которая, в свою очередь, актуализируется в процессе коммуникации, релевантна «здесь» и «сейчас». В.В. Красных выделяет три типа пресуппозиций, соотносимых со структурами индивидуальных и коллективных знаний и представлений (Красных, 2002: 24). Когнитивная база как наиболее консервативный корпус знаний и представлений человека, точнее тот её фрагмент, который значим для осуществляемого акта коммуникации, соотносим с макропресуппозицией. Её актуализация возможна только в случае общения коммуникантов, обладающих одной когнитивной базой, или в случае когда коммуникант-иностранец знаком с когнитивной базой той лингвокультуры, на языке которой ведётся общение.

Здесь, однако, возникает следующий вопрос. Реалии современной жизни таковы, что всё чаще в ситуациях межкультурной коммуникации языком общения становится так называемый *lingua franca*, язык-посредник, неродной для коммуникативных партнёров (см., напр., Quirk, 1982; Firth, 1996; Crystal, 1999; Bouton, 1999; Seidlhofer, 2001). В этом случае трудно сказать без специального исследования, фрагменты чьей когнитивной базы будут актуализироваться в макропресуппозиции, нормы какого коммуникативного стиля будут выбраны общающимися, создавая тем самым платформу для коммуникации.

С фрагментом коллективного когнитивного пространства, проявляемого в коммуникации, соотносится социумная пресуппозиция. Последняя актуализируется при общении людей, относящихся к одному социуму. Как макропресуппозиция, так и социумная пресуппозиция не всегда имеют место. Они явно отсутствуют, если участники коммуникации не принадлежат к какому-либо одному социуму и/или к одному национально-лингвокультурному сообществу. В качестве краткой иллюстрации вышесказанного приведём типичное немецкое объявление, появившееся накануне Рождества у входа в одном из кафе:

Unsere Öffnungszeiten an den Feiertagen:

Heilig Abend

10 bis 17 Uhr

21 bis 24 Uhr

25. und 26.12.

10 bis 24 Uhr

Gans- und Entenessen

wir bitten um rechtzeitige Reservierung!

В первой части объявления указаны часы работы кафе днем и вечером в сочельник, накануне Рождества. Знание о том, почему сделан перерыв между 17 и 21 часами, относится непосредственно к когнитивной базе немецкого лингвокультурного сообщества. Это знание в рамках своей культуры воспринимается как нечто всем хорошо известное и само собой разумеющееся. И вряд ли хозяину немецкого кафе придёт в голову выражать вербально, что этот период вечернего времени в сочельник считается праздником в кругу семьи с традиционными подарками и ёлкой. При этом у любого иностранца, не знакомого с немецкими рождественскими обычаями, такое расписание может вызвать удивление и непонимание. Примерно так же можно проинтерпретировать вторую часть объявления, в которой имплицитно в пресуппозиции подразумеваются культурные знания о том, что в последующие праздничные дни, как правило, многие немецкие семьи в кругу родственников и друзей посещают кафе и поэтому необходимо заказывать места заранее.

Третий тип пресуппозиции, имеющий место в любой ситуации общения, определяется как микропресуппозиция, или общий фонд знаний коммуникантов о конкретной ситуации, в которой осуществляется конкретный акт коммуникации. Это спонтанно возникающая «здесь и сейчас» зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств общающихся.

Отражённые в когнитивной базе культурно обусловленные знания, представления и установки определяют предпочтения носителей языка в отборе коммуникативных средств для организации адекватного общения. Если соотнести социумную пресуппозицию и коллективное когнитивное пространство с определённым видом институции, которому свойственен конкретный институциональный тип дискурса, то

можно говорить об особенностях коммуникативного стиля данного локального или частного дискурса. Присущий каждому общающемуся человеку индивидуальный личностный стиль так или иначе детерминирован национальным и дискурсивным стилем коммуникации в данной лингвокультуре. Отсутствие пресуппозиции, а значит, в том числе, представления о коммуникативном стиле инокультурного партнёра по общению, предполагает возникновение недоразумений в коммуникативном взаимодействии.

Значимой для анализа национально-культурной составляющей коммуникации в рамках лингвокогнитивного подхода является также концепция прецедентных феноменов, являющихся ядерными элементами когнитивной базы (Гудков, 2003: 99; Красных, 2003: 169). Сам **феномен прецедентности** в разных аспектах неоднократно обсуждался в научной отечественной литературе, а именно, прецедентный текст (Караулов, 1987: 216; Сорокин, 1987; Сорокин, Михалёва, 1993), прецедентное высказывание (Костомаров, Бурвикова, 1994; Захаренко, 1997), прецедентные текстовые реминисценции (Прохоров, 1996), прецедентное имя (Гудков, 1997). Модифицируя определение Ю.Н. Караулова в отношении прецедентного текста, В.В. Красных относит к числу **прецедентных феномены** (Красных, 2003: 170):

- хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»);
- актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
- обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества.

Прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными. К первым относятся самые разнообразные тексты как продукты речемыслительной деятельности, ко вторым – произведения живописи, архитектуры, музыкальные произведения и т. д. В составе прецедентных феноменов выделяют прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное имя и прецедентное высказывание.

Проблема национальной специфики коммуникации очень активно и плодотворно разрабатывается в аспекте сопоставительного исследования коммуникативного поведения разных народов (см. Стернин, 1996; 2001; 2002; 2003а; 2003б; Прохоров, Стернин, 2002; Стернин, Ларина,

2003). При этом **коммуникативное поведение** определяется как совокупность норм и традиций общения определённой лингвокультурной общности – народа, группы, а также отдельной языковой личности (Стернин, 2003б: 63). Коммуникативное поведение обусловлено как национальным менталитетом, так и национальным характером. Важно отметить, что при описании коммуникативного поведения речь идёт только лишь о наличии выявленных коммуникативных образцов в национальной культуре, в её фонде, концептосфере, а не об обязательном обладании этими образцами поведения каждым. Можно только утверждать, что многие носители данной культуры и данного языка владеют этими образцами (Стернин, Ларина, 2003: 20).

В рамках названной теории предлагаются три основные модели – ситуативная, аспектная, параметрическая – как комплекс описания национального коммуникативного поведения.

Ситуативная модель отражает коммуникативное поведение в рамках коммуникативных сфер и стандартных коммуникативных ситуаций (приветствие, извинение, благодарность, вступление в контакт, выход из общения, общение в гостях, общение в коллективе, по телефону, общение с детьми, национальная невербальная система и т. д.). Ситуативная модель строится на эмпирическом материале. В ней отдельно рассматривается и описывается вербальное и невербальное коммуникативное поведение.

Аспектная модель предполагает описание коммуникативного поведения в фокусе выделенных исследователем априори аспектов, основные из которых – вербальный и невербальный, а также продуктивный, рецептивный, нормативный и реактивный (описание коммуникативной реакции).

Параметрическая модель представляет собой достаточно формализованное системное описание коммуникативного поведения на основе некоторой заданной исследователем совокупности факторов. В рамках параметрической модели И.А. Стернин выделяет коммуникативные факторы, параметры и признаки. Последние являются основой описания, так как накапливаются эмпирически, из фактического материала. Признаки систематизируются в параметры, а параметры – в факторы. Таким образом, получается обобщённая модель коммуникативного поведения лингвокультурной общности как систематизированное, упорядоченное сочетание выявленных особенностей национального коммуникативного поведения (см. Стернин, 2003а: 5,6). Среди основных

факторов, входящих в модель параметрического описания коммуникативного поведения, подчеркнём следующие, релевантные также с точки зрения анализа коммуникативного стиля: формальность/неформальность общения; коммуникативная самопрезентация; отношение к разногласиям; общительность; содержание общения, в том числе коммуникативные табу речевого и тематического характера; ориентация на собеседника; роль устного и письменного общения; невербальная организация общения (ср. там же: 7–13).

При этом коммуникативный стиль общения можно рассматривать как основу национального коммуникативного поведения.

В исследованиях зарубежных авторов последних лет, изучающих источники культурной маркированности в коммуникации, обращают на себя внимание концепции в русле парадигмы «культура в языке». Как представляется, они инспирированы, прежде всего, многими идеями Э. Сепира, одна из которых: «лексика – очень чувствительный показатель культуры народа» (Sapir, 1949: 27). Кроме того, резонансом работы А. Вежицкой, обосновывающей теорию «ключевых слов» культуры (Вежицкая, 2001).

Термины, именующие эти концепции, не так просто перевести на русский язык, например: Rich Points – как проблемные узлы культуры, места коммуникативного напряжения, «rich, with the connotations of tasty, thick, and wealthy all intended» (Agar, 1994: 100), или Hotwords – как слова-конденсаторы культурного смысла, коннотативный фон которых, как правило, невозможно определить по словарю (Heringer, 2004: 174). Немецкие авторы используют для обозначения данных речевых феноменов понятие Stolperstein, что можно трактовать как «камень коммуникативного преткновения», о который «запинаешься» в процессе общения при непонимании или неадекватной интерпретации сказанного из-за отсутствия необходимых культурно-фоновых знаний или presuppositions, что особенно явно проявляется в ситуациях межкультурного общения. Культурно-«нагруженные» коммуникативно-языковые явления Rich Points и Hotwords прежде всего закреплены за словами, кристаллизуются в лексических единицах (хотя в их объём включаются также грамматические и прагматические моменты).

Позволив себе условно назвать эти слова принятым в русском научном употреблении термином **лингвоспецифичные слова**, рассмотрим одну из таких лингвоспецифичных лексем, а именно понятие из австрийской культуры, являющееся подлинным «камнем преткновения»

для иностранцев. Значение слова *Schmäh*, часто употребляемое в Вене в телевизионных передачах, в газетных статьях, просто в разговорах, вряд ли можно понять из словарных изданий и, соответственно, в адекватном смысле употреблять или интерпретировать в коммуникации. Многочисленные попытки на основе интервью и бесед выяснить все те компоненты значения (культурные семы), которые укоренились в слове, помогли создать следующий образ. Данное понятие передаёт определённый образ жизни и мировоззрения, общую манеру вести себя, связанную с юмором и ироничным отношением к действительности, помогающую легче преодолевать жизненные проблемы. Такой вот своего рода «чёрный юмор», эксплицирующийся в коммуникации, например, в форме остроумного комментария к ситуации или в хитрой лжи в целях собственной выгоды. Подобное речевое поведение свойственно, однако, не любому австрийцу, поскольку соотносится с уровнем воспитанности и интеллигентности. При этом сами носители языка затруднялись в определении точной дефиниции этого слова, высказывая спорные и неоднозначные мнения. По крайней мере, сложно было определить, имеет это понятие перевес в пользу положительных или отрицательных коннотаций, что также подтверждает его культурную насыщенность и специфичность (ср: Agar, 1994: 101).

Для сравнения с выявленным толкованием приведём достаточно лаконичные немецкую и русскую словарные статьи, где, кстати, ключевое слово представлено только в форме глагола, при отсутствии соответствующего существительного:

- «Schmähen – поносить, хулить, оскорблять» (Большой немецко-русский словарь: Т.2, 1980: 311).
- «Schmähen: verächtlich behandeln, schimpfen, lästern: Schmährede; Schmähschrift; Schmähsucht; schmäh süchtig» (Das neue deutsche Wörterbuch, 1997: 816).

Подобные «культурно нагруженные» единицы, с трудом поддающиеся объяснению человеку из другой лингвокультуры, в огромном количестве присутствуют и в русском коммуникативном пространстве: «авось», «душевный», «поговорить по душам», «интеллигент» и т. д., а также в любом другом. В немецком это могут быть слова «Verein», «Feierabend», «Wessi-Ossi», «Wendehals» и др. Яркий пример национально-культурной специфичности демонстрирует приводимый далее отрывок из газетного текста: «Затрудняюсь объяснить русскому читателю, что такое «ртвели». Если очень коротко, то это несколько не-

дель в сентябре-октябре, когда в виноградарских деревнях Грузии собирают и перерабатывают урожай. Одни называют «ртвели» работой, другие – праздником, но, наверно, это и то, и другое. Короче и проще объяснить не могу, боюсь, так разольюсь в описаниях, что и о главном, пожалуй, не скажу. Как объяснить, что такое грузинская деревня без «ртвели»? (Мамаладзе, 1982; цит. по: Попова, Стернин, 2003: 75).

В расширительном значении как речевые проблемы (*par excellence*) вышеназванные подходы трансформируются в концепцию *Hotspots* (Heringer, 2004: 165) – «горячие» точки межкультурной коммуникации. К таковым немецкий автор относит, например, грамматическую (*du-Sie-Ihr-System*) и прагматическую (употребление титулов *Herr, Frau, Dr.* перед именем) нормы обращения в немецком языке или обращение по имени и отчеству в русском языке, что часто вызывает коммуникативную заминку у иноязычных партнёров. Перечислим ещё несколько потенциальных «горячих» моментов общения, полное число которых достаточно трудно охватить.

Итак, это может быть этап установления контакта (подавать или не подавать руку для пожатия, как ответить на звонок по телефону и т. д.). В китайской культуре готовность начать разговор подтверждается часто ответом на вопрос «*chi guo-le ma?*» (Вы уже поели?). Отрицательный ответ грозит прерыванием общения. Известное американское речевое клише «*How do you do?*» требует не прямого ответа, а лишь зеркального повторения (*Echo-Feedback*). В японской лингвокультуре важной процедурой при знакомстве является обмен визитными карточками, которые выполняют функцию идентификации личности в отношении её социального статуса.

Поддержание контакта, (алгоритм мены коммуникативных ролей, возможность прерывания собеседника, стимулирующие разговор модальные частицы, приемлемая длительность пауз и т. д.). Например, как известно, в разных языковых культурах коммуникативная значимость молчания неодинакова. В американском, немецком, французском, арабском контекстах молчание вызывает чаще негативную реакцию. В Восточной Азии, Японии, Финляндии молчание как ответ воспринимается почти как норма. Китайская пословица подчёркивает: «Знающий молчит, незнающий болтает».

Традиции слушания (принятые сигналы проявления внимания и коммуникативного участия во взаимодействии: зрительный, переспрос, молчаливое слушание, смех и т. д.).

По сути, многое из перечисленного в отношении оформления общения в разных культурах имеет непосредственное отношение к проявлению коммуникативного стиля как явления детерминированного той или иной культурой.

Представленные выше концепции имеют полные или частичные аналогии в отечественных исследованиях разных лет, посвящённых проблематике взаимодействия языка и культуры в коммуникации. В целом, подобные подходы соответствуют лингвокультурологической (Телия, 1996; Воробьёв, 1997; Маслова, 2001; и др.), этнолингвистической (Толстой, 1995; Гердт, 1995; и др.) и лингвострановедческой (Верещагин, Костомаров, 1980) парадигмам. Национально-культурное своеобразие номинативных единиц, релевантные для определённого народа коммуникативные характеристики разрабатывались отечественными авторами в терминах лакун (Сорокин, Морковина, 1989), культурных концептов (Степанов, 1997; Карасик, 2002; Слышкин, 2000; и др.), прецедентных имён (Гудков, 1999 и др.), безэквивалентной лексики (Верещагин, Костомаров, 1990), коммуникативных концептов и национального коммуникативного поведения (Стернин, 2001).

Говоря о культурной специфике коммуникации, нельзя обойти вниманием дискурсивные конвенции или стратегии в разных лингвокультурах, а также разнообразные речевые акты как культурно обусловленные явления. Например, в деловых переговорах между представителями французских и немецких фирм французские участники часто начинают разговор шуткой или остроумным комментарием по поводу ситуации, контекста и темы встречи. Большинство немецких партнёров оценивает данное речевое поведение французов как неуместное («деплацированное»): «Das ist jetzt nicht an der Zeit, Witze zu machen». При этом речь не идёт о полном неприятии юмора как такового, а лишь о том, что он неуместен в структуре дискурса в данный момент. Кроме того, обоюдными раздражающими являются стратегии аргументации обеих сторон. С точки зрения французов, немецкие объяснения избыточны и слишком детализованны, а аргументы французских коллег строятся в немецком восприятии на постоянных отклонениях от темы, ассоциациях и намёках (Helmolt, Müller, 1991: 531).

В повседневном бытовом дискурсе также распознаётся своеобразный культурно-специфичный алгоритм. Так, коммуникативный акт «предложение услуги – принятие услуги» реализуется в немецкой лингвокультуре посредством трёх реплик или обменов:

A: Hier ist ein Stuhl, bitte.

B: Danke!

A: Bitte.

В английской языковой культуре подобная интеракция состоит обычно из двух репликовых шагов (turns):

A: Here's a chair, please.

B: Thanks!

A: —

Речевой акт комплимента сопровождается, как правило, в большинстве европейских культур вербальным выражением благодарности, тогда как в Японии реакцией на комплимент будет извинение. Так, на комплимент по поводу вкусной еды хозяин-японец ответит: «Извините, у меня было очень мало времени для подготовки» (Andree, 2004: 154).

К национальной составляющей дискурса исследователи относят также краткие нарративные формы (фразеологизмы, пословицы, поговорки, шутки, анекдоты), осознанно или неосознанно употребляемые в общении (Roth, 1996: 68). В идиоматическом фонде языка отражаются ценностные установки и культурно обусловленные нормы народа. «Система образов, закреплённых во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях» (Телия, 1996: 215). Именно это делает пословицы, поговорки и подобные им краткие «нарративные единицы дискурса» (в терминологии Müller, 1995) важным источником информации о различных сторонах жизни людей. В этой связи представляется возможным проследить отражение в идиоматике определённого языка особенностей коммуникативного стиля носителей этого языка, рассматривая краткие нарративные формы как метакоммуникативное сообщение о принятых в лингвокультуре коммуникативных правилах и предпочтениях.

Например, по данным русской фразеологии, можно говорить о разных аспектах общения, принятых в русской среде: высоком уровне языковой компетенции (язык хорошо подвешен, за словом в карман не лезет, пальца в рот не клади), искренности и правдивости (говорить без обиняков, называть вещи своими именами, хлеб-соль ешь, а правду режь), отрицательном отношении к отсутствию информативности в разного рода праздноречевых жанрах (переливать из пустого

в порожнее, разводить тары-бары, точить ляды) и т. д. (см. Леонтович, 2002: 194; Балашова, 2003: 95). Известные немецкие поговорицы «Mit Verwandten sing` und lach`, aber nie Geschäfte mach», «Ordnung ist das halbe Leben», «Wie einer redet, so ist er», «An der Red erkennt man den Mann» отражают приоритеты коммуникативного поведения носителей немецкого языка и значимость речевого стиля для общей характеристики человека.

Национально-маркированными в дискурсивной деятельности языковой личности являются, наряду с вербальными, также невербальные и паравербальные элементы. Напомним, что термин «невербальное» понимается обычно как «несловесный язык», объединяющий большой круг явлений: движения тела человека, звуковую модальность речи, мимику, прикосновения, различные элементы окружающей среды и т. д. Известно, что во многих культурах Среднего и Дальнего Востока люди уделяют больше внимания именно невербальной коммуникации (в широком смысле – невербальному поведению), в том числе паралингвистическим средствам общения. Приведём некоторые примеры, иллюстрирующие значимость невербальной составляющей в коммуникативных взаимодействиях.

Предметом обсуждения и интерпретаций культурологов и политологов в своё время стала встреча британского премьер-министра Т. Блэйера и одного из лидеров арабского мира М. Каддафи. На вербальном уровне разговор прошёл достаточно ровно, но невербальное поведение ливийского политика (по оценке международных экспертов) свидетельствовало о выражении пренебрежения и неуважения к английскому собеседнику. М. Каддафи сидел во время переговоров, сложив ногу на ногу и развернув ступню в сторону Т. Блэйера, что является в арабской культуре оскорбительным знаком (Новости НТВ, 27.03. 04). Безусловно, понимая культурную специфику этого невербального знака, специалисты проявили тревогу и обеспокоенность по поводу фактических результатов и последствий этой встречи.

Подобный пример, со ссылкой на работы Г. Триандиса (Triandis, 1994), приводит Н.М. Лебедева (Лебедева, 1999: 33). Речь идет о встрече министра иностранных дел Ирака Азиза и госсекретаря США Бейкера, темой которой стала попытка найти компромисс и избежать военного столкновения. В переговорах принимал участие брат президента Ирака Саддама Хусейна, в функции которого входило информировать президента о ходе встречи. Используя только вербальный способ ком-

муникации, Бейкер прямо и ясно дал понять, что если Ирак не покинет Кувейт, США применят военную силу против Ирака. Брат Хусейна, обратив минимум внимания на то, что сказал Бейкер, но максимум – на то, как он это сказал, доложил в Багдад следующее: «Американцы не станут нападать. Они спокойные, они не сердятся, они только говорят». Итогом этой кросс-культурной ошибки стала жестокая операция «Буря в пустыне», принёсшая тысячи жертв населению Ирака. Очевидно, что одной из причин этой ошибки была культурно обусловленная интерпретация паралингвистических компонентов невербальной коммуникации в решающем переговорном процессе.

Самую большую группу среди невербальных знаков составляют жесты, значительное число которых конвенционально. Традиционный, казалось бы, для многих культур жест «до свидания» в Японии имеет значение «подойди сюда». Классический американский «о'кау» - жест является оскорбительным в Италии, несёт в себе вульгарное сексуальное домогательство в Греции и в Турции, выражает смысл «ты – ноль, ничтожество» во Франции. Дружеское похлопывание по плечу может расцениваться как оскорбление в Японии, особенно если этот жест исходит от коммуникативного партнёра младшего по возрасту и имеющего более низкий социальный статус.

Национальная специфика заметно проявляется и в области социального символизма. Социальные символы непосредственно не участвуют в коммуникации, но они несут коммуникативно-релевантную информацию, тем самым опосредованно включаясь в процесс взаимодействия между людьми (Стернин, 2001: 91). Разное символическое значение имеют, например, цвета в разных культурах. Зелёный цвет, имеющий в европейских странах положительные коннотации как цвет природы, чистоты и свежести, связан с болезненными ассоциациями в странах, где большую площадь занимают дикие джунгли. Кроме того, зелёные оттенки практически запрещены во многих частях мусульманской Индонезии. Чёрный, как известно, не универсальный знак траура, в большинстве азиатских культур траурным является белый цвет, в Бразилии – пурпурно-красный, а в Мексике – жёлтый. Число 13 считается несчастливым не везде, в Японии несчастье символизирует цифра 4, в Кении и Сингапуре – 7. Полным коммуникативным фиаско в Сингапуре будет подарок родителям к рождению ребёнка, имеющий какую-либо связь с аистом, поскольку аист в этой культуре символ детской смерти. Запах лимона (например, в используемых косметических средствах)

может стать помехой общения на Филиппинах, где он ассоциируется с болезненным состоянием.

Культурно обусловленной в коммуникативном взаимодействии является также его пространственная организация, приемлемая и комфортная дистанция в общении между партнёрами. Проксемика как область, изучающая один из аспектов невербальной коммуникации, разработана американским антропологом Э. Холлом. Подробнее этот вопрос освещается далее.

Итак, все процессы коммуникации происходят в определённом культурном контексте и, соответственно, детерминированы им. Таким образом, коммуникативно значимое поведение индивида обусловлено его принадлежностью к определённой социокультурной и языковой общности. В следующих параграфах представлен взгляд на коммуникативный процесс с точки зрения категоризации межкультурных феноменов, развиваемый в теории и практике достаточно новой для научного гуманитарного знания дисциплины «межкультурная коммуникация».

1.4. Межкультурная коммуникация *ab ovo*

Терминосочетание «межкультурная коммуникация» впервые появилось в 1954 году в недрах американской научной школы культурантропологов. Предвосхищая будущие межэтнические и межкультурные исследования, представители этой школы – Эдуард Т. Холл и Г.Л. Трэгер – опубликовали статью «Культура и коммуникация» (Trager, Hall, 1954), в которой обозначили научно-прикладную перспективу данной проблематики. Дальнейшее развитие новое направление получило позднее, после выхода известной и многократно переизданной книги Э.Т. Холла «Немой язык» (*The Silent Language*, 1959), в которой автор убедительно обосновывал непосредственную связь между культурой и коммуникацией и возможность для сравнения культур, исходя из общих для всех культур основ. Проводя аналогию с изучением иностранных языков при помощи универсальных грамматических категорий, Холл делал вывод о доступности освоения подобным образом других культур и необходимости обучения им в современном мире. Идеи Холла до сегодняшнего дня являются основополагающими для разработки теории данной дисциплины и для создания учебных программ соответ-

ствующего профиля. Это касается прежде всего закономерностей невербального общения: жестикуляции, мимики, проксемики (пространственной организации общения).

Концепция Э. Холла о диалектическом единстве культуры и коммуникации, о культурной обусловленности коммуникативного поведения индивидуумов, принадлежащих разным культурным группам, получила широкое признание как в США, так и за рубежом. Однако эта концепция не сразу нашла отклик в официальных академических кругах (она была признана только после смены научной парадигмы, поскольку работы Холла долгое время считались слишком биологически и детерминистски ориентированными).

Импульсом для дальнейшего развития новой дисциплины стали труды американских культурантропологов Флоренса Клакхона и Ф.Л. Стродбека (Kluckhohn F.R., Strodbeck F.L., 1961), касающиеся проблем ценностных ориентаций, а также этнолингвистов Джона Гамперца и Делла Хаймса (Gumperz, Hymes, 1972; Gumperz, 1982) о соотношении языка и культуры. С начала 1970-х годов межкультурные идеи Э. Холла были подхвачены коммуникационными науками США. Как часть теории коммуникации, межкультурная коммуникация получила значительное теоретическое обоснование со стороны психологических исследований, особенно кросс-культурной психологии (Gudykunst, 1983, 1985).

В контексте генезиса межкультурной парадигмы знания особого внимания заслуживает теория или **гипотеза лингвистической относительности** американских лингвистов-антропологов Э. Сепира и Б. Уорфа, ставшая мощным толчком для развития концепций взаимосвязи языка и культуры задолго до того, как межкультурная коммуникация сформировалась в отдельное исследовательское направление. Как известно, сущность, главная идея гипотезы Сепира-Уорфа заключается в том, что мышление, мировоззрение и поведение людей лингвистически детерминированы, то есть обусловлены характером и природой того языка, на котором они говорят. Избегая абсолютизации и гиперболизации этого положения, можно считать огромной заслугой учёных то, что они «акцентировали особое внимание на специфических особенностях возникновения «языкового восприятия мира», на познании мира прежде всего через арсенал языковых средств и на влиянии такого понимания окружающей действительности на другие формы познания людей и их деятельность» (Брутян, 1969: 61).

Большинство исследователей, занимающихся проблемами межкультурной коммуникации, придерживаются мнения о несомненной плодотворности идей Сепира и Уорфа для разработки её теории, особенно в части тесного взаимовлияния языка, мировоззрения и поведения людей (Maletzke, 1996; Леонтович, 2003 и др.).

Проследивая историю и условия формирования межкультурной коммуникации как новой дисциплины, необходимо отметить, что её возникновение и утверждение было обусловлено реальными процессами современного мира, практическими потребностями людей самых разных культур, профессий, социальных институтов. Глобализация и интернационализация экономики и сферы услуг, развитие туризма и бизнеса, образовательная интеграция, многочисленные миграционные процессы и возникающие на этом фоне проблемы непонимания и недопонимания, ошибки в общении, культурные недоразумения пробудили интерес специалистов разных областей гуманитарного знания к вопросам международной, межкультурной коммуникации.

Практическая ориентация данного научного направления повлияла на определение предмета исследований межкультурной коммуникации, который кратко и прагматически определяется как взаимодействие представителей различных культур или как коммуникация, детерминированная культурной вариативностью (ср.: Roth, Roth, 2001). Таким образом, к концу 70-х годов в США сформировалась новая междисциплинарная область научного и практического познания проблем межкультурного взаимодействия с собственным предметом исследования и соответствующими методами.

В европейских странах, в частности в Германии, интерес к исследованию межкультурных ситуаций появился значительно позже. Он был вызван прежде всего конфликтными ситуациями в образовательной и производственной сферах в связи с трудностями языковой и социальной интеграции иммигрантов и их детей в немецкоязычное культурное пространство (Knapp, 1990: 68). Ни в один другой регион Европы во второй половине XX в. не переселялось столько людей, как на территорию Западной Германии (Deutschland, 6/ 2000).

Говоря об образовательной и собственно научной концепции межкультурной коммуникации в современной Германии, следует отметить, что данная дисциплина не получила пока здесь окончательной разработки и потому остаётся в некотором роде дискуссионной. Тем не менее немецкие исследователи внесли в течение двух последних де-

сятилетий значительный вклад в общую теорию и методологию межкультурной коммуникации, а также в практический опыт исследований различных культурных систем и коммуникативных стратегий с точки зрения культурно-антропологического подхода (см. Rudolf, 1968, 1992; Moosmüller, 1996; Roth, 1996; Quasthoff, 1989; Nicklas, 1991, 1999; Kohl, 1993; Helmold, 1993; Schmalz, Jacobsen, 1995; Wierlacher, 1993; Maletzke, 1996, Herbrand, 2002). Несколько отличаются в концептуальном плане исследования, в которых межкультурная коммуникация рассматривается преимущественно в контексте лингвистической, лингводидактической теорий или теории коммуникации (Bausinger, 1985; Knapp, Knapp – Potthof, 1990; Bolten, 1992; Mog, Althaus, 1996; Mayrose-Parovski, 1997; Wierlacher, Albrecht, 1998, 2003; Ehrhardt, 2003; Lüsebrink, 2005).

В России новая дисциплина находится в стадии научного и практически ориентированного осмысления в фокусе лингвистических, этнопсихолингвистических, этнопсихологических, культурологических исследований (см. Уфимцева, 1998; Клюканов, 1998; Лебедева, 1999; Грейдина Н.Л., 1999; Шамне, 1999; Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002). Одними из первых в нашей стране непосредственно проблемами межкультурного общения в связи с преподаванием иностранных языков начали заниматься на факультете иностранных языков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (см. Павловская, 1998; Тер-Минасова, 2000; Бергельсон, 2001). В последние годы появились публикации по различным аспектам межкультурной коммуникации: лингвистическому (Донец, 2001; Межкультурная коммуникация, 2001; Леонтович, 2002, Цурикова, 2002; Гудков, 2003; Зубкова, 2003), психологическому (Кочетков, 2002), менеджменту (Персикова, 2002), дидактическому (Астафурова, 1997; Халеева, 1999; Рот, Коптельцева, 2001; Прохоров, 2003; Гришаева, Цурикова, 2003). Однако эмпирические исследования специфики коммуникативных различий конкретных пар культур в отечественном теоретическом и практическом опыте пока достаточно редки (Стернин, 2002; Стернин, Ларина, Стернина, 2003; Леонтович, 2002; Куликова, 2004).

Анализ отечественных и зарубежных публикаций по проблемам межкультурной коммуникации отчётливо показывает, что данное понятие используется сегодня авторами в трёх значениях, реализуя разновекторность направлений её изучения. В первом случае речь идёт о поле академических изысканий в сфере гуманитарных наук. Наряду с этим разрабатывается дидактический аспект в контексте университет-

ского преподавания «межкультурной коммуникации» как отдельного предмета и как элемента, инкорпорированного в другие дисциплины. В третьем значении объектом внимания становится непосредственный процесс общения между представителями разных культур.

1.5. Основные подходы к пониманию термина «межкультурная коммуникация»

Начнём с констатации того факта, что межкультурная коммуникация – это часто эксплуатируемое сегодня словосочетание, сигнификат которого, к сожалению, пока амбивалентен и не имеет желаемой дефиниционной ясности (однозначности). В разных источниках можно встретить палитру родственных наименований самого термина «межкультурный» в соответствии с дисциплиной, его рассматривающей, предпочтениями и целями авторов публикаций.

Так, корни английского обозначения «**кросс-культурный**» распознаются в общей и социальной психологии. Центр тяжести **кросс-культурного** подхода лежит в области сравнительного (компаративного) изучения определенного феномена культуры на основе интракультурного анализа (Hinnenkamp, 1994).

Термины «**межэтническая / межрасовая / кросс-расовая коммуникация**» используются при рассмотрении отношений различных этнических групп и рас внутри одного государства. Чаще всего при этом принимаются во внимание цвет кожи и происхождение (типично для процессов взаимодействия между чёрным и белым населением США). Основные проблемы, исследуемые этими направлениями, – дискриминация и расизм (Smith, 1973; Kochman, 1981, 1996; Kim, 1986).

Понятие «**интернациональная коммуникация**» относят прежде всего к сфере информационных средств, а также к сфере политики и дипломатии. Данный термин употребляется преимущественно в общественных, социологических и коммуникационных науках. Кроме того, межкультурная коммуникация и интернациональная коммуникация разграничиваются на основе другого критерия. В первом случае речь идет о «пересечении» представителей разных культур, во втором – разных национальностей (Maletzke, 1996: 37). Если определенные культура и национальность совпадают, то вопрос терминологической двойствен-

ности исчезает. Однако в современном мире подобное совпадение встречается не везде и не всегда. Люди, принадлежащие одной культурно-этнической группе, могут являться гражданами разных государств и национальностей (например курды). И наоборот, представители разных культур живут часто в границах одного государства и формально являются членами одной нации (вспомним бывшую австро-венгерскую монархию или Югославию после Второй мировой войны).

Для обозначения форм межкультурного взаимодействия, рассматриваемого не как межличностное общение, а как информационно-технический способ коммуникации, употребляются термины «**транскультурная**» и «**панкультурная коммуникация**» (Hinnenkamp, 1994).

В русскоязычных и немецкоязычных исследованиях чаще других встречается термин **межкультурная/интеркультурная** коммуникация.

Обращение к этимологии слова интеркультурный (межкультурный) способствует пониманию сущности процессов, обозначаемых этим словом. Латинский префикс «интер» подразумевает «между». Понимая под культурой в широком смысле слова весь окружающий человека мир, мы рассматриваем понятие межкультурный/интеркультурный как то, что разыгрывается, происходит между человеческими мирами. Этот процесс взаимодействия не абстрактное явление, он всегда опосредован действиями конкретных индивидуумов, один из которых представляет, например, культуру А, а другой принадлежит культуре Б. В результате развития их отношений и пересечения двух культур А и Б возникает новая межкультура (интеркультура) В, которая не соответствует в полном объеме ни первой культуре А, ни второй – Б. Третья межкультура В представляет собой новое качество, своего рода синергию* (рис. 2).

Вышесказанное можно продемонстрировать на конкретном примере. При встрече коммуникантов из разных культурных групп, в одной из которых (А) ритуал приветствия обязательно сопровождается пожатием руки, не практикуемым в другой культуре (Б), достаточно непредсказуемым является оформление ситуации общения или, другими словами, содержание межкультуры (интеркультуры), возникающей на пересечении. Какая из форм приветствия будет выбрана в итоге – рукопожатие, отсутствие такового, третий вариант (например, кивок головой) или еще

* Под культурной синергией (от греч. synergeia – сотрудничество, содружество) понимается объединение культурно различных элементов, при котором возникает качественно иное образование, превосходящее по эффекту сумму элементов.

Схема 2

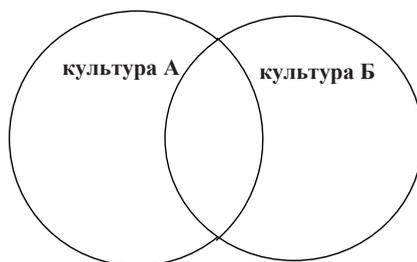

Рис. 2. Взаимодействие культур

какая-либо форма, – зависит в каждом конкретном случае от разных факторов: от того, насколько продумана или спонтанна встреча; от степени знакомства и доверительности общающихся, их возраста, социального статуса, распределения социальных ролей и т. д.

Межкультурная коммуникация как научно-прикладная дисциплина занимается проблемами понимания и взаимопонимания: понять чужое (другое), адекватно объясниться с чужим, правильно интерпретировать иные, не свои культурные знаки. В плане своего генезиса, предметной соотнесенности, а также с точки зрения исследовательского инструментария межкультурная коммуникация имеет междисциплинарный статус. Она интегрирует знания ряда наук, таких как культурная антропология, лингвистика, прагмалингвистика, теория коммуникаций, этнопсихология, социология.

Лингвистический подход к определению основ межкультурной коммуникации оперирует дефинициями, в которых подчеркивается первостепенное значение языка в процессах межкультурного общения. Так, немецкие лингвисты Калфрид Кнапп и Аннели Кнапп-Поттхофф рассматривают межкультурную коммуникацию как «межличностное взаимодействие между представителями различных групп, которые отличаются друг от друга багажом знаний и языковыми формами символического поведения, характерными для всех членов каждой из этих групп» (Кнапп; Knapp-Potthoff, 1990: 66).

Французские исследователи в области коммуникации и социальной психологии Ж. Ладмираль и Э. Липьянский также относят процесс межкультурной коммуникации в большей степени к сфере вербальной коммуникации (Ladmiral, Lipiansky, 2000: 29). Доступ к любой культуре,

особенно к чужой культурной идентичности, открывается, по их мнению, посредством языка: «Отсюда все начинается». Под межкультурной коммуникацией они понимают отношения, возникающие между индивидуумами и группами, принадлежащими разным культурам. Эти отношения всегда развиваются на фоне определяемых этими культурами репрезентаций, кодов, своеобразного жизненного уклада и способа мышления (там же: 21).

Отечественные лингвисты В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин в рамках разработанной ими в 80-х годах лингвострановедческой теории слова определяют межкультурную коммуникацию как «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» (Верещагин, Костомаров, 1990: 26).

Наряду с термином «межкультурная коммуникация» в исследовательском дискурсе современных отечественных психолингвистов существует понятие «межкультурное общение» (см. Тарасов, Уфимцева, Залевская, 1996; 2000), понимаемое как общение «носителей разных культур», сопровождаемое неизбежными коммуникативными конфликтами (конфликтами неполного понимания) из-за недостаточной общности сознания. При этом, как подчеркивает Е.Ф. Тарасов, «главной причиной непонимания в межкультурном общении является не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов» (Тарасов, 1996: 8). Автор трактует межкультурное общение «как случай функционирования сознания в аномальных («патологических») условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознаний коммуникантов» (Тарасов, 1998: 30). В русле данного подхода межкультурное общение входит в объектную область стыковых дисциплин: лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной психологии и когнитивной лингвистики.

С позиций когнитивно-коммуникативного аспекта рассматривает сущность процесса межкультурной коммуникации В.В. Красных, концентрируя внимание на разнице национальных когнитивных баз, к которым в процессе общения апеллируют представители разных национально-лингвокультурных сообществ (Красных, 2003: 96).

В концепции О.А. Леонтович межкультурная коммуникация представляет собой сложную неаддитивную систему, понимаемую как результат взаимодействия и взаимовлияния языка, культуры и коммуникации в феноменологическом поле творения человеческих смыслов (Леонтович, 2002: 7).

В понимании ряда отечественных исследователей единицей межкультурной коммуникации является концепт, а выделение круга национальных концептов, образующих концептосферу, или национальный культурный мир, позволяет разграничивать и сближать «свое» и «чужое» (Ю.С. Степанов, В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, В.М. Бухаров и др.).

Немецкий специалист по теории коммуникации Герхард Малетцке, разрабатывающий теорию межкультурной коммуникации в контексте культурной антропологии, отмечает: «Мы говорим о межкультурном взаимодействии и межкультурной коммуникации, когда партнеры по коммуникации являются представителями различных культур и осознают это, то есть когда присутствует взаимное ощущение «чужеродности» партнера. Под межкультурными отношениями подразумеваются все отношения, участники которых используют не только собственную систему кодировки, нормы, установки и формы поведения, принятые в родной культуре, но сталкиваются с иными кодировками, нормами, установками и бытовым поведением» (Maletzke, 1996: 37; по: Рот, Коптельцева, 2001). Как очевидно, ключевыми, определяющими сущность данного подхода, являются концепты «культура» и «чужеродность/инаковость». Кроме того, акцентированные в определении понятия нормы и поведения включаются как базовые элементы и в наше понимание культурно обусловленного коммуникативного стиля.

Помимо названного подхода к пониманию сущности МКК, значительный вклад в развитие её теоретических и практических основ внесла кросс-культурная (или сравнительно-культурная) психология. В русле американской и европейской традиций (Benedict, 1946; Brislin et al., 1986; Triandis, 1994; Вундт, 1998; Гердер, 1959) отечественная кросс-культурная психология уделяет особое внимание эмпирическим исследованиям в сфере психологии межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия (Лебедева, 1999; Стефаненко, 2000). Межкультурный (межэтнический и межконфессиональный) аспект психологических исследований затрагивает разработку проблем культурной обусловленности познавательных процессов (восприятия, мышления, памяти), личности в контексте культуры (понятие о национальном характере, процессах атрибуции и стереотипизации), этнической миграции и связанных с ней последствий. Признавая одной из основных целей межкультурной коммуникации как исследовательской парадигмы

менеджмент культурных различий, отметим существующую, на наш взгляд, разницу культурно-антропологического и психологического сравнительно-культурного подходов. В первом случае в центре внимания прежде всего сам коммуникативный процесс, с его помехами и нарушениями. В перспективе кросс-культурной психологии анализируются, как правило, отдельные параметры и факторы взаимодействия, вне коммуникации как таковой.

Все приведенные подходы и определения, несмотря на некоторые разночтения и разницу исходных позиций, сходятся в одном: межкультурная коммуникация есть интерактивный процесс, процесс межличностного взаимодействия, участниками которого являются представители разных культур. При этом речь идет о непосредственном личном взаимодействии, что часто позволяет рассматривать межкультурную коммуникацию как частный (особый) случай межличностной коммуникации (Samovar, Porter, 1991: 2) и определять его как микроуровень межличностного взаимодействия, в отличие от макроуровня прямого или опосредованного общения между этническими группами или нациями (Roth, J., Roth, K., 2001: 2). При этом если первые исследования в области межкультурной коммуникации затрагивали культурные различия только в интернациональном контексте, с точки зрения контактов с иностранцами, то современный подход к теории и практике дисциплины разрабатывает также особенности общения в рамках одной страны, даже внутри разного рода структур и организаций, что рассматривается культурантропологами как взаимодействие **субкультур** на фоне единой общей культуры (Maletzke, 1996) и подразумевает межкультурную коммуникацию в узком смысле (Redder, Rehbein, 1997). «Межкультурный» момент возникает в этом случае в связи с разницей возраста, профессий, интеллектуального «багажа» коммуникантов, манеры поведения и выбора языковых средств (например, употребление жаргонизмов, профессиональной лексики, языковая грамотность и т. д.).

Под межкультурной коммуникацией в широком смысле некоторыми авторами понимается общение между представителями разных лингвокультурных сообществ (Redder, Rehbein, 1987: 18). Однако, как показывает анализ публикаций по этой проблематике, большинство исследователей не придерживаются данного подхода, рассматривая процесс межкультурной коммуникации от микроуровня межличностного взаимодействия (*face-to-face*) до макроуровня взаимоотношений меж-

ду лингвокультурами как межкультурную коммуникацию в широком смысле (Roth, Roth, 2001: 2).

Итак, представив основные направления в определении основ межкультурной коммуникации, подчеркнем, что при существующем в научном мире разнообразии точек зрения в рассмотрении её сущности неоспоримой является культурно-определяющая доминанта как ключ к пониманию межкультурных взаимодействий.

Под **межкультурной коммуникацией** в дальнейшем изложении понимается межличностное общение между представителями различных культурных групп, в процессе которого имплицитно или эксплицитно проявляется чужеродность партнёров по коммуникации, влияющая на результат коммуникативного взаимодействия. При этом одним из главных факторов проявления чужеродности коммуникантов в межкультурном взаимодействии является фактор коммуникативного стиля в его национально-культурной детерминированности.

Основные понятия главы:

Коммуникация

Интеракционная модель коммуникации

Пресуппозиция

Интеракция

Речевая интенция

Медиум

Невербальная коммуникация

Индивидуальная когнитивная база

Коллективное когнитивное пространство

Когнитивная база

Национальное культурное пространство

Прецедентные феномены

Коммуникативное поведение

Лингвоспецифичные слова

Гипотеза лингвистической относительности

Интеркультурный/межкультурный/кросс-культурный/транскультурный

Субкультурный

Межкультурная коммуникация

Вопросы для контроля и обсуждения

1. Охарактеризуйте основные теоретико-методологические подходы к изучению межкультурной проблематики в отечественной и зарубежной научных традициях.

2. Какие модели коммуникации можно назвать продуктивными с точки зрения анализа межкультурного общения и почему?

3. Поясните взаимосвязь наличия пресуппозиций у коммуникантов с успешностью их взаимодействия в межкультурном контексте.

4. Определите понятия «интеракция» и «коммуникация», назовите основные подходы к пониманию коммуникации в современной теории коммуникации.

5. Назовите существенные характеристики межличностной и массовой коммуникации в их проекции на межкультурный фон.

6. Перечислите основные способы/каналы восприятия невербальной коммуникации и ее функции в процессе общения.

7. Осложняют или облегчают невербальные элементы коммуникации ее разворачивание между носителями разных лингвокультур?

8. Какие ключевые понятия можно отнести к национально-культурно-детерминированным сущностям в свете теории лингвокогнитивного подхода?

9. На основе примеров пособия приведите собственные примеры, демонстрирующие культурно обусловленные макро-, микро- и социальные пресуппозиции коммуникантов в разных ситуациях общения.

10. Дайте определение понятию «коммуникативное поведение» и охарактеризуйте модели, описывающие национальное коммуникативное поведение в разных лингвокультурах.

11. Представьте известные вам отечественные и зарубежные концепции, объединенные парадигмой «культура в языке».

12. Что вы понимаете под национально-культурной составляющей курса и какими конкретными примерами из жизни или соответствующей литературы вы можете проиллюстрировать свои теоретические посылки?

13. Опишите предпосылки возникновения и направления развития дисциплины «межкультурная коммуникация».

14. Назовите основных ученых, стоявших у истоков зарождения МКК, научные школы в их соотнесении со странами, а также ключевые публикации отечественных и зарубежных авторов по межкультурной проблематике.

15. В каких значениях используется сегодня словосочетание «межкультурная коммуникация»?

16. Перечислите разные термины, употребляемые для обозначения форм межкультурного взаимодействия, дав им краткое разъяснение.

17. Выделите наиболее авторитетные подходы к определению сущности процессов межкультурного общения.

18. Дайте определение понятию «межкультурная коммуникация»; используйте при этом не только определение, данное в пособии, но и другие варианты дефиниций и сравните их.

Темы для самостоятельного реферирования:

1. Гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа и её объяснительный ресурс для теории МКК.

2. Языковая картина мира в межкультурном общении.

3. Основные понятия лингвокультурологии, лингвострановедения, этно[психо]лингвистики как «родственных» с теорией МКК дисциплин.

4. Невербальная коммуникация в межкультурном аспекте.

5. Вербальные и невербальные трансформации торговой марки (брэнда) в межкультурном аспекте.

6. Понятие «концепт» в лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

7. Ключевые концепты в разных лингвокультурах (русской, французской, немецкой, американской, английской, китайской, японской, корейской ...).

8. Проблема лингвистической прецедентности (прецедентные феномены: имя, текст, ситуация) в межкультурном общении.

9. Специфика коммуникативного поведения (русского, немецкого, английского, американского, китайского, ...).

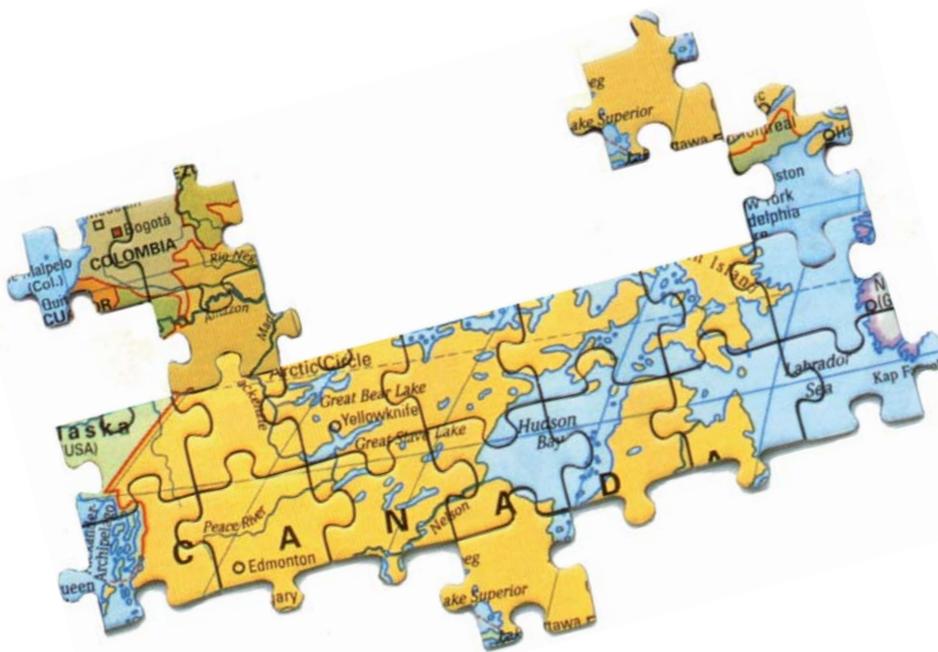
Рекомендуемая литература

1. Вацлавик, Пол. Психология межличностных коммуникаций / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон. – СПб.: Речь, 2000.

2. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации: курс лекций / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
3. Дейк, Т.А.ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989.
4. Донец, П.Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики: монография / П.Н. Донец. – Харьков: Штрих, 2001. – 386 с.
5. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?: монография / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
6. Куликова, Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография / Л.В. Куликова. – М.: Флинта:Наука, 2009.
7. Куницына, В.Н. Межличностное общение: учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб.: Питер, 2001.
8. Леонтович, О.А. Русские и американцы: Парадоксы межкультурного общения: монография / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005.
9. Леонтович, О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2007.
10. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М., 2001.
11. Основы теории коммуникации: учебник / под ред. проф. М.А. Васи́лика. – М.: Гардарики, 2005.
12. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефлбук, К.: Ваклер, 2003.
13. Прохоров, Ю.Е. Русское коммуникативное поведение: монография / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – М., 2002.
14. Стернин, И.А. Русское и немецкое коммуникативное поведение и проблема межкультурной коммуникации/ И.А. Стернин // Межкультурная коммуникация: парадигмы исследования и преподавания: материалы междунар. науч.-прак. конф. – Красноярск, 2003.
15. Стернин, И.А. Очерк английского коммуникативного поведения: монография / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2003.
16. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000.

Глава 2

Культурно-антропологические основы дисциплины «межкультурная коммуникация»

Культура – это чаще всего источник конфликтов, а не синергии.

Г. Хофстеде

2.1. Культура как макроконтекст коммуникации

Когда мы находимся в чужой стране, то все возникающие проблемы непонимания и разного рода недоразумения (от шокирующе-неприятных до комических) мы приписываем обычно (либо только) недостатку или полному отсутствию языковых знаний. Безусловно, тесная связь и взаимозависимость между владением иностранным языком и возможностью общаться с представителями другой культуры совершенно очевидны и не требуют никаких доказательств.

Но только ли незнание или недостаточное знание иностранного языка являются причиной межкультурных недоразумений? Сегодня этот вопрос является риторическим. Единая языковая «поверхность» создаёт лишь иллюзию взаимопонимания и эффективности общения между представителями разных культур, поскольку не обеспечивает адекватности глубинной структуры. Ярким примером тому могут служить непростые процессы немецко-немецкого воссоединения, многочисленные проблемы непонимания между восточными и западными немцами, связанные с разной социальной и культурной жизнью, которая формировалась несколько десятилетий в условиях двух немецких государств (см., напр., Hellmann, 1989; Fritzsche, 1992; Weidenfeld, 1993; Greiffenhagen, 1994, 1997, 2002; Lehbruch, 2002; Luscher, 1997; Maaz, Moeller, 1991; Thierse, 1994; Kaase, 1998; Wagner, 1999; Westle, 1999; Thumfahrt, 2000; Wehling, 2002). Язык не существует вне культуры, в «плёну» у которой находимся и все мы. Поэтому источником или непосредственной причиной большинства конфликтов в межкультурном общении является, как считают многие исследователи, сама культура с присущим ей

национально-специфическим образом жизни (см., напр., Тер-Минасова, 2000:18; Маслова, 2001: 12). А.А. Залевская отмечает: «...видение мира людьми всегда определяется культурой, то, что признаётся «объективным», на самом деле несёт на себе отпечаток «субъективности», хотя в качестве субъекта в таком случае выступает культура» (Залевская, 2003: 61). Особую значимость несут представления о коммуникативном содержании культуры, поскольку её реальное существование проявляется только во взаимодействии, информационном обмене между людьми.

В основе большинства межкультурных исследований лежит **понимание культуры в широком антропологическом/этнологическом смысле** (Hall, 1985; Kohl, 1993; Rudolf, 1992; Kroeber, Kluckhohn, 1959; Geertz, 1973, 1987; Тер-Минасова, 2000 и др.). Широкое понимание культуры необходимо для осмысления межкультурного общения прежде всего потому, что оно обладает большим объяснительным потенциалом, охватывая не только воспринимаемый внешне, видимый (объективный) образ жизни человека (языковой личности), но и скрытый, внутренний (субъективный) мир, определяемый ценностями, ценностными ориентациями, специфичными способами восприятия и мышления, нормами поведения и морали.

Культура в данном подходе резюмируется в одной из многочисленных дефиниций как «совокупность субъективаций (*Subjektivationen*) – ценностей, норм, представлений, мировоззренческих установок – и объективаций (*Objektivationen*) – деятельности, способов поведения, языка, артефактов, которые люди усваивают в процессе инкультурации и которые используются ими для освоения жизненного пространства и повседневной ориентации в нем (ср. Roth, Roth, 2001: 10).

Как **коллективный феномен, как ментальное программирование личности**, принадлежащей определенной культурно-языковой группе, определяет культуру в широком контексте голландский социолог Г. Хофстеде (Hofstede, 1997: 5). Это значит, что культура не наследуется, а усваивается. Разграничивая в культуре социальный уровень, биогенетический уровень, личностные качества каждого отдельного индивида, Хофстеде представил данный феномен с помощью схемы (рис. 3).

Ранее аналогичная схема была разработана в американской культурантропологии (Kluckhohn, 1949) (рис. 4).

Рождаясь и воспитываясь в определенной культурной среде, каждая языковая личность усваивает принятые в ней регулятивы (правила или требования, в соответствии с которыми люди строят свое комму-

Человек – продукт наследственности и социализации

Каждый человек в определённой степени как:

Рис. 3. Культура как программа деятельности

Рис. 4. Культура как социальный феномен

никативное поведение). В результате её действия оказываются в значительной мере обусловленными ими. Представитель каждой языковой культуры реализует в своих поступках, в своей речевой деятельности предписанные ему культурой программы поведения, часто даже не сознавая этого. Поэтому нет ничего удивительного в том, что одни и те же коммуникативные действия приобретают в разных лингвокультурах иногда совершенно различные смыслы. Кроме того, каждая личность уникальна и неповторима, что, безусловно, накладывает свой отпечаток на культурно обусловленное коммуникативное поведение любого индивида.

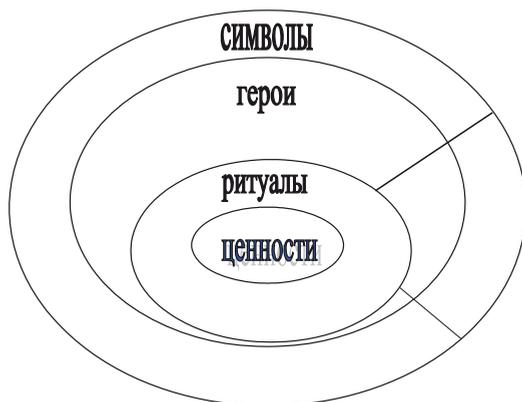

Рис. 5. Модель культуры Г. Хофстеде

Ещё одна известная **модель культуры**, предложенная Г. Хофстеде, представляет собой «луковичную» диаграмму (*Zwiebeldiagramm*) (Hofstede, 2001: 9) как целостность четырех основных проявлений любой культуры: символов, героев, ритуалов, ценностей (рис. 5).

Внешний, самый поверхностный слой занимают символы (слова, жесты, артефакты и т. д.), имеющие определенное значение и смысл, воспринимаемые как таковые только членами одной и той же культурно-языковой группы. Символы быстро развиваются и быстро исчезают, регулярно копируются у разных культурных общностей (например, *Coca-Cola* как знак модного качественного напитка, принят в разных странах). Поэтому символы в структуре Хофстеде предстают в виде поверхностного слоя «луковицы».

Герои (личности) воплощают в себе качества, достойные признания и уважения в соответствующей культуре. Их можно рассматривать как примеры, образцы для подражания. К этой категории Хофстеде относят также фантастические или комические фигуры, олицетворяющие дух нации и эпохи.

По нарастающей к центру культурного прообраза располагаются ритуалы: материальное воплощение норм и правил реальной действительности. Ритуалы представляют собой определенные последовательности символических действий и актов общения при заданности порядка действий и четком распределении ролей участников (Стернин, 1996: 110). Любой ритуал, передаваемый от поколения к поколению, выступает как материальный носитель культуры, как форма ее физического суще-

ствования, например, политические действия, религиозные церемонии, свадьба, день рождения, похороны, ритуалы приветствий и прощаний, речевой этикет и т. д.

Как читается из диаграммы, символы, герои и ритуалы объединены в категорию практических проявлений лингвокультуры.

Они представляют собой видимые для внешнего (не принадлежащего к данной культуре) наблюдателя явления. Однако внутреннее, обосновывающее культурное значение этих явлений скрыто для аутсайдера. Невидимый слой культуры сконцентрирован в ее ценностном ядре. Именно ценности и нормы определяют поведение людей, которое манифестируется в символах и ритуалах, и руководят им.

Из американской методической литературы известен еще один визуальный прием, демонстрирующий видимую (осознаваемую) и невидимую (неосознаваемую) составные культуры. Это **прием «айсберг-аналогии»** (Grosch/Groß/Leenen, 2000: 48). Любая культура может быть представлена в форме айсберга, имеющего подводную и надводную части. Подводная (имплицитная) часть скрывает ценности, нормы, мировоззрение представителей данной культуры. Иначе говоря, это ее ментальная составляющая. Надводная (эксплицитная) часть выражается в многообразной, в том числе речевой деятельности людей.

Встреча двух айсбергов символизирует встречу двух культур, процесс межкультурного общения. Происходящие при этом реальные процессы наглядно демонстрирует схема на рис. 6.

Взаимодействие представителей двух разных культурных групп осуществляется в первую очередь на уровне скрытой, «подводной» части каждой культуры, там, где сталкиваются специфичные для каждого народа нормы, ценности, мировоззренческие взгляды. Этот ментальный, «имплицитный» контакт носителей разных языковых культур, как правило, не осознается. Межкультурные различия, «конфликт» проявляются на уровне эксплицитного выражения культур: в «странном» коммуникативном поведении партнеров, в интерпретациях этого поведения, в речевой деятельности и т. д.

В качестве иллюстрации приведенных выше теоретических положений используем многократно цитируемый в зарубежных публикациях пример столкновения культурно обусловленных норм двух англоязычных народов (Maletzke, 1996; Nicklas, 1991; Watzlawik, 1969).

Среди американских солдат, базировавшихся в период Второй мировой войны в Англии, было распространено мнение о распушенности и

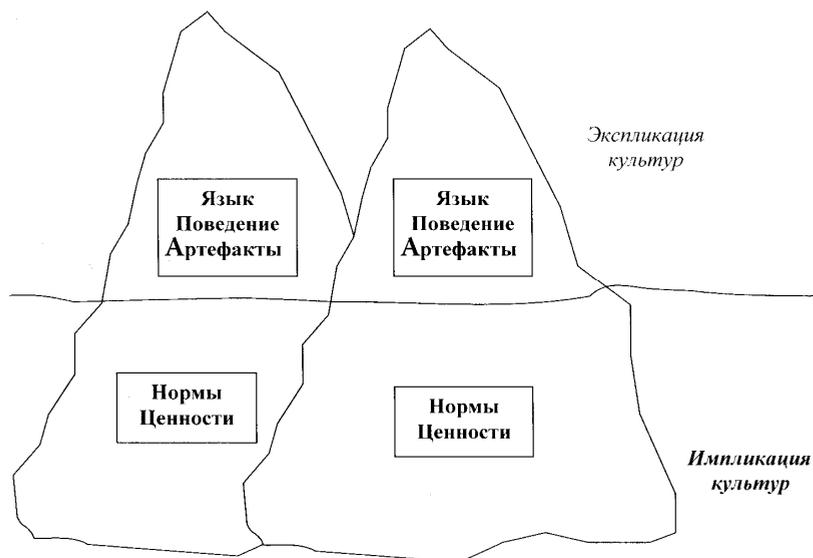

Рис. 6. Метафоры культуры

сексуальной доступности английских девушек. Те, в свою очередь, считали американских военных чересчур напористыми и агрессивными. Этнокультурное исследование, в котором среди других принимала участие знаменитый американский этнолог Маргарет Мид, прояснило данное противоречие следующим образом. Нормы поведения в отношениях между женщиной и мужчиной (от знакомства партнеров до интимной связи) предполагают как в США, так и в Англии поступенчатое развитие.

Речь идет о следующих формах поведения: зрительный контакт, уменьшение социальной дистанции в общении, касания, поцелуй и т.д., всего около 30 ритуальных действий. Однако иерархия совершения этих действий в указанных культурах различается. Поцелуй, например, градуируется в американской культуре как пятая ступень, то есть рассматривается как довольно невинный, ни к чему не обязывающий поступок (поэтому американские солдаты были шокированы тем, что после поцелуя девушка начинала раздеваться). В противоположность этому на шкале английской нормы поведения поцелуй ранжируется двадцатым местом, то есть является сигналом более тесных, обязывающих отношений, например, сексуальной близости (так, английские девушки, удивленные ранним поцелуем, тем не менее выстраивали своё дальнейшее поведение в соответствии со сложившимися представлениями в своей культуре).

Таким образом, в противоречие вступали культурные нормы (подводная часть айсберга), обуславливающие разное поведение; сталкивались две «нормальности» разных культур, реализуемые в поступках носителей этих культур (видимая часть айсберга), причем неосознанно. В сознании же партнеров существовало обоюдное мнение: он (она) ведет себя неправильно.

Пример другого плана, также свидетельствующий о специфичности культурных норм и ценностей, приводит Т. Стефаненко. Два приятеля, получившие за совместный труд некоторую сумму денег, помещаются в атмосферы разных культур. Это, соответственно, влияет на их поведение различным образом. В США, где преобладает норма справедливости, Джон и Генри, по всей вероятности, разделят деньги согласно вкладу каждого в общий труд. В нашей стране одной из духовных ценностей традиционно считается равенство: скорее всего, Иван и Петр разделят деньги поровну. Есть культуры, представители которых в предложенной ситуации выберут норму потребности: родители одного из друзей бедны, поэтому он получит больше денег. Может быть выбрана и норма привилегий, в соответствии с которой в выигрыше окажется сын высокопоставленных родителей. В современном обществе подобные неписанные нормы и ценности культуры часто противоречат законам государства, но сохраняются в «головах людей» (Стефаненко, 2000: 35).

Итак, видимые феномены, являющиеся основой интерактивных процессов, могут быть объяснены только в случае их референции (соотнесения) с определенными культурно обусловленными ценностями и нормами поведения.

Усвоение норм и ценностей (в широком смысле слова включающих как поведенческие, так и коммуникативно-языковые проявления) собственной лингвокультуры начинается в раннем детстве, причем, как правило, неосознанно, как само собой разумеющийся процесс. Ребенок приобщается к ценностям своей культуры, представлениям о нормах поведения и взаимоотношений и развивается по мере накопления и обогащения жизненного опыта. Этот процесс вхождения ребёнка в культуру своего народа определяется как процесс **инкультурации***. Основное содержание инкультурации состо-

* Понятие, введённое в культурантропологию американским учёным М. Херсковицем. В разных источниках, в зависимости от перевода, встречаются термины «инкультурация» и «энкультурация».

ит в усвоении культурно обусловленных особенностей мышления, действий, моделей поведения, в результате чего формируется языковая, когнитивная, эмоциональная и поведенческая идентичность личности с членами данной лингвокультуры и отличие от членов других лингвокультур (Херсковец (Herskovits), 1955; Белик, 1998; Стефаненко, 2000). В процессе инкультурации формируется и коммуникативный стиль человека общающегося как совокупности неких устойчивых речеповеденческих норм и стандартов, адекватных и востребованных в рамках родного культурного окружения.

Попадая в новое культурно-языковое пространство, коммуникативная личность оказывается в ситуации, когда привычные способы и нормы вербального и невербального поведения, усвоенные в результате инкультурации, могут быть неприемлемы или, по крайней мере, неэффективны. Как отмечают исследователи, именно в условиях межкультурного общения происходит осознание партнерами этого общения, специфичности собственных ценностных установок и своего стиля коммуникации.

Довольно типичный пример демонстрирует, что, несмотря на имеющуюся языковую компетенцию, но при отсутствии общих нормативных представлений или пресуппозиционного фонда, общение между носителями разных коммуникативных стилей чревато недопониманием и неадекватной реакцией. Речевой акт «приглашение» реализуется в немецкой лингвокультуре в ситуации случайной встречи двух приятелей, один из которых иностранный студент, типичным речевым клише: «Komm doch mal vorbei». При этом приглашающий, представитель немецкой культуры, и приглашённый, иностранец, каждый по-своему интерпретируют эту фразу-приглашение. Подобная «неконгруэнтность интерпретации действий» вполне объяснима. Культурная норма ожидания иностранного студента проявляется в том, что в ближайшее воскресенье без предварительного телефонного предупреждения он приходит в гости к немецкому приятелю. Тот, однако, в соответствии с нормами немецкой культуры следует коммуникативному сценарию, нарушающему контекстные ожидания гостя, сообщая ему, что вынужден уйти в связи с назначенной ранее встречей. Разнокультурные нормативно-ценностные представления о коммуникативном событии «приглашение-визит», актуализованные в вербальных и невербальных действиях коммуникантов, приводят к серьёзному сбою в общении:

G. Hallo, Peter.

D. (erstaunt) Hallo, Hassan. (nach einer Weile bittet er ihn zögernd herein) Komm herein.

G. Danke. Sonntags habe ich immer viel Zeit. Da dachte ich, ich komm mal bei dir vorbei.

D. Du, ich habe aber heute leider keine Zeit. Gleich kommt meine Freundin, und wir wollten eigentlich Freunde von uns besuchen.

G. (sehr enttäuscht) Ach so, dann gehe ich gleich wieder.

D. Es tut mir leid. Aber kannst du nicht ein anderes Mal kommen? Ruf am besten vorher an... (Haddad, 1987: 229).

Комментируя данную ситуацию, необходимо отметить, что в немецкой перспективе приглашение такого рода обычно интерпретируется как декларация доброго отношения к собеседнику и желание поддерживать с ним дружеские отношения. При этом предполагается, что краткий визит «на кофе» состоится только после предварительного телефонного звонка с уточнением его времени. Отсутствие этих пресуппозиционных знаний у иностранного партнёра, не связывающего приглашение с каким-либо дополнительным согласованием и ожидающего гостеприимства согласно своим культурным нормам*, является тем самым «камнем коммуникативного преткновения», который вызывает межкультурное недоразумение.

Таким образом, культурно обусловленные нормы и ценности играют релевантную роль в обеспечении взаимопонимания при коммуникации. В концепции Ю. Хабермаса система норм социального поведения выступает основой языковой коммуникации (Марков, 2000: 313). При этом коммуникативная нормативность культуры поддерживается в ходе межличностных, массовых взаимоотношений людей и в результате функционирования различных социальных институтов.

В этой связи с позиций современного социо- и прагматингвистического подхода каждую национальную лингвокультуру метафорически, с определённой долей условности можно рассматривать как глобальный национально-специфический дискурс, конституируемый национальным коммуникативным стилем и представляющий собой систему взаимосвязанных и взаимопроникающих частных дискурсов культуры. В

* В терминах теории речевых актов (классификация по: Романов, 1988: 55) данное действие можно отнести скорее всего к регламентативам (формулы социального этикета), а не к инвитавам (приглашение) в чистом виде.

определённой мере подобное уподобление соответствует взглядам американского культурантрополога Э. Холла, отождествляющего культуру и коммуникацию. «*Culture is communication*», – писал Холл (Hall, 1959: 97), подразумевая идентичность культуры и коммуникации. Прежде всего учёный подчеркивал при этом, что любое поведение людей, жест, любой материальный продукт имеют в человеческом общении знаковую, информирующую функцию. Параллельно с лингвистическим кодом сосуществует культурный код в невербальной системе координат.

Немецкий лингвист Ф. Хинненкамп (Hinnenkamp, 1994: 6), с осторожностью относясь к отождествлению культуры и коммуникации по Холлу, формулирует идею их соотношения следующим образом:

- существуют различные, отличающиеся друг от друга культуры (подразумеваемая под культурой нестатичную величину, которая не ограничивается только интернациональными рамками);
- культура и коммуникация находятся в тесной взаимосвязи;
- участники коммуникации представляют всегда одну из культур;
- культура отражается в коммуникации;
- культурная принадлежность определяет специфический способ коммуникативного взаимодействия;
- общая культурная принадлежность облегчает процесс коммуникации, различная – усложняет его.

2.2. Функционализм и культурный релятивизм в теории межкультурной коммуникации

Общетеоретическая концепция межкультурной коммуникации (далее МКК) опирается на положения и идеи двух направлений, занявших видное место в мировой антропологии/этнологии первой половины XX века. Своеобразным противопоставлением этно- и европоцентризму (подробно обсуждаемым ниже) в описании и объяснении культур разных народов стали теории функционализма и культурного релятивизма.

Рождение и развитие **функционализма** как способа изучения культур связывают с именами Б. Малиновского, А. Рэдклифф-Брауна, Р. Турнвальда, Г. Спенсера и Э. Дюркгейма. Каждый из них внес свой вклад в становление функционалистского подхода в исследовании культур (традиционных и современных), основные положения кото-

рого интерпретируются современными этнологами как «возможно наиболее успешное теоретическое течение мировой этнологической школы» (Kohl, 1993: 137).

В основе функционалистской теории культур лежит понимание культуры как целостного образования, состоящего из взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, каждый из которых способствует сохранению единой системы. Данный подход унифицирует культуры, пытаясь обнаружить за их очевидным разнообразием общие основания, позволяет рассматривать отдельные социальные и культурные институты с точки зрения выполнения ими конкретных функций в рамках общего макроорганизма. Согласно Б. Малиновскому, «...в любом типе цивилизаций любой обычай, материальный объект, идея и верования выполняют некоторую жизненную функцию, решают некоторую задачу, представляют собой необходимую часть внутри действующего целого» (Белик, 1998: 69). При этом любая культура в ходе своего развития вырабатывает свою особую систему устойчивого «равновесия». Если уничтожить какой-либо элемент культуры (например, запретить вредный с точки зрения другой культуры обряд), то вся этнокультурная система, включая народ, живущий в ней, может быть подвержена деградации и даже гибели.

Особенностью функционализма (в большей степени это касается учения А. Рэдклифф-Брауна) является практическая направленность исследований, использование полевых методов в изучении культурных феноменов.

Концепция функционалистского учения неоднократно подвергалась и подвергается критике в научном мире (Белик, 1998; Коль, 1993). Прежде всего речь идет об игнорировании культурных изменений и преобразований в ходе исторического процесса, поскольку сторонники функционализма рассматривают культуры в синхронном измерении как статичные величины.

Несмотря, однако, на некоторую критическую оценку, многие положения функционалистского подхода имели продуктивное значение для развития теории и практики МКК. Это касается и принципа универсального функционализма, создающего основу для кросс-культурных сравнений, и прикладного характера исследований. Востребованным в рамках МКК является также воззрение представителей функционализма, согласно которому культуру нельзя исследовать в отрыве от ее общества, поскольку «изучение культуры всегда предполагает одновре-

менно изучение поведения группы людей, связанных между собой социальной структурой» (*Radcliffe-Brown*, 1957: 106).

Одним из важнейших для МКК итогов развития функционализма считается его направленность на понимание других типов культур, необычного, с точки зрения европейцев, образа жизни, стремление рассмотреть культуру изнутри, осознать иные культурные ценности.

Данные аспекты функционалистского понимания культур развивались не только последователями функционализма, но и исследователями культур, не относящихся к этому направлению, например, представителями культурного релятивизма.

Возникшее на рубеже 40–50-х годов научное течение **культурного релятивизма** является своего рода идеологией МКК, её теоретической и методологической основой.

Подобно положениям функционализма, культура, с позиций культурного релятивизма рассматривается как целостная система, отдельные элементы которой могут быть поняты только в ее собственном контексте. Однако, в отличие от функционалистского подхода, релятивисты не ищут причин, с помощью которых можно объяснить совпадения между структурами различных культур, поскольку воспринимают каждую культуру как исключительное, единственное в своем роде образование, имеющее смысл только в самом себе (ср.: *Kohl*, 1993: 145).

У истоков школы культурного релятивизма стоял основоположник новейшей американской антропологии Ф. Боас (*Boas*, 1914), получивший образование в Германии и не лишенный поэтому влияния Гердеровской идеи о «народном духе», превозносившей постулат об оригинальности, неповторимости и индивидуальности исторических событий и их связи с «народным характером».

Ученики и последователи Ф. Боаса, к числу которых относятся А. Крёбер, Р. Бенедикт, М. Херсковиц, М. Мид, развили и оформили его идеи до научной концепции. В её разработке нашли своё отражение некоторые положения теории «Культура и личность» о фундаментальных различиях между культурами, каждая из которых имеет свою культурную доминанту (*Benedict*, 1955); результаты эмпирических исследований мира детства М. Мид (Мид, 1988); культурно-антропологическая концепция М. Херсковица (*Herskovits*, 1955). В России принцип культурного релятивизма анализировался классиком отечественной этнологии С.А. Токаревым (Токарев, 1978).

Основное содержание теории культурного релятивизма заключается в признании равнозначности и равноправия различных культур: все культуры равные, но – разные. Это предполагает утверждение самостоятельности и полноценности каждой культуры, отрицание абсолютно-го значения евро-американской системы оценок. «Нельзя присваивать себе право вмешиваться в жизнь какого-либо племени под тем предлогом, что оно неспособно к самостоятельному развитию» (Токарев, 1978: 298). Любая культура по-своему сложна, ценна и самобытна, так как является особым способом приспособления к данным условиям, вполне равнозначным любому другому способу. Американский психолог Г. Триандис писал: «Когда мы видим варианты поведения, кажущиеся нам странными, экзотичными и даже неприемлемыми, желательно попытаться подумать, что стоит за ними? Что было этакое в условиях жизни, в экологии данной культуры, что явилось причиной подобного поведения? Если мы сможем найти связь между средой обитания и поведением, мы сможем быть более толерантными в отношении поведения, которое нам не нравится. Мы будем также более способны изменить наши моральные оценки, что очень важно, когда мы имеем дело с другими культурами. Возможно, в результате этого мыслительного процесса мы сможем сказать себе: “Если бы я жил в этих условиях, возможно, я вёл бы себя так же, как и они”» (Лебедева Н., 1999: 22).

Каждый культурный феномен может пониматься и интерпретироваться только в понятиях той культуры, составной частью которой он сам является (ср.: *Kroeber*, 1952: 6; *Rudolph*, 1968: 61). Согласно этому принципу культурного релятивизма, не существует универсальной, значимой для всех культур и народов нормативно-ценностной системы. Поэтому, соответственно, «отсутствуют объективные критерии, позволяющие подразделять культуры на выше- и нижестоящие» (*Kohl*, 1993: 148).

М. Херсковиц, сформулировавший основные идеи культурного релятивизма, выделял в нем три аспекта: методологический, философский и практический (Белик, 1998: 96). Методологический аспект предполагает изучение культур на основе ценностей, принятых у того или иного народа, что способствует пониманию культуры изнутри, осознанию смысла её функционирования в свете представлений об идеальном желаемом, распространённом в этой культуре.

Философский аспект состоит в признании множественности путей культурного развития, в плюрализме при взгляде на историко-культурный процесс. «Признать, что право, справедливость, красота

могут иметь столько же проявлений, сколько культур, – это значит проявить не нигилизм, а терпимость», – писал М. Херсковиц (*Herskovits*, 1955: 547).

Выделенный американским антропологом третий аспект принципа культурного релятивизма, а именно – практически-оценочный, является во многом дискуссионным (Белик, 1998: 96). С точки зрения релятивистов, все элементы культуры в истории и современности считаются проявлением «логики собственного развития». При этом возникает вопрос: можно ли требовать уважения к таким «культурным» ценностям, как людоедство, к самым различным проявлениям расизма, «ценностям» тоталитарных режимов в виде концентрационных лагерей и массовых казней, многочисленным формам и способам проявления национального экстремизма? К сожалению, М. Херсковиц ушел от четкого ответа на такие вопросы. В этом, как подчёркивают исследователи, важнейший недостаток его концепции.

Последовательный анализ теории культурного релятивизма отечественными и зарубежными исследователями (Коль, 1993; Рот, Рот, 2001; Стефаненко, 2000; Белик, 1998 и др.) показывает, что данное направление, как и многие другие этнологические концепции, не лишено недостатков, в некоторых моментах даже противоречиво. Однако главный лозунг школы релятивизма – «Культуры разные, но равноценные» (это касается в той же мере партнеров по коммуникации) – неизбежно привлекает к себе симпатии культурологов, особенно интеркультураллистов, поскольку «предполагает отказ от преждевременных и опрометчивых суждений и оценок в ситуациях общения с представителями других групп или обществ, которые отличаются от своих собственных» (*Hofstede*, 1997: 7).

Подчёркивая положительные стороны принципа культурного релятивизма для процессов межкультурной коммуникации, приведём слова С.А. Токарева: «Уважение к культуре каждого народа, хотя бы считаемого отсталым, внимательное и осторожное отношение к народам-создателям такой культуры, отказ от высокомерного самовозвеличивания европейцев и американцев как носителей якобы абсолютных ценностей и непогрешимых судей в этих вопросах – всё это несомненно здоровые научные идеи, заслуживающие самого серьёзного внимания» (Токарев, 1978: 290).

Теория культурного релятивизма значима для МКК не только в связи с моральным аспектом равноценности культур, но и как подход,

позволяющий основываться при их исследовании на смене культурных перспектив. Сочетание двух исследовательских перспектив – внутренней и внешней – при изучении той или иной культуры рассматривается современными культурантропологами как один из наиболее объективных и достоверных способов для адекватного понимания и объяснения культурных особенностей разных народов. Подобную попытку исследования культуры извне и изнутри можно приравнять к принятому в гуманитарной науке противопоставлению количественно-аналитического подхода, с одной стороны, и целостного качественно-феноменологического подхода – с другой.

В работах зарубежных современных психологов и этнологов для обозначения данного комбинированного метода используется оппозиция понятий **эмический/этический** (*emic/etic; emisch/etisch*). Эти неперебиваемые термины были предложены американским лингвистом К. Пайком в 1967 году по аналогии с американской лингвистической терминологией. От слова фонетика (изучающая звуки, которые имеются во всех языках) и от слова фонемика (изучающая звуки, характерные для одного языка) он заимствовал окончания.

Таким образом, перспектива исследователя, занимающего позицию внешнего наблюдателя, характеризуется в науке как этический подход, или этик-аспект в изучении чужой культуры. Перспектива, когда любые элементы культуры рассматриваются с точки зрения её участника, т.е. изнутри системы, обозначается как эмический подход. Взгляд со стороны (этик-аспект), опирающийся на описательно-аналитическое понимание, позволяет сравнивать культуры между собой. В фокусе эмического подхода в изучении – всегда только одна культура. При этом используются специфические для этой культуры единицы анализа и термины носителей культуры. В этом случае межкультурные сравнения и оценивание невозможны.

Однако людям как индивидам свойственно сравнивать и оценивать. Естественный этноцентризм присущ всем, даже профессионалам. Тем не менее позиция профессионала, основанная на эмпатическом подходе, должна определяться концепцией культурного релятивизма с её акцентом на необходимость смены культурных перспектив.

Стремление понять проблемы культурных различий на основе образа мыслей оппонента, умение поставить себя на его место, представить себе, что думает и чувствует другой, называется в психологии **эмпатией**. Эмпатия трактуется в словарных источниках как когнитивная

осведомленность и понимание эмоций и чувств другого человека, принятие в собственном сознании роли другого человека (Большой толковый психологический словарь, 2000: 513). Сущность эмпатического подхода передаётся «платиновым правилом нравственности»: «Поступай с другими так, как они поступали бы сами с собой» (Bennet, 1998).

Значение идей культурного релятивизма как методического принципа неоспоримо. В любом межкультурном исследовании необходимо учитывать культурную обусловленность собственных норм, ценностных установок и способов поведения. Способность к эмпатии, отстраненность от эмоций и отказ от преждевременных оценок являются основными предпосылками успешного общения с культурно чуждым.

2.3. Способы взаимодействия с культурно «чуждым»

2.3.1. Этноцентризм как константа межкультурного общения в теории межкультурной коммуникации

В процессах межкультурной коммуникации взаимодействуют, как отмечалось выше, «привычная» нормативно-ценностная система собственной культуры и «непривычная», чаще всего непонятная нормативно-ценностная система чужой культуры. При этом большинству людей свойственно восприятие и оценивание явлений незнакомой окружающей действительности с позиции «своей» этнической общности, рассматриваемой в качестве эталона (эталонным может считаться все, что угодно: религия, язык, литература, пища, одежда, поведение и т.д.). Этот феномен давно известен в социальных и этнологических исследованиях как явление **этноцентризма** – «предпочтения своей этнической группы» (Стефаненко, 2000: 236) – или пример внутригруппового фаворитизма (калька с англ.).

Сущность **этноцентризма** как общественно-психологического явления сводится к наличию совокупности массовых иррациональных положительных представлений о собственной культуре как о некоем

* Альтернатива «золотому правилу»: «Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе», выражающему явление *симпатии*, что в контексте МКК соответствует этноцентристской позиции, поскольку приемлемость поведения партнера по общению интерпретируется со своей точки зрения.

«ядре», вокруг которого группируются другие этнические общности (Этнопсихологический словарь, 1999: 323).

Понятие этноцентризма было впервые введено в науку в 1883 году австрийским социологом И. Гумпловичем. Далее оно разрабатывалось американским социологом Д. Самнером, по мнению которого, этноцентризм – это такое «видение вещей, при котором своя группа оказывается в центре всего, а все другие соизмеряются с ней или оцениваются со ссылкой на нее» (цит. по: *Stephan, Stephan*; см.: Стефаненко, 2000: 237). Определение этноцентризма современными исследователями (Кон, 1983; *Kohl*, 1993; *Hofstede*, 1997; *Wierlacher*, 1998) соотносится в целом с дефиницией американского учёного.

Этноцентризм имеет определенную объективную основу в реальном различии культур, образа жизни, исторического опыта отдельных групп, народов, слоев общества. Его развитию способствует слабая осведомленность людей об обычаях, верованиях, традиционных занятиях представителей других этнических и социальных групп.

Бруер и Д. Кэмпбелл выделяют несколько основных показателей этноцентризма:

- восприятие элементов своей культуры как «естественных» и «правильных», а элементов других культур – как «неестественных» и «неправильных»;
- рассмотрение обычаев своей группы в качестве универсальных;
- оценка норм, ролей и ценностей своей группы как неоспоримо правильных;
- представление о том, что для человека естественно сотрудничать с членами своей группы, оказывать им помощь, предпочитать свою группу, гордиться ею и не доверять и даже враждовать с членами других групп (*Brewer, Campbell*, 1976).

Г. Малетцке разграничивает две главные особенности в сущности этноцентризма (*Maletzke*, 1996: 23). С одной стороны, родная культура характеризуется «само собой разумеющимися явлениями/нормальностями» (*Selbstverständlichkeiten*), с другой – этноцентризм связан чаще всего с чувством превосходства по отношению к другим народам, нациям, культурам (*Überlegenheitsbewußtsein*). Как правило, люди не осознают, что их образ жизни, поведение, ценностные ориентации и взгляды обусловлены собственной культурой и не являются универсалиями, нормальными и само собой разумеющимися в других культурах. Таким образом, эта сторона проявления этноцентризма свидетельствует о су-

ществовании наивной уверенности многих, что их жизненная система координат, мировоззрение абсолютны, а не относительны. Следует отметить также, что привычная обыденная повседневность своей культурной среды содержит в себе важную для человека «разгрузочную» функцию – функцию «освобождения»: существующие, устоявшиеся традиции и ценности родной этнической группы освобождают её членов от решения многих стандартных, стереотипных проблем, избавляют от необходимости вербальной или невербальной атрибуции (интерпретации) очевидных для данной культуры вещей. Однако названная функция теряет свою действенность, когда «прописные», казалось бы, истины собственного окружения не имеют той же силы и смысла в другом культурном окружении.

«Надменная» сторона этноцентризма предполагает завышенную оценку своей группы. С точки зрения превосходства над другими любое отклонение от культурных ценностей, обычаев, привычек, от «нормального» поведения этой группы воспринимается её представителями как неправильное, неполноценное, спорное. Каждая культура видит себя в центре Вселенной и оценивает жизненные явления «сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы...» (Кон, 1983: 812).

Как любое социально-психологическое явление, этноцентризм не может рассматриваться как нечто только положительное или только отрицательное, а ценностное суждение о нём, по мнению Т. Стефаненко, абсолютно неприемлемо (Стефаненко, 2000: 237). Несмотря на то, что этноцентризм часто оказывается препятствием для межкультурного взаимодействия, он выполняет полезную для группы функцию поддержания позитивной идентичности, формирования у её членов чувства надежности и «укрытости» в рамках своих социальных отношений (Kohl, 1993: 32). Под **идентичностью** в этнологии понимается «процесс перенесения индивидом на самого себя качеств и особенностей своего внешнего окружения, стремление актуализировать в своей личности такие черты, которые имеют важное и жизненно необходимое значение в данных условиях» (Садохин, 2000: 155).

Культурная ценность этнической идентичности очень высока, так как даёт человеку большую возможность самореализации, чем любые другие социальные группы. При этом культурная идентичность приобретается не путём каких-то личных усилий, а по рождению или воспитанию с раннего детства в определенной культурной среде.

Культурная идентичность – это наше общественное лицо, сфокусированное на принадлежности к нашей культуре. Степень, в которой мы идентифицируемся с нашей культурой, влияет на наши представления о том, в какой степени другие должны ей следовать.

Многие исследователи отмечают, что этноцентризм изначально не несет в себе враждебного отношения к представителям других культур и может сочетаться с терпимым отношением к межкультурным различиям. Этноцентризм, при котором не критичное отношение не распространяется на все свойства и сферы жизнедеятельности своей группы и предпринимаются попытки понять и объективно оценить чужую культуру, разные авторы называют благожелательным, или гибким. Но этноцентризм может проявляться по-разному. При воинственной форме этноцентризма люди не только судят о чужих ценностях исходя из собственных, но и навязывают их другим. Воинственный этноцентризм выражается в ненависти, недоверии, страхе и обвинении других народов в собственных неудачах, что используется в реакционных доктринах, санкционирующих захват и угнетение других народов.

Крайняя степень этноцентризма проявляется в форме делегитимизации – «категоризации группы или групп в супернегативные социальные категории, исключаемые из реальности приемлемых норм и ценностей» (*Bar-Tal, 1990: 65*). Делегитимизация доводит до максимума межгрупповые различия и включает в себя осознание подавляющего превосходства своей группы. Облегчают делегитимизацию действительно значительные различия во внешности, нормах, языке, религии и других аспектах культуры. Её целью является полная дифференциация своей и чужой групп вплоть до исключения последней из рода человеческого. Одним из примеров этноцентристской делегитимизации Д. Бар-Тал называет отношение к «неарийским» народам в нацистской Германии. Этноцентризм, внедренный в расистскую идеологию превосходства арийцев, оказался тем механизмом, с помощью которого немцы пришли к убеждению, что евреи, цыгане и другие меньшинства – «недочеловеки».

Воинствующий этноцентризм в его великодержавном варианте был характерен и для советской идеологии. Её влияние демонстрирует эксперимент, проведенный отечественными этнопсихологами в последние годы существования СССР и описанный Т. Стефаненко (Стефаненко, 2000: 239).

Испытуемые, студенты из десяти стран, должны были «заселить» необитаемую планету жителями своей и еще семи стран, используя для

этого «пустую» карту двух полушарий. У советских студентов были выявлены неблагоприятные тенденции: они размещали свою страну либо на целом полушарии, либо в центре рисунка, так, что она граничила со всеми другими государствами и получала львиную долю территории. Последний вариант является ярким выражением феномена «пупа Земли» и был обнаружен у молодых людей еще из двух стран – Ирана и Египта. У остальных испытуемых (даже у студентов из США, хотя жители этой страны отличаются гиперпатриотизмом) ничего подобного выявлено не было. Для них было характерно стремление каким-то образом объединить страны на новой планете. Каждый пятый участник исследования поместил в центре рисунка чужую страну – нейтральную (Австрию, Швейцарию) или достигшую наивысших достижений в экономике (Японию).

Анализируя проявления этноцентристского поведения, исследователи отмечают, однако, что для разных культурных групп и их членов характерна разная степень выраженности этноцентризма. Так, например, в рамках культуры, считающейся в целом нетерпимой, можно встретить вполне терпимых и великодушных её представителей, и наоборот (ср.: Хофстеде, 1997: 291). Кроме того, степень выраженности этноцентризма в межкультурном взаимодействии тем меньше, чем больше сходств в образе жизни коммуникантов из разных культур, и тем значительнее, чем больше разнятся контактирующие культуры (ср.: Малетцке, 1996: 23).

Рассматривая этноцентризм не как помеху в межкультурном общении, а как базовую антропологическую константу (*Flohr, 1994*), А. Моосмюллер выделяет четыре разновидности этноцентристских установок: жёсткий, негативный, скрытый и рефлектирующий этноцентризм (*Moosmüller, 1996: 279*).

Жесткий этноцентрик либо не признаёт культурных различий вообще, либо, допуская их, относится к ним крайне отрицательно. Собственная культура является для него единственным верным масштабom. Существующие различия воспринимаются им как отклонение от нормы («нормальная личность так не поступает») и оцениваются с позиций однозначного эволюционистского подхода: другие культуры ещё не достигли того уровня развития, как родная культура, но это лишь вопрос времени, которое всё расставит по своим местам.

Негативный этноцентрик восторгается иными непонятными мирами, негативно относясь к своей собственной культуре. Таким образом,

истинная культура для него – отрицание родной культуры. Эту истинную культуру он проецирует на другие или следует ей как личному идеалу. Он готов осудить любые отклонения от этого идеального образа, особенно когда речь идёт о его собственной культуре.

Скрытый этноцентризм считает себя открытым и толерантным человеком. Он признаёт существование различных культур и разных стилей поведения, не видя в этом никаких проблем для общения. Культурная гетерогенность, по его мнению, является важнейшим условием для существования человечества, а построение мультикультурного общества – главной целью человечества. Для гармоничного сосуществования, невзирая на культурные расхождения, люди должны отказаться от предрассудков и быть открытыми. Как идеалист скрытый этноцентризм считает, что этноцентризм – это лишь проблема духовного развития. В реальном общении, однако, подобная личность часто отступает от своих идеальных представлений, следуя этноцентристским установкам, наличие которых у себя полностью отрицает.

Рефлектирующий этноцентризм – это реалист, адекватно оценивающий действительность и отдающий себе отчёт в том, что одним усилием воли невозможно преодолеть собственный этноцентризм. Он понимает, что этноцентризм сыграл в истории значительную роль для выживания человечества, пока усилившаяся глобализация не превратила его в некий анахронизм. Однако он убеждён, что потребуются ещё немало времени для распространения новых установок и способов поведения. Рефлектирующий этноцентризм скромно полагает, что в определённой степени он способен изменить свои взгляды и проявлять истинную толерантность. Шаг за шагом он уверенно продвигается по пути открытости, понимания и сотрудничества с партнёрами из других культур.

Хофштеде сравнивает этноцентризм как явление, имеющее место в масштабе взаимоотношений народов и культур, с эгоцентризмом – проявлением личностно-индивидуального плана, когда собственный маленький мир расценивается как центр мироздания. Кроме того, этноцентризм рассматривается исследователем в качестве второй фазы типичной психологической реакции людей на представителей другой культуры. Первая фаза – любопытство – соотносится с фазой эйфории, свойственной гостю, пребывающему в чужой стране. Если это пребывание затягивается и иностранец пытается вживаться в новую для него среду, стадия любопытства хозяев культурного окружения перерастает в стадию этноцентрического восприятия гостя. Его поступки, манеры,

образ жизни в целом оцениваются, интерпретируются с точки зрения культурных норм и образцов поведения своей страны, и результат, как правило, бывает не в пользу чужака. Речь идет в таких случаях о якобы невежливости, странности, глупости, невоспитанности, наивности гостя и т.д. Если подобные межкультурные встречи носят характер единичных, то люди в основном остаются на позициях своих этноцентрических взглядов. При возрастании частотности и масштабности межэтнических взаимодействий фаза этноцентризма трансформируется в третью фазу, которую Хофштеде определяет как полицентризм. Данный этап взаимоотношений характеризуется осознанием существования культурных различий, пониманием того, что разные люди «меряются» различными «мерками», поскольку они живут на основе других культурных стандартов (Hofstede, 2001: 297).

Авторы, исследующие возможные стороны проявления этноцентризма, разграничивают его с кажущимися родственными явлениями ксенофобии (враждебностью по отношению ко всему иностранному), ксенофилии (любовью ко всему иностранному), а также с европоцентризмом. В отличие от этноцентризма, европоцентризм не является выражением культурной идентификации закрытой «мы-группы», а манифестирует превосходство культурных признаков всех народов Европы по отношению к неевропейским народам (ср.: Коль, 1993: 32). По словам Г. Малетцке, «по меньшей мере, начиная с Нового времени, европейцы, а вслед за ними и американцы убеждены в том, что владеют единственно подлинной культурой и цивилизацией. Европейцы считают себя примером для всех народов и культур и удивляются, если в других регионах и культурных сообществах их не встречают с распростёртыми объятиями» (Maletzke, 1996: 24).

Таким образом, этноцентризм как одна из основных антропологических констант неизменно оказывает влияние на поведение людей в их отношении к чужим культурам. В связи с этим среди межкультурных экспертов этноцентризм по праву считается крупнейшей проблемой межкультурной коммуникации, а в его преодолении многие интеркультуралисты видят основную задачу межкультурного обучения.

2.3.2. Концепт «чужой» в теории межкультурной коммуникации

Пребывание в чужой культуре, в другой культурной группе (обучение за границей, командировки, интернациональные проекты и т.д.)

сопровождается ситуациями, которые регулируются двумя культурами. Речь идет о ситуациях культурного пересечения, или наложения, культур, в которых любой коммуникативный акт субъективно интерпретируется по меньшей мере двояко. Внезапное молчание в диалоге, например, может истолковываться одновременно как ослабление напряжения и как моральное давление, напряжение. К завтраку в немецком отеле традиционно относятся кофе и чай. Вопрос официанта: «Кофе или чай?», – задается, как правило, каждому гостю. С точки зрения внутренней (немецкой) культурной перспективы предложение данного выбора представляет собой традицию, обычай. Культурно обусловленный взгляд со стороны может трактовать такое положение вещей как своего рода принуждение, требование, предписывающее обязательно заказать на завтрак один из этих напитков. Так может показаться, например, гостю из Африки, который вообще не пьет ни один из этих напитков на завтрак.

Подобная двойственность обусловлена тем, что в процесс осмысления реальности привлекается прежде всего нормативно-ценностная система своей культуры, наряду с которой, однако, одновременно действуют регулятивы гостевой культуры, мало пока знакомой и, соответственно, недостаточно значимой. Собственное поведение и его последствия не оцениваются в связи с этим в контексте конкретной ситуации, когда, например, долгие паузы в разговоре воспринимаются как невежливые или, наоборот, непрерывная речь расценивается как агрессивное коммуникативное поведение. В этих случаях имеющиеся в распоряжении партнеров по коммуникации оправданные поведенческие стратегии, способствующие в своей культуре достижению успеха, оказываются в условиях чужой неожиданно не действенными, не соразмерными ситуации. Неуверенный более в правильности своего поведения, один из коммуникантов (находящийся не в родной культуре) испытывает наряду с когнитивной неопределенностью также эмоциональную робость в связи с утратой «нормальности» своих действий и в связи с кажущейся ему странной, необычной чужой реальностью. Типичность подобного вхождения личности в инокультурную среду обуславливает разработку проблемы взаимодействия с «культурно чуждым» как ключевую для понимания и анализа межкультурных контактов. Категория «чужой» является имплицитным или эксплицитным элементом всех определений понятия «межкультурная коммуникация».

Чужое/чуждое – это прежде всего незнакомое, лежащее за пределами привычного образа жизни, т.е. то, на что не может сослаться собственный жизненный опыт (ср.: *Bollnow*, 1982). Не своё, иное всегда имеет две стороны. Чужое воспринимается как нечто непонятное, холодное, возможно, таящее в себе угрозу или опасность. Однако, являясь неизведанным, чужое может и привлекать к себе, вызывать интерес и любопытство.

Толковый словарь русского языка следующим образом определяет слово **чужой**: 1. Не свой, не собственный, принадлежащий другим; 2. Не родной, не из своей семьи, посторонний; 3. Далекий по духу, по взглядам (1993. С. 673). Все значения в совокупности сходятся в главном: чужой противопоставляется своему, родному, близкому по духу. На полный и ясный смысл этого слова, вытекающий из оппозиции: свой, родной – чужой, иной, иностранный, – указывает в своей работе С.Г. Тер-Минасова (Тер-Минасова, 2000: 20).

В русском и немецком языках слово-понятие «чужой» близко по семантике слову **иностранный**. Немецкое *fremd* переводится на русский как чужой/нездешний, иностранный, иноземный/чужеземный, неизвестный, незнакомый. Немецко-русский синонимический словарь также отмечает родственность данных терминов (1983: 182): иностранный/заграничный – чужой/незнакомый – внешний (*ausländisch – fremd – auswärtig*). В отношении неродного языка в русскоязычном контексте употребляется выражение: «Иностранный язык – язык, на котором говорят представители другой страны». В немецком тезаурусе сосуществуют понятия иностранный язык и чужой язык (*Fremdsprache und fremde Sprache*), созвучные в немецком, но не представляющие собой игру слов и потому не взаимозаменяемые, поскольку они имеют разное смысловое наполнение. В отличие от иностранного языка как языка иностранцев, являющегося обязательным для изучения предметом в учебных заведениях разного уровня, чужими называются в Германии языки многочисленного эмигрантского населения, в отношении которых в последние годы культивируется политика многоязычной толерантности (ср.: *Burk*, 1992).

Вопрос о соотношении терминов «**чужой**» и «**иностранный**» решается исследователями на основании сравнения их понятийных полей, их культурологического содержания. Кратко вывод можно сформулировать следующим образом: объем слова «чужой» шире и многозначнее слова «иностранный», обозначающего главным образом принад-

лежность к другой стране. Кроме того, по мнению некоторых авторов, коннотации понятия «иностранец» более нейтральны и положительны, чем коннотационное поле слова «чужой», имеющего, как правило, негативный оттенок (ср.: *Doehring*, 1963; *Weinrich*, 1985). Однако, как показывают многочисленные наблюдения, ситуация с употреблением слова «иностранец» в русской и немецкой действительности не одинакова. В восприятии русских иностранцами обозначаются, как правило, представители Западной Европы или Америки, имплицитно при этом позитивный подход. Китайцев, корейцев, турок в обиходе редко именуют иностранцами (исключая официальную сферу), предпочитая называть их по национальности, что содержит некоторое негативное отношение. В Германии прослеживается обратная тенденция. Слово «иностранец» (*Ausländer*) имеет скорее отрицательный оттенок, а жители Западной Европы или Северной Америки (в отличие от русской культуры) являются шведами, американцами и т.д.

В парадигме научных исследований категория «чужой», имплицитно оттеняющая: иностранный, незнакомый, странный, необычный, является объектом исследования многих дисциплин. Так, например, этнология именует себя наукой о культурно-чуждом. Социология, философия, искусствоведение, лингвистика, компаративистика, история, экономические науки так или иначе занимаются разработкой проблем чужеродности.

Соответственно направлению научных исследований понятие «чужой» дефинируется по-разному. В социологии под данным термином понимается прежде всего статус «аутсайдера» или «маргинальной личности», чьим прототипом сегодня вполне может служить эмигрант, политический или обычный беженец. В теологии «чужой» рассматривается либо как *ближний* («Возлюби ближнего своего как себя самого»), либо как грешник, вероотступник. В социальной философии речь идет об инаковости, о другом человеке, именуемом чужим. В культурной антропологии чужой определяется как человек, принадлежащий другой/иной культуре (*Wierlacher/Albrecht*, 1998).

Сложность понятийно-семантической категоризации чужого подчеркивается многими авторами. Г. Малетцке выделяет при этом следующие характеристики:

- чужой как внешний, иностранный (заграничный), т.е. буквально находящийся по другую сторону территориально определенной линии. Данное пространственно-обусловленное отграничение

чужого подчёркивает его доступность и недоступность, акцентирует значение «своего», родного, дающего ощущение теплоты, уверенности, защищённости;

- чужое как своеобразное, необычное, странное, находящееся в контрастирующем состоянии к собственному, привычному, нормальному;
- чужое как пока незнакомое, но доступное посредством ознакомления, освоения;
- чужое как непознаваемое, принципиально исключающее возможность знакомства;
- чужое как тревожное, опасное в оппозиции к доверительно родному; возможность превращения родного в незнакомое, инородное (ср.: *Maletzke*, 1996, 30).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Чужой – это, по меньшей мере, вопрос не только расстояния (отдаленности), но и сложившегося положения дел. Чужое может находиться в самой непосредственной близости.

2. Чужое не является объективной категорией, поскольку в действительности речь идет об атрибуции (интерпретации), приписывании, сделанном едва ли преднамеренно, но так или иначе субъективно. Отсюда чужое чуждо всегда только конкретному лицу.

3. Как следствие предыдущего положения: ничто и никто не являются раз и навсегда чужими. Как правило, существует внутренняя динамика в восприятии не своего/иного. Особенно этот процесс изменения, передвижения, ослабления чужеродности присущ повседневной культуре (ср.: *Bausinger*, 1988).

4. Выделяя особенности чужеродности, Г. Вайнрих различает природно-генетические и социально-культурные признаки. К первым относятся ярко выраженные, бросающиеся в глаза при первом контакте сигналы внешности: строение тела, цвет кожи, глаз, волос. Ко второй группе признаков можно отнести манеру поведения, образ жизни, привычки, язык и т.д. Анализируя выделенные особенности, автор приходит к выводу, что они не представляют собой критерии чужеродности, поскольку либо сводятся к теории расизма, либо являются скорее всего знаком индивидуальности или специфически групповой идентичности (ср.: *Weinrich*, 1985). **Чужеродность**, по мнению Г. Вайнриха, есть не что иное, как интерпретация инаковости, т.е. непохожести, необычности.

Иностранный язык, с его точки зрения, также не является показателем чужого, так как данное препятствие в вопросе освоения чужеродности является достаточно преодолимым. Иностранным языком можно овладеть, особенно в условиях современного глобального информационного пространства.

Наряду с характеристиками категории «чужой» в исследованиях рассматриваются её классические культурные функции (Hetzlage, 1987). Выделяются две основные: чужой как культурный инноватор; чужой как культурный раздражитель (*Herausforderer*). Согласно первой функции роль чужого в культурной истории расценивается как роль носителя новых идей, технологий, даже образа жизни. Достаточно вспомнить, например, влияние на развитие отечественной истории западных идей во времена реформ Петра Первого, Екатерины Второй; деятельность зарубежных зодчих и след, оставленный ими в русской архитектуре и искусстве; новые импульсы в развитии производства и управленческой деятельности современных отечественных предприятий на основе заимствования западного и восточного опыта.

Во второй функции чужой выступает как культурный раздражитель. Р. Геттлаге подчеркивает, что часто правду о самих себе можно узнать только благодаря взгляду со стороны. Непосредственный мир, окружающий нас, действительность, в которой мы живем, ограничивают наше восприятие. Познание себя, дистанцирование от привычного образа жизни, самокритика чаще всего провоцируются в процессе постижения чужого.

Таким образом, понятие **чужеродности** основывается на смене, взаимозаменяемости перспектив: доверительного своего и чужого другого. В каждом упоминании чужого имплицитно заложено осознание собственного, себя. Только наличие своего позволяет дифференцировать иное.

Разграничение между «мое» и «чужое», между «внутри» и «за пределами» является, как отмечают специалисты по межкультурной коммуникации (Maletzke, 1996; Roth, 1998), основополагающим для проблематики чужого и чужеродности. Так как указание на чужеродность постоянно содержит контуры знакомого, речь идет о бикультурной ситуации, что позволяет ввести в контекст интерпретации межкультурных взаимодействий понятийную пару *ingroup* – *outgroup*. Данная терминология появилась впервые в работах американского ученого Самнера (Sumner, 1906).

Дифференциация социальных величин «внутри» и «вне», в рамках группы и вне группы является, как известно, универсальной социальной категорией, однако сущность границы, разделяющей эти две составляющие, культурно-специфична, и выстраивание этой границы по-разному определяется, интерпретируется, измеряется в зависимости от той или иной культуры. Члены группы (*ingroup*) поддерживают, как правило, друг с другом добрые, дружеские отношения, регулируемые законом, общим порядком, управлением, экономикой. Их отношения с внешним окружением (*outgroup*), напротив, характеризуются состоянием обособления и отделения, иногда даже враждебностью. Граница между «внутри» и «снаружи» не является жесткой, установленной раз и навсегда. Пространство «в группе» в контексте конкретной ситуации может восприниматься то очень узким, то субъективно переживаться как расширяющаяся категория, подобно концентрическим кругам: от уровня семьи до более крупных социальных единиц, например, народности или нации. По логике, положение «вне группы» может расцениваться как переход в «чужое» пространство. В реальной жизни осознание чужого начинается там, где заканчивается нечто само собой разумеющееся и начинается странное, необычное.

Существуют культуры, в которых разделение на «внутри» и «вне» регулируется другими правилами, не всегда соотносимыми с собственной привычной логикой. Речь идет, например, об арабах и бедуинах (кочевых арабах). Арабская пословица гласит: «Я – против моего брата; мой брат и я – против двоюродного брата; мой двоюродный брат, мой брат и я – против других». Это значит: тот, кто был сначала моим братом, может оказаться в следующий миг, при ином стечении обстоятельств – моим злейшим врагом (цит. по: *Maletzke*, 1996: 32). Как отмечает Г. Кельман, главной особенностью такой системы является факт усиления социальной солидарности только в ситуациях оппозиционного плана (мы – они) и понимание всех альянсов как временных, не имеющих длительной перспективы (*Kelman*, 1967). Данный принцип «меняющихся лояльностей» лучше объясняет многие политические и общественные события на Ближнем Востоке, чем принятая в европейском контексте система координат (*ingroup – outgroup*).

Завершая понятийно-семантические размышления о сущности категорий «чужой», «чужеродность/инаковость», обратимся вновь к картине пребывания в чужой культуре.

Покидая свое привычное, родное окружение, человек погружается в незнакомую, привлекающую своей новизной и необычностью, но одновременно и тревожную среду. Чужой в гостевой культуре, он воспринимает её жителей чужаками. В то же время в глазах местных он сам чужой, также таящий в себе непредсказуемость и, возможно, потенциальную опасность.

В связи с этим обращает на себя внимание феномен гостеприимства, согласно которому гостя встречают, опекают, охраняют. Закон гостеприимства действует во многих странах, но не повсеместно. Автор анализирует это явление следующим образом. Гостеприимство рассматривается как культурный продукт, относящийся к тем традициям, которые смягчают изначальные, не всегда положительные человеческие импульсы ради мирного сосуществования. С точки зрения психологического подхода гостеприимство определяется как ограниченные во времени социальные отношения. В этом контексте данный феномен понимается как попытка обязать гостя не причинять зла культуре, в которой он пребывает. Ещё одно объяснение возвращает нас к архаичному образу мышления. По античным преданиям, боги часто появлялись в человеческом облике, поэтому никогда нельзя было знать, предстаёт ли в образе незнакомого чужого переодетое божество. Разумным считалось обходиться с ним хорошо.

Итак, междисциплинарный анализ ключевого концепта теории и практики межкультурного взаимодействия чужой/чужеродность позволяет сделать следующие выводы:

- чужой всегда существует в оппозиции к своему/родному;
- чужой не является объективной категорией, поскольку представляет собой субъективную интерпретацию новой, необычной реальности;
- чужое всегда воспринимается неоднозначно: с одной стороны, оно таит в себе угрозу, так как неизвестно и непонятно; с другой – в чужом всегда содержится новое и поэтому привлекательное, расширяющее кругозор и мировоззрение;
- в основе чужеродности лежит взаимозаменяемость перспектив;
- преодоление чужеродности/инокультурности происходит на основе изменения ожиданий, редукции неопределенности и освобождения от неуверенности, благодаря которым индивид постепенно достигает уместности своего поведения, имеющего результатом смягчение стресса и адаптацию к новым культурным условиям.

2.3.3. Межкультурная адаптация и культурно коммуникативный шок

Ситуация «чужой за границей» рассматривается культурантропологами, психологами, интеркультуралистами в контексте модели культурного шока, сопровождающего период **межкультурной адаптации** (приспособления) человека к новой культурной среде. При этом под адаптацией понимается основанный на личностных изменениях процесс достижения совместимости с чужой культурой и восстановление нарушенного при столкновении с ней равновесия между личностью и её ближайшим окружением (ср.: *Maletzke*, 1996: 160). В теории МКК наряду с термином «культурная адаптация» используется понятие «**аккультурация**» для обозначения процесса вхождения индивида в новую культуру и её освоение. Кроме того, адаптационный процесс интерпретируется некоторыми авторами как процесс активной **межкультурной трансформации** личности (*Kim/ Ruben*, 1988; *Dahl*, 1998; Леонтович, 2002). В основе своей эти термины обозначают одно и то же сложное психологическое состояние, свойственное человеку, вступающему в длительный контакт с чужой культурой, и результат этого трансформационного процесса.

Данные эмпирических наблюдений и исследований показывают, что период приспособления к новой культурной реальности наполнен чередой положительных и отрицательных эмоций. Наиболее известной концепцией, передающей состояние индивида при вхождении в чужую культуру, считается поступенчатая модель культурной адаптации К. Оберга (*Oberg*, 1960), дифференцирующая четыре основные стадии в процессе аккультурации. (рис. 7). Первая фаза, обозначаемая как «медовый месяц» (так же, как фаза эйфории, или туристическая), характеризуется позитивным восприятием действительности. Чужая культура привлекает новизной, даже восхищает. Люди, которые утверждают, что они не испытывали трудностей во время своего пребывания в другой

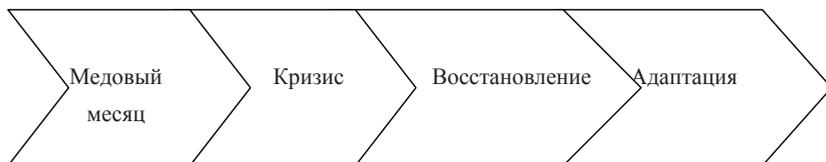

Рис. 7. Модель межкультурной адаптации

стране, как правило, находились в ней с кратковременным туристическим или деловым визитом. Их общение с чужой культурой как раз и ограничилось мягким «медовым месяцем».

При более продолжительном соприкосновении с культурной чужеродностью начинается второй период адаптации, постепенно окрашивающий чувства и эмоции в негативные тона. Культурные различия становятся слишком явными и раздражающими, появляются проблемы в общении, возможны конфликтные ситуации. Усвоенные в процессе инкультурации в рамках своей культуры ценностные ориентации и способы поведения не «состыковываются» с новой реальностью. Временно наступает кризисный этап. Если человек не в состоянии справиться с этой стадией, он скорее всего уедет из страны либо будет пытаться убежать от реальности, общаясь преимущественно со своими земляками и жалуясь им на жизнь.

Высокая мотивированность приезжего и стремление интегрироваться в новое социальное окружение способствуют возвращению чувства оптимизма и уверенности. Эта фаза пребывания за границей характеризуется как фаза восстановления.

Нормализация физического и морального самочувствия, конструктивное восприятие культурно обусловленных различий свойственны для четвёртого этапа – этапа приспособления (нормализации). Визитёр дистанцируется от своего негативного опыта и начинает понимать, насколько это возможно, гостевую культуру. Специалистами отмечается при этом, что конструктивная адаптация не ведёт к потере личностной и культурной идентичности индивида, тогда как при «ложном» приспособлении возможны либо полный отказ от своих культурных норм и традиций, либо агрессивное отношение к новой культуре (ср.: *Moosmüller*, 1996: 284).

Наряду с представленной выше «поступенчатой» схемой аккультурации, в основе которой лежит идея линейно направленного поступательного развития, когда различные фазы встречаются и преодолеваются только один раз, существует также представление о спиралевидном адаптационном процессе как модели «адаптивной трансформации» (*Kim*, 1988). Спираль, говоря метафорически, движется вверх, символизируя с каждым витком новое качество в межкультурном приспособлении. При этом общее движение состоит из многократно повторяющихся горизонтальных витков влево (стресс, негативные переживания) и вправо (позитивные эмоции). В этой модели отрицательные и положительные момен-

ты не закреплены за каким-то определенным этапом аккультурации. Они не преодолеваются раз и навсегда, а имеют тенденцию к повторению в режиме чередования: преобладает то чувство потерянности и неудовлетворённости, то ощущение «вживания» и комфортного самочувствия. Поскольку спираль слегка наклонена вправо, то по мере продвижения вверх интенсивность стресса уменьшается, а адаптация усиливается.

Достаточно известна также модель межкультурной адаптации, учитывающая три психологические составляющие: ориентационную ясность, поведенческую уместность и минимальный уровень притязаний личности (Grove, Torbiörn, 1985; цит. по: Herbrand, 2002). В указанной модели, по аналогии с вариантом К. Оберга, процесс аккультурации подразделяется на четыре фазы. На первом этапе контакта с инокультурной действительностью в сознании индивида ещё сильны каноны собственной культуры. Лишь многократные недоразумения заставляют задуматься об их относительности и сомнительности привычных ориентиров в рамках нового окружения.

Для второй фазы характерна потеря ориентационной ясности и даже дезориентация. Усвоенные когнитивные структуры не соответствуют актуальным событиям, а поведенческая уместность не удовлетворяет минимальный уровень притязания. Лишь постепенно личность начинает, «пробираясь сквозь дебри новой культуры», осознавать контекст этой культуры и выстраивать другую ориентационную систему и поведенческие стратегии. Этим отмечена третья фаза пребывания «среди чужих».

На завершающем, четвёртом, этапе адаптации восстанавливается субъективная стабильность личности, ориентационная ясность и поведенческая уместность явно превышают уровень минимальных притязаний.

Однако чаще всего проблемы, которые возникают в ходе освоения чужой культуры, рассматриваются исследователями в контексте модели «кривой межкультурной адаптации» (Gullahorn/ Gullahorn, 1963). Данная концепция, включая все уже названные фазы приспособления к новому окружению, представляет течение или ход аккультурации в виде W-образной диаграммы, передающей реакцию личности на незнакомую действительность. При этом модель волнообразной линии учитывает также период реадаптации, когда успешно адаптировавшиеся в новом культурном пространстве визитёры, возвращаясь на родину, часто испытывают «шок возвращения» (рис. 8).

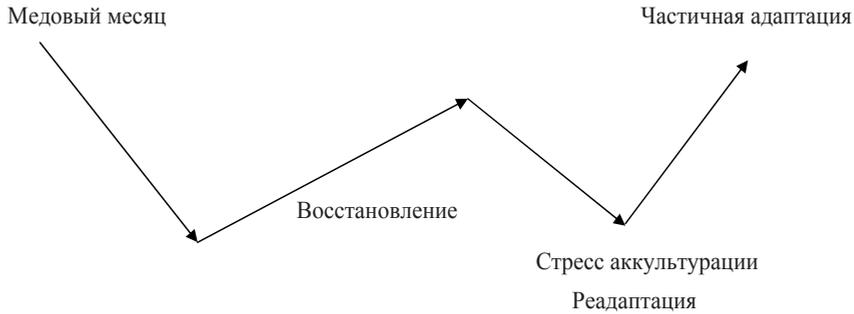

Рис. 8. Модель. Кривая межкультурной адаптации

Кризисная точка процесса аккультурации, или пик негативно-го опыта, наступившего от столкновения с новой культурой (во всех перечисленных моделях – это вторая фаза), обозначается в специальной литературе термином **культурный шок***, реже – «шок перехода», «культурная утомляемость» (Стефаненко, 2000: 281), «стресс аккультурации» (Berry, 1997), а также «коммуникативный шок» (Стернин, 2003: 9). Не следует отождествлять это явление с шоком в общем понимании слова как резкую неожиданную реакцию на проявление экстремальных факторов. Культурный шок наступает в результате длительного, неявно выраженного стрессогенного воздействия новой культурной среды на личность. «Культурный шок – это шок от нового. Гипотеза культурного шока основана на том, что опыт новой культуры является неприятным или шоковым частью потому, что он неожидан, а частью потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры» (Furnham, Bochner, 1986; цит. по: Лебедева, 1999: 193). В этой связи интересно мнение итальянской переводчицы**, прозвучавшее на конференции в Москве: «Я прошла процесс “обрусения”. Меня уже раздражает итальянская культура, хотя и русская продолжает раздражать».

Большинством авторов состояние культурного шока рассматривается в контексте психологических изменений индивида. Существует также подход, интерпретирующий культурный шок в меньшей степени как психологический феномен, а скорее как следствие недостатка ком-

* Данный термин был введён в парадигму межкультурных исследований американским антропологом К. Обергом в 1960 г.

** Сальмон Коварски Лаура, университет г.Болонья (Италия). В связи с профессиональной необходимостью часто бывает в России.

петенции, необходимой для эффективной коммуникации с чужим культурным окружением» (Salacuse, 1992).

Культурный шок сопровождается, как правило, напряжёнными усилиями в «переработке» новых впечатлений; чувством изолированности и даже отверженности; путаницей в ролевых ожиданиях, ценностных ориентациях и в собственной идентичности; удивлением и дискомфортом из-за невозможности эффективно взаимодействовать со своим новым окружением (Oberg, 1960; цит. по: Bochner, 1983: 168). Возникает так называемый **когнитивный диссонанс** (Leon Festinger) – неприятное ощущение, при котором личность начинает осознавать несоответствие между собственным поведением и поведением окружающих.

Проявляться состояние шока может по-разному: в общей тревожности, бессоннице, депрессии, преувеличенном внимании к бытовым повседневным вещам, в приступах апатии или агрессивности. Его интенсивность и длительность зависят, как отмечается в разных источниках, от личностных качеств индивида (например, экстраверт адаптируется легче, чем интраверт), ситуативных факторов, степени различий между контактирующими культурами, от предварительной подготовки к пребыванию в другой стране.

В контексте первых разработок теории межкультурной адаптации (60 – 70-е годы) культурный шок рассматривался только с негативной стороны, как болезненное состояние человека. Позднее (с 80-х годов) клинический акцент сменился на позитивный подход, суть которого – в восприятии шока аккультурации не как неизбежного зла, а как источника для личностного роста, расширения ценностной и поведенческой палитры и повышения способности к адаптации в новых ситуациях (ср.: Triandis, 1994). Согласно позитивной концепции, культурный шок должен оцениваться как нормальная реакция, как часть обычного процесса аккультурации. Более того, эмпирическая очевидность показывает, что пережившие культурный стресс в дальнейшем эффективнее взаимодействуют с новым окружением, чем те, кто, казалось бы, избежал этого состояния (Kim, 1988: 57; Kealey, 1989).

По аналогии с культурным шоком в некоторых публикациях анализируется **лингвистический шок** (напр., Белянин, 1995). В этом случае речь идёт о сиюминутной, кратковременной реакции на языковое явление, вызывающее у одного из партнёров по межкультурному общению удивление, смущение и даже смех. Коммуникация между представителями двух или более культур осуществляется всегда либо на языке

одного из коммуникантов, либо на языке-посреднике (*lingua franca*). В этом случае эффект неадекватного восприятия языкового факта возникает всякий раз, когда нейтральное по значению слово иностранного языка омонимично слову родного языка, имеющему другое (например, неприличное или комическое) значение.

Способность к адаптации рассматривается исследователями как одна из составляющих межкультурной компетентности личности. Под этим понимается комплекс социальных навыков и способностей, при помощи которых человек успешно осуществляет общение с партнёрами из других культур как в бытовом, так и профессиональном контексте (Рот, Коптельцева, 2001: 17*). В работах, посвящённых этому аспекту, на основе эмпирических данных выделяются некоторые факторы, способствующие или затрудняющие процесс аккультурации. К чертам характера, облегчающим приспособление к новым культурным условиям, относят: терпимость к (неоднозначным) межкультурным ситуациям (*Ambiguitätstoleranz*), открытость, экстравертность, способность к эмпатии, любознательность, самокритичность. Негативно влияют на адаптацию негибкость характера (ригидность), несамостоятельность, преклонение перед авторитетами (ср.: *Moosmüller*, 1996: 281).

Результаты некоторых исследований свидетельствуют также о том, что чем легче и успешнее человек проходит стадию аккультурации, тем лучше его достижения в профессиональной сфере (*Cui, Awa*, 1992). Названные авторы наблюдали процесс межкультурной адаптации 74 американских менеджеров, работавших в Китае. При этом в качестве моментов, оказывающих положительное влияние на вхождение в чужую культуру и, соответственно, на эффективность трудовой деятельности были выделены следующие: присутствие семьи менеджера, наличие опыта зарубежной работы, прохождение предварительного межкультурного обучения. Менее успешно адаптировались американцы либо не состоящие в браке, либо оставившие свои семьи в США, не имеющие опыта работы в другой культуре и не прошедшие подготовительных межкультурных тренингов.

Межкультурное обучение, направленное на формирование межкультурной компетентности, считается одним из главных способов подготовки к встрече с чужой культурой.

* По: *Dinges*, 1983; *Martin*, 1993; *Moosmüller*, 1996.

В связи с тем, что каждая культура имеет свой облик и комплекс дистинктивных (дифференциальных) признаков возникает закономерный вопрос: можно ли говорить об универсальной системе межкультурного обучения, способствующего адаптационному процессу в той или иной конкретной культуре? По мнению исследователей, поразительное сходство многих проявлений аккультурации в условиях разной культурной специфики позволяет выделять общие подходы и методы для формирования основ межкультурной компетентности*.

Итак, в основе межкультурной адаптации лежит коммуникативный процесс. Как собственная культура познаётся в процессе инкультурации через взаимодействие с членами своего культурного окружения, так и конструктивное освоение новой действительности происходит в результате активного общения с носителями чужой культуры.

2.3.4. Теория ценностных ориентаций Ф. Клакхона и Ф. Стробека

Как уже упоминалось выше, принципиальное значение для обоснования идей МКК имеет теория ценностных ориентаций американских культурантропологов Ф. Клакхона и Ф. Стробека (*Kluckhohn, Strodtbeck, 1961*). Авторы теории определили **ценностные ориентации** как «сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем» (цит. по: Лебедева, 1999: 129).

Проанализировав значительное число культур, Ф. Клакхон и Ф. Стробек сформулировали три исходных тезиса своей концепции:

1. Существует лишь ограниченное количество общечеловеческих проблем, решением которых вынуждены заниматься люди всех времен и народов.
2. Решение каждой проблемы возможно только на основе небольшого набора вариантов.
3. Каждое общество отдаёт предпочтение своему варианту решения, определяя этим культурно-специфичную иерархию ценностей, несмо-

* Одной из самых известных и популярных моделей межкультурного обучения считается модель Милтона Беннета (*Bennet, 1986*). Модель содержит шесть ступеней обучения, отражающих процесс продвижения обучающихся от этноцентрических взглядов (первые три ступени) к этнорелятивистским позициям (последние три ступени).

тря на то что сумма всех потенциально возможных решений доступна каждой культуре.

На основе этих предположений американские исследователи выделили пять фундаментальных проблем-вопросов, на которые ищет ответы любая культура, выбирая тем самым собственные ценностные ориентиры: 1. В чём сущность природы человека? (*human nature orientation*). 2. Каковы отношения между человеком и окружающей средой? (*man-nature orientation*). 3. Что значит время в жизни человека? (*time orientation*). 4. Какова направленность человеческой деятельности? (*activity orientation*). 5. Какие отношения связывают людей между собой? (*relational orientation*).

Каждый из пяти блоков проблем оперирует, по Клакхону и Стродбеку, тремя основными категориями: хорошо, плохо, нейтрально. Это наглядно отражено в табл. 1.

Представленные в таблице ценностные ориентации не существуют отдельно, каждая сама по себе, а являют собой комплекс взаимозависимых компонентов, определяющий ценностную иерархию каждой культуры.

Перейдём к раскрытию содержания сформулированных американскими учёными проблемных вопросов.

Природа человека допускает три варианта: считается, что люди могут быть добрыми, злыми (скверными, порочными) или представлять

Таблица 1

Ориентации	Варианты					
	Человек – источник зла		Человек нейтрален	Человек – это смесь доброго и злого	Человек изначально положитель	
Человеческая природа	Способен измениться	Не способен к изменениям	Способен измениться	Не способен к изменениям	Способен измениться	Не способен к изменениям
Отношения: человек – окружающий мир	Человек подчинен природе		Гармония с природой		Человек – хозяин природы	
Время	Ориентация на прошлое		Ориентация на настоящее		Ориентация на будущее	
Деятельность	Направленность на бытие		Направленность на внутренний рост		Направленность на активное созидание	
Взаимоотношения между людьми	Линейность/авторитарность		Коллатеральность (социальная направленность)		Индивидуализм	

смесь доброго и злого. Это деление, однако, небезоговорочно, поскольку люди характеризуются не только как хорошие или как скверные, но и по их способности изменяться в ту или иную сторону. В связи с этим авторы теории выделяют шесть возможных основ человеческой сущности: 1. Люди злы (порочны), но подвержены изменению. 2. Люди злы и не поддаются изменению. 3. Люди ведут себя нейтрально по отношению как к добру, так и ко злу. 4. Люди представляют собой смесь доброго и скверного. 5. Люди добры, но могут измениться. 6. Люди добры и не склонны к изменению в худшую сторону.

Согласно такому подходу, несмотря на его абстрактность и обобщённость, можно прогнозировать соответствующие стратегии поведения в ходе взаимодействия представителей разных культур и пытаться выработать приемлемые решения для плодотворного, неконфликтного сотрудничества. Например, руководство фирмы, имеющей филиал в другой стране, будет планировать там свою деятельность в зависимости от преобладающих человеческих качеств работников. Так, акцент будет делаться либо на жёсткий контроль за выполняемой работой, либо на свободу личности и ответственность, либо на обучение и развитие персонала и т.д.

В отношениях к окружающей среде (к природе) Клакхон и Стродбек выделяют три основные, известные ещё из истории философии, вариации: подчинение природе, гармония с природой и покорение природы. Тип отношений, когда человек слепо покоряется природе, характерен, по мнению авторов, для испано-американской культуры (Юго-Запад США). Господство природной стихии, беззащитность перед болезнями и смертью воспринимаются там как неизбежные факты существования. Подобная ориентация доминирует и сегодня в культурах с преимущественно сельскохозяйственным укладом жизни.

Примером гармоничных форм отношений – человек – природа – являются традиционные культуры Китая и Японии, где отсутствует противопоставление между человеческой жизнью и миром природы. Присущие японцам чувство общности с природой, культ обожествления природы имеют глубокие корни.

В промышленных странах Европы и в США преобладает подход на завоевание природных сил, которые должны быть подчинены человеку и служить ему. С этой точки зрения покорение рек, гор, борьба с болезнями, продление жизни являются доступными людям деяниями.

Категория времени и временная ориентация народов и культур являются, по мнению Ф. Клакхона и Ф. Стродбека, одним из ключевых

вопросов человеческого бытия. Согласно их концепции, временная макроперспектива заключается в ориентации культур на прошлое, настоящее или будущее. Авторы теории подчёркивают, что в реальности все страны и народы живут, постоянно сталкиваясь с этими тремя временными направлениями. Однако в каждой культуре один тип времени доминирует над остальными, только одна ориентация во времени занимает верхний ранг в ценностной иерархии. Культуры с преимущественной ориентацией на прошлое высоко ценят традиции, уважают семейные связи, чтят предков, как, например, китайцы и японцы. Большинство европейских стран, прежде всего Великобритания, также придают прошлому большое значение, бережно относятся к истории. В противоположность этому ориентированные на будущее культуры имеют «короткую» историческую память. В таких обществах, к ним прежде всего причисляют США, высоко ценят изменения, прогресс, а прошлое воспринимают как устаревшее и отсталое. Культурные системы, ориентированные на настоящее, обращают сравнительно мало внимания на прошлое и на то, что может произойти в будущем. Так, например, испанцы в США, страны Латинской Америки и Африки живут по принципу «здесь и сейчас».

Человеческая деятельность рассматривается американскими культурными антропологами в контексте трёх её основных ориентаций: бытие (*being*), становление или внутренний рост (*being-in-becoming*), делание или активное созидание (*doing*).

Направленность на бытие проявляется в спонтанном выражении того, что заложено в каждой личности. Развитие здесь вряд ли будет иметь место. Достаточным является уже просто само существование. Смысл жизни при таком подходе не зависит от свершённых дел. В качестве примера исследователи ссылаются на Мексику.

Ориентация на становление содержит в себе компоненты развития, но в основном это касается цельных, собранных личностей. Внутренний рост при таком варианте считается главным предназначением человека. Образцом могут служить монахи западного типа с их стремлением к духовной гармонии в постоянном общении с Богом и пренебрежением материальных благ.

Доминантно западной направленностью является активное созидание. Оно занимает одно из первых мест в ценностной иерархии культуры США, согласно принципам которой деятельность человека должна быть очевидной и измеряемой. В рамках данной ориентации развивает-

ся тенденция соперничества, соревновательной борьбы. Приоритеты в выборе видов человеческой деятельности представителей разных культур обуславливают и различия в их поведении и отношении к работе. Большинство европейцев и американцев, которым свойственно заниматься активным созиданием, не боятся лично взяться за дело в случае возникшей необходимости.

Однако существует целый ряд обществ, в которых физическая деятельность считается показателем низкого статуса. Личность, занимающая высокую социальную позицию, потеряла бы свой статус, своё «лицо», непосредственно подключившись к работе. Прежде всего это касается стран Азии, где богатство и бедность измеряются, в первую очередь, возможностью заставить трудиться на себя других (*Weggel*, 1989).

Значительные культурно-специфические различия в поведении, подтверждающие теорию ценностных ориентаций, выявлены между мексиканцами, направленными на бытие, и американцами, очевидными «деятелями». При возникших проблемах в отношениях среда – человек мексиканцы скорее изменят свои действия, а американцы попытаются изменить среду. При этом американцы будут стараться справиться сами, а мексиканцы обратятся за помощью к другим (Лебедева, 1999: 130).

В структуре социальных отношений Ф. Клакхон и Ф. Стродбек выделяют три варианта, на основе которых люди могут строить свои отношения с другими людьми: линейность/ авторитарность, коллатеральность/социальная направленность, индивидуализм. Примером линейной ориентации может служить английская аристократия. Суть подобных отношений заключается в социально-биологической данности структур, таких как семья, клан, род, поколение, и в их непрерывности, постоянстве. Родившиеся лидерами, правящими должны сохранить своё положение. При коллатеральном принципе поддержания отношений люди чувствуют себя погруженными в многочисленные социальные связи и системы. Групповые интересы превалируют над личностными. Цель таких отношений – не поддержание родословных преимуществ, а комфортное существование в группе, её распространение и увеличение. Такова направленность социальных отношений у индейцев, в японских фирмах, где идентификация с группой, коллективом ценится превыше всего. Индивидуалистическая направленность как форма ценностной ориентации типична для промышленных стран. Доминантой такого рода отношений является автономность личности, независимость от группы, приоритет индивидуальных целей над групповыми интересами.

Несовпадение ценностных стратегий, определяющих отношения человека с социумом, стимулирует в процессах межкультурного взаимодействия конфликтные ситуации, вызывает недоумение. Например, менеджер американской торговой фирмы, работающий в её японском филиале, с целью мотивации японских сотрудников обещал наградить наиболее успешного из них семейной путёвкой за границу. К его большому удивлению данное вознаграждение не заинтересовало работников филиала. Причина возникшего недоразумения объясняется разницей направленности социальных отношений в двух культурах. С точки зрения американского индивидуализма, каждый служащий работает прежде всего на собственный успех. Подобный стимул руководства в американском обществе был бы воспринят адекватно. В противоположность этому в японской культуре очень сильно стремление к групповой идентификации. (Известная японская пословица: «Вылезший гвоздь следует забить»). Чтобы добиться желаемой производительности, менеджер должен был предложить вознаграждение всему отделению японской фирмы. Боязнь потерять своё лицо как члена коллектива более всего стимулировала бы сотрудников на достижение наилучшего результата (ср.: *Knapp*, 1998).

Краткий обзор теории ценностных ориентаций американских культурантропологов Ф. Клакхона и Ф. Стробека позволяет говорить о её значимости и актуальности для межкультурных сравнений и анализа процессов межкультурного общения. Безусловно, разработанная исследователями культурная модель не является исчерпывающей, поскольку любая попытка категоризовать и систематизировать ценностные установки является весьма сложной задачей. Кроме того, очевидно, что положения этой теории имеют относительный и несколько абстрактный характер. Современные исследования показывают, например, что многие культуры имеют двойственную временную ориентацию. Выделение параметров культурной специфики и их сравнение представляется более обоснованным только на конкретной паре или группе культур. Тогда можно делать выводы о степени выраженности в определённой культуре той или иной ценностной ориентации. Однако, несмотря на некоторую гипотетичность и обобщённость модели Клакхона и Стробека, она предлагает основу для осмысления культурных различий, возможность понимания того, как вообще происходит пересечение разных культурных кодов.

2.4. Макрокатегории культурно-коммуникативной вариативности

Очевидно, что при межкультурной коммуникации взаимодействие «отягощено» национально-детерминированной спецификой личностей коммуникантов. Кроме того, в таком типе общения начинает работать принцип разграничения «свой – чужой», особенно ярко проявляющийся в коммуникативном стиле общающихся. Вспомним пример Э. Сепира: «Он говорит, как мы, – значит, он наш» (Сепир, 1993: 232). При этом сам факт того, что наш инокультурный визави говорит и ведёт себя не так, как мы, использует другую манеру, другой стиль взаимодействия, опосредован базовыми для каждой культуры характеристиками, образующими «в своей структурированной общности специфический профиль одной отдельно взятой культуры» (Халеева, 1999: 10). В научной литературе, посвящённой исследованию культурно-коммуникативной вариативности, рассматриваются различные систематизации культурных переменных, обуславливающих своеобразие коммуникативных процессов в разных лингвокультурах. Под культурными переменными в общем понимаются аспекты культуры, которые можно соотнести (сравнить) с подобными в других культурах. Так, известный немецкий психолог А. Томас (Thomas, 2003а: 22) выделяет в качестве таковых «культурные стандарты», образующие в своём единстве типичную для культурного сообщества систему ориентации, позволяющую носителям языка и культуры осуществлять адекватную повседневную и институциональную коммуникацию на основе традиционных специфических символов (языка, жестикуляции, мимики, одежды, разнообразных ритуалов и т.д.).

В концепции Ю.С. Степанова определённый облик культуры формирует совокупность культурных доминант как наиболее значимых для данной культуры смыслов, поддерживаемых и сохраняемых в языке. Отечественный лингвист говорит в этом случае о «константах культуры» (см. Степанов, 1997). С точки зрения лингвистического же подхода разработана аналитическая матрица культурных компонентов немецкого исследователя Б. Мюллера-Жаке (Müller-Jacquier, 1999), включающая 10 составляющих, значимых для ситуаций межкультурного общения: социальные значения лексических единиц, речевые действия, конвенции дискурсивной организации, темы, прямой/непрямой речевой стиль, регистры коммуникации, паравербальные и невербальные

факторы, культурно-специфические ценности и установки, культурно-специфические действия.

Американский учёный Р. Льюис дифференцирует культуры по трём основным типам: монокультурные, поликультурные и реактивные, каждый из которых отличается особыми чертами и, соответственно, влияет на коммуникативное поведение представителей этих культур (см. Льюис, 1999). В классификации Г. Малетцке представлены десять релевантных «структурных признаков», имеющих значение для «оформления» межкультурного коммуникативного взаимодействия (Maletzke, 1996: 42). В терминологии американского исследователя Триандиса речь идёт о «культурных синдромах» как определённом наборе ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна культурная группа отличается от другой (Triandis, 1994).

Анализ вышеперечисленных и некоторых других таксономий культурных измерений (см., напр., Кон, 1979; Berry et al., 1992; Trompenaars, 1993; Stephan, Stephan, 1996) показывает, что большинство из них основывается на подходах, разработанных американским культурантропологом Э. Холлом (Hall, 1959; 1968; 1997) и голландским социологом Г. Хофстеде (Hofstede, 1980; 1993) на основе привлечения разнообразного теоретического и эмпирического опыта. Не потерявшие и сегодня своей актуальности, концепции названных учёных являются ключевыми в современной парадигме науки о межкультурной коммуникации*. В связи с этим представим кратко основные положения теории «культурной грамматики» Э. Холла и результаты сравнительно-культурного исследования Г. Хофстеде, привлекая к анализу выводы и других исследователей.

2.4.1. Коммуникативная модель культуры Э. Холла

Согласно коммуникативной модели культуры Э. Холла, специфичность последней опосредована основными параметрами или первичными информационными системами (*Primary Message Systems*)**, являющимися своего рода системами информации:

- общение;
- социальная организация людей (включая иерархию отношений);

* Основные положения данных теорий см. подробнее: Куликова, 2004.

** Англ. 10 *Primary Message Systems*: 1. *interaction*, 2. *association*, 3. *subsistence*, 4. *bisexuality*, 5. *territoriality*, 6. *temporality*, 7. *learning*, 8. *play*, 9. *defense*, 10. *exploitation* (Hall, 1959, 95).

- обеспечение условий жизни (от удовлетворения первичных потребностей до экономического устройства целого государства);
- сексуальные отношения (гендерные роли);
- отношение к пространству (территориальность);
- представления о времени (темпоральность);
- учеба (обучение – передача знаний);
- игра;
- защита (способы и умения защиты своей группы);
- использование материальных ресурсов (артефактов).

Из десяти перечисленных категорий только первая включает в себя вербальную коммуникацию (язык), все остальные являются формами невербальной коммуникации. Признавая язык важнейшим средством общения, Холл тем не менее считал, что 90 % всей информации передается невербально. Обозначив десять параметров культурной модели, американский исследователь разрабатывал в основном четыре из них:

- время (представления о времени);
- пространство (отношение к пространству);
- иерархия социальных отношений;
- общение.

Каждая культура, по Холлу, имеет свой «язык» времени: «Время говорит. Оно говорит проще слов. Смысл, который оно передаёт, проявляется громко и ясно. Так как временем манипулируют менее осознанно, оно подвергается меньшему искажению, чем разговорный язык. Оно может кричать о правде там, где слова лгут» (Hall, 1973: 1). Причиной недоразумений в межкультурном общении часто является перенесение своего понимания времени на отношение к нему представителей других культурных групп. В понятийно-семантический «инвентарь» времени как культурно обусловленной категории входят такие важные составляющие, как жизненный ритм культуры, планирование, временная перспектива и деление времени.

Ритм, который определяется им как основной элемент жизни, либо объединяет людей, либо изолирует их. Это связано с тем, что в одних культурах ритм жизни достаточно высокий, в других, наоборот, медленный. Представители разных культур с различными жизненными ритмами с трудом приспосабливаются друг к другу. Холл приводит примеры «асинхронного» взаимодействия представителей немецкой, японской и французской сторон, имеющих разные ритмы жизни и испытывающих в связи с этим определенное чувство непонимания и дискомфорта при

общении. Стремление организовывать деятельность в едином ритме является важной предпосылкой успешного межкультурного сотрудничества, идет ли речь о проведении конференции, совместном управлении предприятием, обслуживании технических установок или коммерческих сделках.

В современной промышленной цивилизации с достаточно скоростным ритмом жизни в большинстве стран, особенно в больших городах, *планирование времени* является основой всей деятельности. Планирование определяет приоритеты, связывает, интегрирует события, их первоочередность и значимость. В немецкой культуре, как подчеркивает Холл, принято строго придерживаться составленных планов. Изменения, особенно внезапные, вносят хаос и вызывают отрицательную реакцию. Календарный план (*Terminplan*) для немецких менеджеров представляет собой своего рода «священную корову». Подобное жесткое планирование времени свойственно, по мнению Холла, большинству культур западного мира.

Культурные различия в представлениях людей о времени проявляются также в их отношении к пунктуальности. Во многих странах пунктуальности придается большое значение, например в странах Западной Европы, особенно в Германии, также в Северной Америке. Своевременное появление ожидается, согласно договоренности, к назначенному времени. Типичным для этих стран является существование так называемой градации опозданий и подходящая форма извинений для каждой ее ступени. Соответственно, специфика представления о пунктуальности в разных лингвокультурах проявляется на уровне лексических, фразеологических, паремиологических единиц (см., напр., Зубкова, 2003). Однако само по себе опоздание в разных культурах воспринимается неоднозначно. В Латинской Америке, Южной Европе и на Ближнем Востоке пунктуальность скорее считается исключением, чем правилом. Опоздание на 45 минут не представляется странным, и, соответственно, ему придается совсем не такое значение, как, например, в Германии. Японцы придерживаются пунктуальности только в отношениях с европейцами. Между собой этого правила чаще всего избегают.

В производственной сфере большую роль играет *предварительное время*, необходимое для урегулирования или достижения договоренностей. Так, Холл пишет, что в разных странах по-разному планируется количество времени, необходимое для подготовки какого-либо события, для написания доклада, своевременного определения даты заседа-

ния или отпуска и т. д. В некоторых культурах предварительный минимальный срок до назначения деловой встречи составляет две недели. В арабских странах этот срок значительно короче, поскольку за такой период сама дата встречи или события может быть забыта, здесь достаточно иметь в запасе два дня. Анализируя разницу длительности предварительного времени в Германии, Франции и Японии, исследователь делает вывод о том, что в немецкой культуре оно самое длительное. При этом подчеркивается зависимость этого времени от значительности мероприятия и от статуса участвующих сторон. Здесь предварительное время можно расценивать как индикатор. Оно тем короче, чем важнее событие и выше ранг встречающихся. В отличие от немцев, французы, японцы не так строги в регламенте и договоренностях. Они скорее будут независимо от предварительного плана посвящать себя той проблеме или тем людям, которые находятся перед ними здесь и сейчас.

Скрытым сигналом, несущим в себе определенную информацию, считается в некоторых культурах *время ожидания*. В Германии обычно не принято ждать, например, в приемной. Если такое случается, это интерпретируется как знак неуважения или плохой организации дела. В связи с межкультурными контактами Холл подчеркивает, что данное проявление темпоральности не следует оценивать в соответствии с собственным, принятым в родной культуре представлением о времени, поскольку это прямой путь к недоразумению, так называемому «конфликту» культур. Время ожидания в разных культурах имеет свои границы. В некоторых речь чаще всего идет не о желании обидеть гостя, а скорее о существующих в той или иной стране правилах, нормах. Так, в Латинской Америке, на Ближнем Востоке ожидание иногда затягивается на целый день или даже на неделю. Однако это не имеет значения экстраординарного события, имеющего какой-либо скрытый подтекст, например, негативное отношение к партнерам. Возможно, хозяева просто заняты очень срочным на данный момент делом или их отвлекают семейные обстоятельства, и это считается более важным, чем соблюдение договоренности (и вынужденное ожидание партнерами).

Многочисленные наблюдения восприятия времени в различных культурах позволили Холлу выделить еще один существенный аспект темпоральности: *временная перспектива*. Согласно выводу американского антрополога, разные страны имеют различающиеся временные перспективы, ориентированные на прошлое, настоящее или будущее. Так, он относит страны Ближнего и Дальнего Востока к культурам с

ориентацией в прошлое; латиноамериканские страны определяются им как ориентированные частично на прошлое, но и на настоящее; в США преобладают перспективы настоящего и близкого будущего. В Федеративной Республике Германия большое внимание уделяется прошлому – не случайно многие публикации и выступления предваряются историческими экскурсами.

Основополагающим выводом Холла о концептуальном различии использования времени в разных лингвокультурах является его вывод о существовании, несмотря на большую вариативность, двух основных способов *деления времени* и, соответственно, двух типов систем времени. Культуры, в которых люди обычно концентрируются на выполнении только одного дела в один отрезок времени, Холл называет монохронными. Тенденция выполнять несколько дел одновременно свойственна культурам с полихронной системой времени. Данная микроперспектива культурно обусловленного отношения ко времени рассматривается как одна из существеннейших составляющих культурной теории Холла и давно стала стандартным репертуаром всех учебников и монографий по межкультурной коммуникации. Монохронная система времени типична для большинства промышленных западных стран. Такая система господствует в Германии, в США. К типичным «полихронным» культурам относятся страны Латинской Америки, Ближнего Востока и государства Средиземноморья.

В приведенной далее таблице (табл. 2) систематизированы основные тенденции в поведении людей, относящихся к культурам с разными способами деления времени.

Темпоральность как категория, детерминированная культурой, рассматривалась американским культурантропологом в тесной связи с двумя другими выделенными им первичными информационными системами, а именно – общением и организацией социальных отношений. Анализ общения и поведения людей из разных систем времени привел его к выводу о наличии как минимум двух вариантов коммуникативных стратегий, то есть способов обмена информацией между людьми. По Холлу, все культуры подразделяются на культуры с низким контекстом и культуры с высоким контекстом* согласно разнице в степени информированности участников коммуникации.

* Американский термин «контекст» определяется в немецкой теории МКК как «плотность информационных сетей» (*Dichte der Informationsnetze*).

Таблица 2

«Монохронное» поведение	«Полихронное» поведение
Очередность выполнения дел (одно дело делается за другим)	Одновременность выполнения дел (несколько дел выполняются одновременно)
Сосредоточенность на одном деле	Допустимость отвлечения от дела, его прерывания
Идентификация с выполняемым поручением	Идентификация с семьёй, друзьями, родственниками
Обязательность выполнения планов	Необязательность соблюдения договоренностей
Пунктуальность как норма поведения	Непунктуальность как норма деятельности
Вовлеченность в дело, приоритет обязательств	Растворяемость в межличностных отношениях, предпочтение интересов родственников и друзей
Восприятие времени как материальной ценности	Отношение ко времени нематериально, как к вечно существующей данности

В высококонтекстных культурах (*high-context-culture*) людям необходимо лишь незначительное количество дополнительной информации, для того чтобы хорошо понимать происходящее и ориентироваться в событиях, так как плотность существующих здесь неформальных информационных сетей позволяет им практически всегда быть информированными. Под высокой плотностью информационных сетей подразумевается постоянное тесное общение между членами семьи, родственниками, друзьями, коллегами и т. д., что даёт возможность людям в этих культурах «аккумулировать» большое количество информации. Высокая зависимость коммуникации от контекста, характерная для многих восточных культур, а также для Франции, Испании, Италии, сосуществует с полихронным типом использования времени. В противоположность высококонтекстным культурам в культурах с низким контекстом (*low-context-culture*) роль неформальных сетей информации невелика, поскольку представители таких культур достаточно жестко отделяют сферу своего личного мира от служебного и от других

аспектов повседневной жизни. Как следствие, они плохо или недостаточно информированы и часто нуждаются в детальной дополнительной информации, приступая к новому. К низкоконтекстным Холл относит прежде всего Германию. Культура Северной Америки сочетает в себе, по его мнению, средний и низкий контексты. В странах со слабой сетью информационных сетей преобладает монокронное деление времени.

Общение, организация совместной деятельности между представителями этих двух типов культур могут оказаться достаточно проблематичными. В связи с этим к одной из важных коммуникативных стратегий Холл относит умение адекватно «дозировать» информацию, учитывая специфику той страны и культуры, которая является партнером по сотрудничеству.

Значительное место в концепции «культурной грамматики» Э. Холла занимает разработка категории пространства. Американский культуролог является основоположником специальной дисциплины – проксемики, изучающей роль пространства в коммуникативном поведении человека.

Согласно концепции Холла можно определить, по меньшей мере, четыре аспекта использования людьми пространства, и это использование варьируется от культуры к культуре: личное пространство; ориентация в пространстве; межличностная дистанция; организация пространства.

Каждому человеку необходимы собственные, в зависимости от ситуации изменяющиеся границы, сохраняющие его личное пространство. Вторжение в личную зону воспринимается, как правило, негативно. Не случайно известная английская поговорка утверждает: «Мой дом – моя крепость». Американцы используют двери как сигнал своей доступности или потребности к уединению. Открытые двери являются знаком расположенности к общению; закрытые, соответственно, указывают на желаемую дистанцированность. Приватный объем пространства обретается не только отдельными лицами, но и группами людей. В США считается неукоснительным правилом соблюдение невидимой границы вокруг двоих или троих беседующих людей. Небольшая дистанция, отделяющая их от остальных, служит своего рода защитой их личностной сферы.

По мнению многих исследователей (Maletzke, 1996; Bausinger, 2002; Hall, 1985), немцы воспринимают личное пространство как продолжение своего Эго, а Эго у немцев очень чувствительно, поэтому они всеми средствами стремятся оградить свою персональную территорию. Иллю-

стрируя это утверждение, исследователь приводит следующий пример. Во время Второй мировой войны немецких военнопленных расселяли в лагере по четыре человека в камере. При малейшей возможности, используя любой подручный материал, каждый из них пытался отгородить свое пространство. В немецких бюро двери, как правило, закрыты, что свидетельствует о стремлении к приватности и желании работать без помех. Открытые двери, по мнению Холла, действуют на немцев как признак халатности и беспорядка. Вообще, как обобщает учёный, в северо-европейских культурах, которым присущи невысокая плотность информационных сетей (низкий контекст) и слабые связи между людьми, каждый человек бытует как бы в «воздушном шаре», объём и стенки которого оберегают физическую и социальную территорию личности.

Интересным примером в этой же связи является актуализация концепта «Пространство» в аутентичном письме немецкого жителя, обращающегося к своему соседу по дому с претензией по поводу нарушения пространственных отношений и возникшего на этой основе имущественного ущерба:

Xaver Oberhueber, Am Feld I a, Postfach 1109, 8399 Schimpflingsöd
Herrn Dipl. Volkswirt
Dr. Joseph Schönleitner
und Frau Am Feld I b
8399 Schimpflingsöd

15. September 1989

Feuchtigkeitsschaden an der Mauer meines Freisitzes

Sehr geehrte Frau Schönleitner,
sehr geehrter Herr Dr. Schönleitner,

als ich seinerzeit gegen die Erdaufschüttung an der Mauer der Ostseite meines überdachten Freisitzes aus nachbarschaftlichen Gründen keinen Einwand erhob, machte ich dies davon abhängig, daß die Abstützung des Hanges so fachgerecht durchgeführt wird, daß die Mauer meines Freisitzes weder durch Erddruck, noch durch Feuchtigkeit Schaden erleidet – eigentlich eine Selbstverständlichkeit.

Da sich bereits eine Durchfeuchtung der Mauer zeigt, stellte ich bei der Besichtigung, die Sie mir freundlicherweise am 31. Juli 1989 ermöglichten, die nachstehend aufgeführten Mängel fest. Außerdem wurde durch das Landratsamt Ellmosen eine Ortsbesichtigung durchgeführt.

1., Der Sockel, mit dem die Palisaden gehalten werden sollen, ist ohne jegliche Isolierung zu meiner Mauer, betoniert worden. Dabei wurde die Mauer meines Freisitzes unzulässigerweise und unsachgemäß als Schalung benutzt. Nicht einmal Dachpappe und Styropor wurde dazwischen gelegt. Dies bewirkt, daß das Gasbeton-Mauerwerk bereits durchfeuchtet ist. Dies ist bereits eine Sachbeschädigung. Außerdem ist abzusehen, daß dieses Gasbeton-Mauerwerk durch die Durchfeuchtung und das anschließende Ausfrieren im Winter in relativ kurzer Zeit zerstört wird.

2., Der Raum zwischen Mauerwerk und Palisaden ist so eng und teilweise mit Schutt angefüllt, daß eine Reinigung und Lüftung nicht möglich ist.

3., Der Hangdruck ist nicht durch entsprechende Verankerung abgesichert. Die Pfähle sind lediglich frei stehend in den Betonsockel gesetzt.

In Anlehnung an § 1004 BGB – Abwehransprüche des Eigentümers – ersuche ich Sie, bei Ihrem Bauträger zu veranlassen:

zu Punkt 1) Der beanstandete Betonsockel ist von der Mauer meines Anbaues so zu trennen, daß eine fachgerechte Isolierung der Mauer möglich ist.

zu Punkt 2) Der Raum zwischen Mauerwerk und Palisaden ist so zu vergrößern, daß eine Reinigung dieses Zwischenraumes möglich ist.

zu Punkt 3) Der Hangdruck ist entsprechend abzusichern.

Das Hangwasser ist durch Anbringen einer Drainage abzuleiten.

Diese Arbeiten sollten noch vor Winter-Einbruch durchgeführt sein. Sollte mein heutiges Ersuchen nicht zu einer Behebung der oben bezeichneten Mängel führen, sehe ich mich leider veranlaßt, dies auf dem Rechtsweg zu erwirken.

Ich möchte meinen Brief mit der Zusicherung schließen, daß ich, wie eingangs erwähnt, aus nachbarschaftlichen Gründen nach wie vor keine Einwände gegen die volle Nutzung Ihres Gartens durch eine Anschüttung habe, sofern die Stützmauer fachgerecht so ausgeführt wird, daß das Mauerwerk meines Freisitzes weder durch Feuchtigkeit noch durch Hangdruck Schaden erleidet.

Mit freundlichen Grüßen

Xaver Oberhueber (Xaver Oberhueber)

В письме иллюстрируются различные аспекты немецкого восприятия собственного пространства, воплощённого здесь на примере отношения к своему дому и окружающей его территории. Эксплицитными сигналами концептуализации пространственных отношений пишущим являются дейктические элементы («...meines Freisitzes», ««...meines überdachten Freisitzes», «...meines Anbaues»), лексические единицы тематического поля «пространство» (die Mauer, Isolierung zu meiner Mauer, der Raum zwischen Mauerwerk und Palisaden, eng, des Anbaues,

Ihres Gartens, das Mauerwerk meines Freisitzes, des Zwischenraumes, aus nachbarschaftlichen Gründen), неоднократное повторение лексемы «стена». Детальное описание предыстории событий и наступивших последствий можно рассматривать как имплицитную коммуникативную стратегию, передающую чувства обеспокоенности и возмущения хозяина дома по поводу нарушения его пространственных границ.

Своеобразные представления о пространстве имеют жители Средиземноморья. Представители этих культур живут намного плотнее друг к другу, чем в странах Северной Европы и в США. Это можно наблюдать в жилых кварталах, в переполненных автобусах, станциях метро, кафе и других людных местах. Разумеется, подчеркивает Холл, исключения составляют дворцы и виллы богатых.

Культурно-специфические различия проявляются также в способности людей ориентироваться в пространстве. В качестве примера чуждого американцам типа пространственного ориентирования Холл описывает способность эскимосов находить дорогу на огромной заснеженной территории, где, как кажется иностранцам, нет ни малейших опознавательных пунктов. Однако у эскимосов существует определенный набор природных знаков, помогающих им не сбиваться с пути. Это касается прежде всего качества ветра, для обозначения которого у них имеется как минимум двенадцать понятий, включая его направление, запах и т.д.

Согласно теории проксемики, в разных культурах по-разному структурируется и пространство межличностного взаимодействия. Это проявляется как в символике «языка тела» (жесты, прикосновения), паравербально (громкость речи, паузы), так и в способах персонализации пространства. Э. Холл выделяет четыре дистанционные зоны, подразумеваемая под этим дистанцию в общении по отношению к другому человеку или группе лиц:

- интимная дистанция (от полуметра до непосредственного телесного контакта);
- зона личного общения (до одного метра); это расстояние позволяет обмениваться рукопожатием, похлопывать друг друга по плечу;
- социальная дистанция (от двух до трёх метров), характерная для ведения деловых разговоров;
- зона публичного общения (более трёх метров), типичная для ситуации общения в режиме оратор – публика.

Эти дистанции можно соотнести с пятью стилями общения – интимным, непринуждённым, консультативным, формальным и ледяным (Joos, 1962: 13).

Соблюдение дистанции межличностного общения естественно для большинства американцев, немцев и англичан. Однако латиноамериканцы, греки, французы общаются, как правило, на более близком расстоянии. В связи с этим участники коммуникативного процесса, представляющие разные типы культур, часто безуспешно пытаются найти комфортную зону общения друг с другом. Чтобы избежать вторжения в своё личное пространство, собеседники из США в разговоре с латиноамериканцами нередко увеличивают дистанцию за счет любых вспомогательных средств, например письменного стола. Администрация одного из конных клубов в Сан-Паулу, где часто организуются различные приемы для представителей зарубежных фирм, была вынуждена после ряда несчастных случаев сделать выше перила террасы и укрепить их. Проблема возникла в связи с особенностями пространственной организации общения между бразильцами и американцами. Первые, стремясь к проявлению чувства близости, уместного для коммуникативного поведения в бразильской культуре, «наседали» на своих партнёров по разговору. Американцы же, согласно норме, принятой в американской культуре, пытались воспрепятствовать вторжению в свою «интимную дистанционную зону», постоянно отстраняясь от собеседника. В результате они опирались на перила и падали спиной вниз (ср.: Кнапп, 1988). Для описания подобных ситуаций в специальной литературе используется термин «латиноамериканский вальс» (Rumpel, 1988).

В азиатских культурах, а также в некоторых случаях, как замечает Холл, и на Западе регуляция межличностного пространства зависит от статусного уровня участников коммуникации. Подчёркивание своего более высокого социального положения проявляется в «соблюдении дистанции» по отношению к подчиненным или людям другого социального класса. Расстояние в общении между преподавателями и учениками, характерное для стран Азии, также значительно больше, чем в американских и европейских, поскольку учитель является представителем более высокой касты, и уважительность по отношению к нему выражается прежде всего в уважении его личного пространства.

Итак, согласно основным положениям концепции культурной грамматики Э. Холла все параметры культурных систем, включая темпоральный фактор, контекстность культуры, отношение к пространству,

специфичны, как и языки разных народов. В совокупности с вербальными способами каждый из этих элементов участвует в коммуникации, неся в себе разнообразную информацию.

2.4.2. Параметрическая модель культуры Г. Хофстеде

Существенным фактором, детерминирующим процессы межкультурной коммуникации, считается позиционирование культур в зависимости от их приближения или отдаления от полюсов четырёх континуумов, выделенных Г. Хофстеде на основе обширного экспериментального изучения производственно-ориентированных ценностных представлений сотрудников мультикультурной корпорации IBM более чем в 50 странах мира (Hofstede, 1997).

По результатам исследования Хофстеде разработал свою параметрическую модель, выделив четыре культурных измерения (параметра), значительным образом определяющих коммуникативное поведение людей в межкультурном общении. Таковыми являются дистанция власти, коллективизм/индивидуализм, терпимость к неопределенности и степень социальной дифференциации полов (в работе Г. Хофстеде этот параметр называется фемининность/маскулинность, в более поздних публикациях некоторые авторы определяют его как соревновательность).

Параметр «дистанция власти» отражает особенности отношения людей к неравенству в обществе, существующему в разной мере выраженности в каждой стране. Этот аспект культурных различий определяется Хофстеде как степень приемлемости подчинёнными неравномерного распределения власти в различных общественных структурах той или иной страны. Основными структурами общества считаются семья, школа, место работы и т. д. (ср.: Hofstede, 1997: 32). Дистанция власти – это своего рода эмоциональная дистанция, разделяющая нижестоящих и вышестоящих членов коллектива.

Согласно комментарию Г. Хофстеде, в странах с малой дистанцией власти степень зависимости подчинённых от управленческих кадров невелика. Предпочитается консультативный стиль общения, то есть принятие решений происходит, как правило, на консультативной основе, когда принимаются во внимание мнения сотрудников. В культурах такого типа нет большой эмоциональной дистанции между работниками и начальством, руководитель всегда доступен. Подчинённый вправе противоречить власти, не соглашаться с её мнением (там же: 32). К стра-

нам с небольшой дистанцией власти относятся Австрия (наименьший индекс), Швеция, Швейцария, Великобритания, Германия, Голландия, США. При этом следует отметить расхождения в величине индексного показателя между названными странами, что свидетельствует о некоторой разнице в восприятии общественного неравенства и в этих культурах. В странах с большой дистанцией власти констатируется высокая степень зависимости нижестоящих от власть имущих. Неравенство и ярко выраженная социальная иерархия считаются неотъемлемой частью общественного дискурса. Соответственно, эмоциональная дистанция между подчинёнными и облечёнными властью велика, принимается авторитарный или патриархальный стиль управления. Возражения или выражение недовольства своему начальству – явления практически исключённые. Культуры подобного типа – азиатские, арабские и африканские страны, большинство латиноамериканских стран, а также Франция, Греция и Испания в Европе.

Данная Хофстеде характеристика отношений в обществах с разной дистанцией власти представляет собой, по его мнению, конструкт идеального плана. Все примеры явно тяготеют к одной или другой крайности. В реальности большинство культур имеют особенности того и другого типа, находясь где-то в середине континуума.

Параметр индивидуализм/коллективизм выделяется Г. Хофстеде как второе глобальное измерение национальных культур. На основе собственных данных и исследований других авторов голландский социолог констатирует, что преобладающее число людей в мире живёт в обществах, в которых интересы группы ставятся выше интересов индивидуума. Такие общества определяются им как коллективистские. При этом Хофстеде подчёркивает, что данный термин не имеет в контексте культурных различий политических коннотаций, поскольку речь идёт не о государственной власти по отношению к личности, а о влиянии группы на личность. В культурах подобного типа человек с рождения интегрирован в замкнутые, устойчивые «мы-группы», которые поддерживают его в течение всей жизни в обмен на безоговорочную лояльность к группе.

Меньшая часть населения на планете живёт в так называемых индивидуалистских обществах, в которых цели и интересы индивида приоритетны по сравнению с целями и интересами группы. Для таких культур характерны свободные социальные связи. Нормой является забота каждого прежде всего о себе и своём непосредственном окружении.

Сравнив показатели двух культурных измерений (дистанция власти, индивидуализм/коллективизм), Хофстеде пришёл к выводу о том, что они находятся в обратной корреляции друг к другу. Это значит, что страны с большой дистанцией власти, как правило, представляют собой коллективистские культуры; и наоборот, страны с малой дистанцией власти являются в большей степени индивидуалистскими культурами.

Следующий обзор (см. табл. 3) представляет значимые различия в коммуникативном поведении представителей индивидуалистских и коллективистских культур, отражающие разные контексты взаимоотношений (ср.: Hofstede, 1997: 78–100).

На вербальном уровне оппозиция коллективизм/индивидуализм связана среди прочего с особенностями проявления стиля коммуникации в низко- и высококонтекстных лингвокультурах. Известные специалисты в области межкультурной коммуникации (Samovar, Porter, 1991: 152) отмечают в этой связи: «В низкоконтекстных культурах идеи идентифицируются с определёнными говорящими людьми, что позволяет различать говорящих по их способности влиять на других. В высококонтекстных культурах основной функцией идей является усиление социального равенства и минимизация значимости индивидуальности говорящего».

Третье культурное измерение своей параметрической модели Хофстеде определил как «маскулинность/фемининность». Этот аспект его классификации связан не с биологическими различиями между мужчинами и женщинами как абсолютной категорией, а соотносится с выполнением ими типичных для каждого общества социальных ролей. Соответственно, маскулинные, или «мужские», культуры характеризуются исследователем как общества с высокой степенью ролевой дифференциации полов, члены которого ориентированы на достижение успеха, конкуренцию, материальное благополучие. В фемининных, или «женских», культурах степень ролевой дифференциации полов выражена неярко. Основными ценностями являются семья, качество жизни, человеческие взаимоотношения (ср.: Hofstede, 1997: 110–113). Кратко можно сказать, что в рамках этого параметра речь идёт о желаемом в каждой культуре типе поведения: приоритетности уверенности и решительности или нерешительности и умеренности.

Возможность межкультурного недоразумения при встрече представителей разных видов культур Хофстеде описывает на примере общения голландских и американских служащих. Для первых (относящихся

Таблица 3

Коллективистские культуры	Индивидуалистские культуры
Большая семья и «мы-группы» как преобладающий тип социальных связей	Нуклеарная (малая) семья и собственное «Я» определяют тип социальных отношений
Явное противопоставление «мы – свои» – «они – чужие»	Дифференциация «Я»-идентичностей на основе индивидуальных качеств
Принадлежность к группе – основной признак самоидентификации	Личные достижения являются основным признаком самоидентификации
Мышление с детства строится на «мы»-категориях	Осознание своего «Я» с детских лет
Высоко ценятся соблюдение гармонии в группе и уклонение от конфронтации в общении	Высоко ценятся собственное мнение и личная точка зрения
Процесс коммуникации обусловлен высоким контекстом	Процесс коммуникации обусловлен низким контекстом, предпочитается вербальный стиль коммуникации
Проступки отдельных членов группы грозят потерей «лица» для всей группы	Нарушение правил и проступки связаны с чувством вины и потерей самоуважения
Главный механизм социального контроля – стыд (культуры стыда)	Вина как основной регулятор поведения (культуры вины)
Цель воспитания – получение готовых знаний, позволяющих стать полноценным членом коллектива или группы	Концепция воспитания заключается в формировании навыков самостоятельного обучения, приветствуется постоянное повышение квалификации
Диплом об образовании расценивается как «пропуск» в высокостатусные группы	Свидетельства об образовании подчёркивают степень индивидуального успеха и профессиональной ценности
Рекомендации знакомых или родство играют большую роль при решении кадровых и производственных вопросов	Кадровые вопросы регулируются на основе предписаний и объективных критериев кандидатов на должность
Межличностные отношения ценятся выше, чем дело	Выполнение поставленной задачи превалирует над личными взаимоотношениями
Преобладают коллективные мнения и решения	Ценятся самостоятельность в суждениях и индивидуальная инициатива
Доминирующая роль государства в экономике	Ограниченная роль государственного регулирования в экономике
Низкая доля валового национального продукта на душу населения	Высокая доля валового национального продукта на душу населения
Государство контролирует средства массовой информации	Свободная пресса
Приоритет идеологии равенства	Доминирует идеология личной свободы
Мир и гармония в обществе считаются его высшими достижениями	Саморазвитие индивидуальности каждого является целью общественного развития

к культуре с женским началом) нормой коммуникативного стиля является скромное, сдержанное, невызывающее коммуникативное поведение. Подобная подача себя вызывает обычно недоверие и сомнение в профессиональной компетентности со стороны американских работодателей, что чревато для голландцев отказом в приёме на работу. В свою очередь, стиль американцев, проявляющийся в их самоуверенном, напористом, открытом коммуникативном поведении (в этом обществе преобладают ценности мужской культуры), оставляет, как правило, негативное впечатление у голландцев (там же: 108).

Хофстеде подчёркивает, что понятийная пара маскулинность/фемининность имеет относительный характер, поскольку черты мужского поведения иногда проявляются в поведении женщины, и наоборот, характерные для женщин качества присущи некоторым мужчинам. Кроме того, само понимание традиционности мужских и женских ролей не является универсальной величиной и может по-разному восприниматься в различных культурах. Однако основная тенденция социального репертуара мужчин и женщин в современных сообществах позволяет говорить о разнице ценностных ориентаций культур по этому принципу.

Приоритет «мужских» или «женских» качеств в обществе регулирует коммуникативное поведение его членов, что, прежде всего, отражается в семейном дискурсе. Воспитание мальчиков и девочек в так называемых маскулинных культурах направлено на формирование независимости, честности, успешности, результативности. Здесь ценятся сильные, способные личности.

В так называемых фемининных культурах больше внимания уделяется воспитанию скромности, умению сотрудничать, взаимопомощи. Стремление выделиться производит негативное впечатление. Эта черта отчётливо проявляется в поведении школьников. Приводя пример, Хофстеде вновь сравнивает культуры Голландии и США. Лучший ученик в классе голландской школы вызывает насмешки со стороны большинства, поэтому нормой считается «быть середнячком». В ученической среде культивируется дух сотрудничества и добрых бесконфликтных отношений. В американских школах нормой является борьба за лидерство, состязательность как форма человеческого взаимодействия.

Параметр «маскулинность/фемининность» отражает также культурные различия в восприятии значимости труда в жизни человека. Отношение к работе в обществах мужского типа определяется чаще девизом: «Жить, чтобы работать», – в обществах женского типа более по-

пулярен подход: «Работать, чтобы жить». Представители этих культур придерживаются, соответственно, разных коммуникативных стилей при решении производственных вопросов. В странах с маскулинными тенденциями преобладает конкретный, наступательный, даже агрессивный стиль общения. Взаимоотношения строятся на основе соревновательности, проявления индивидуальности. Решения принимаются, как правило, единолично. В фемининных культурах предпочтение отдаётся компромиссному общению, нахождению консенсуса, совместно-му преодолению проблем.

Четвёртый аспект культурных особенностей, выявленный Г. Хофстеде на основании статистических данных, отражает степень тревожности (боязливости) членов общества по отношению к неясным, незнакомым ситуациям. Эмоциональное восприятие людьми неожиданных, непредсказуемых событий определяется параметром «терпимость к неопределённости». Культуры дифференцируются в зависимости от того, как их представители реагируют на неопределённость и какую стратегию преодоления неопределённости выбирают. При этом правила и нормы, принятые в одной культуре, могут не соответствовать стратегиям избегания опасности в другой, что часто вызывает недопонимание и раздражение в межкультурном общении.

Страны, в которых непредусмотренные события и ситуации принимаются как должное, и поведение строится на основании конкретных обстоятельств, Хофстеде относит к категории культур с высокой терпимостью к неопределённости (или со слабым избеганием неопределённости). Как правило, в таких культурах необычное, неясное воспринимается всего лишь как странное.

В странах с низкой терпимостью к неопределённости (или с сильным избеганием неопределённости) неожиданные ситуации и незнакомые люди вызывают эмоциональное беспокойство, дискомфорт. Для таких культур характерно кредо ксенофобии – чужое считается опасным. В подобных обществах огромное значение имеют определённость, структурированность, долгосрочное планирование.

Наибольшей тревожностью и стремлением к предотвращению стрессовых ситуаций отличаются латиноамериканские, романские и средиземноморские культуры. Немецкоязычные страны (Германия, Австрия, Швейцария) занимают среднее положение в данной иерархии. США, Великобритания, северные европейские государства и большинство азиатских стран, за исключением Японии и Кореи,

имеют тенденцию терпимого отношения к неизвестному будущему и незапрограммированным ситуациям. Германия и Великобритания, совпадая в аспектах «дистанция власти» и «маскулинность/фемининность», незначительно расходясь по степени индивидуализма, наибольшее различие показывают по параметру «терпимость к неопределённости».

Это культурное расхождение ярко проявляется в учебной деятельности немецких и английских учащихся. Немецкий учебный процесс характеризуется точным целеполаганием и чёткими учебными планами, детально продуманными заданиями и структурированностью учебных ситуаций. Учителя воспринимаются здесь как эксперты, знающие ответы на все вопросы. Научная компетентность преподавателя оценивается по «академичности» его стиля. Большинство немецких студентов считают, что если он говорит «простым» языком и его объяснения легко понять, то это сомнительно и, возможно, ненаучно. Британские учащиеся предпочитают, как правило, спонтанные учебные ситуации, без чётко сформулированных целей и без строгого плана. На занятиях приветствуется дух творчества и оригинальности. Преподаватель необязательно должен знать правильные ответы на все вопросы. Считается, что материал учебников и лекций должен быть изложен доступным для понимания языком (ср.: Hofstede, 1997: 166–167).

Различия между культурами в их отношении к неопределённости определяют, в первую очередь, поведение представителей этих культур в институциональной сфере. В обществах с низкой терпимостью к неопределённости очень высоко стремление к формализации жизни и, соответственно, отношений на рабочем месте. Здесь большое значение придаётся законам, письменным правилам и инструкциям, которые регулируют права и обязанности как работодателей, так и наёмных работников. Кроме того, существует множество внутренних правил, норм и ритуалов, обеспечивающих стабильность и надёжность производственного процесса. Такая структурированность существования позволяет людям максимально избегать случайностей. Их коммуникативное поведение в рамках институционального дискурса характеризуется как поведение людей упорных, активных, ценящих время, но консервативных, беспокойных и часто даже агрессивных. Эмоциональная потребность представителей культур с низкой терпимостью к неопределённости в строгом соблюдении за-

конов и предписаний реализуется, как правило, в пунктуальности и точности. Примером тому может служить Германия, в которой, как известно, графики движения автобусов и поездов поддерживаются максимально точно, снижая тем самым степень беспокойства и стресса у населения.

В странах с высокой терпимостью к неопределённости правила и инструкции, сформулированные в письменном виде, не рассматриваются как обязательные, и наблюдается скорее эмоциональное противостояние формальному регламентированию общественного и профессионального дискурсов. Люди в подобных культурах производят впечатление спокойных, выдержанных, инертных, даже ленивых, не придающих большого значения времени. Поскольку уровень терпимости к новым идеям, непредсказуемым событиям в таких обществах достаточно высок, их представители отличаются большей способностью к инновациям, открытиям и творческому риску.

При анализе данного культурного измерения Хофстеде проводит параллель с параметром дистанции власти. Наличие чётких правил поведения в культурах с низкой терпимостью к неопределённости соотносится с небольшой дистанцией власти, и наоборот. Директивные решения и властные полномочия руководящих структур в странах с большой дистанцией власти частично заменяют внутренние правила, и потребность в них в обществах с высокой терпимостью к неопределённости невелика.

Степень выраженности аспекта избегания неопределённости зависит также от индивидуалистских или коллективистских тенденций культур. В индивидуалистских культурах с низкой терпимостью к неопределённости, являющихся, кроме того, низкоконтекстными, строго придерживаются письменных правил. Для подобных коллективистских культур с высоким контекстом типичны неявные, имплицитные нормы и правила, имеющие природу устоявшихся традиций. Эта обусловленность отчётливо заметна в японском обществе, что часто порождает конфликтные ситуации в общении между представителями западных стран и Японии.

Россия в силу объективных причин не входила в число стран, участвовавших в сравнительно-культурном исследовании Хофстеде. Однако дополнительные данные, опубликованные институтом «*For training in intercultural management*» ещё для 18 стран, включая Россию, позволяют говорить о параметрах, характеризующих осо-

бенности русской культуры (см. W. Weidmann, 1995). Очевидно, что выделенные измерения культур облегчают понимание и объясняют культурные различия, несмотря на высокую степень их генерализации (обобщения), поскольку индивидуальные особенности конкретных участников коммуникативного процесса и конкретные условия ситуации общения могут не соответствовать «стандартному» варианту. Однако выводы исследователей можно рассматривать как прогнозы на поведение представителей той или иной лингвокультуры в условиях межкультурной коммуникации.

Далее измерения культур определяются в пособии как **культурно-коммуникативные макрокатегории**, выступающие в качестве основных детерминант, формирующих специфический стиль коммуникации в каждой языковой культуре. В качестве таковых выделяются следующие макрокатегории: восприятие времени, социальная организация людей, отношение к пространству, ценностные ориентации, специфичность мышления.

Основные понятия главы

Антропологическое понятие культуры

Метафоры культуры

Инкультурация

Теории культуры (функционализм, культурный релятивизм)

Etic/Etic- подходы

Культурная эмпатия

Этноцентризм

Культурная идентичность

Чужой/иностраный/чужеродность

Межкультурная адаптация

Аккультурация

Межкультурная трансформация

Культурный шок

Когнитивный диссонанс

Лингвистический шок

Ценности культуры

Культурно-коммуникативные макрокатегории

Вопросы для контроля и обсуждения

1. Какая интерпретация понятия культуры удовлетворяет современную теорию межкультурной коммуникации и в чем суть такого подхода?
2. Приведите примеры существующих метафор культуры и поясните, какую объяснительную силу они имеют для теории МКК.
3. Перечислите культурные контексты, которые рассматриваются сегодня как пространство меж/субкультурного общения и составляют новый объект межкультурных исследований.
4. Дайте определение понятиям «культурная норма» и «культурная ценность», приведите примеры их проявлений в реальной жизни представителей той или иной культуры. Почему ценности можно рассматривать как «имплицитные теории» в каждой лингвокультуре?
5. Раскройте суть понятия «инкультурация», а также основное содержание и значимость этого процесса для формирования языковой личности любого этносообщества.
6. Сформулируйте ключевые положения теорий функционализма и культурного релятивизма в их идеологической релевантности для концепции МКК.
7. Какие исследовательские методики в изучении процессов межкультурного взаимодействия культурные антропологи считают наиболее продуктивными?
8. В чем суть культурной эмпатии и что значит проявлять эмпатичность в межкультурном дискурсе?
9. Охарактеризуйте явление этноцентризма и поясните, почему большинство исследователей МКК называют этноцентризм константой межкультурного общения.
10. Опишите степени выраженности этноцентристского поведения и зависимость его проявления от разницы контактирующих культур.
11. Какие разновидности этноцентристских установок выделяются в современной теории культурной этнологии/антропологии.
12. Как вы понимаете термин «идентичность» и какие формы идентичности, помимо культурной, присущи каждой личности в моно- и межкультурном общении?
13. Сравните семантический объем и коннотационный фон понятий «иностранный» и «чужой» в разных лингвокультурах.
14. Объясните на основе предложенных в параграфе теоретических рассуждений значимость категории «культурная чужеродность» для теории и практики МКК.

15. Дайте определение межкультурной адаптации и аккультурации и поясните, как соотносятся эти понятия.

16. Опишите модели межкультурной адаптации, спроецируйте их на собственный эмпирический опыт.

17. В чем заключается сущность культурного шока, или стресса аккультурации? Раскройте при ответе на этот вопрос понятия коммуникативного шока и когнитивного диссонанса.

18. Проанализируйте концепции негативного и позитивного подходов к процессу преодоления культурного шока.

19. Перечислите факторы, влияющие на процесс аккультурации (затрудняющие или облегчающие ее) в чужой культурно-языковой среде.

20. Поразмышляйте, какие гипотезы выдвигает теория ценностных ориентаций Ф. Клакхона и Ф. Стробека для осмысления существующих в мире культурных различий и в чем их объяснительная сила с точки зрения преодоления межкультурных недоразумений.

21. Что понимается в теории МКК под культурными переменными/измерениями/параметрами и какие систематизации последних вы могли бы выделить на основе материала соответствующего параграфа?

22. Какие параметры лежат в основе классификации культур по Э. Холлу?

23. Почему модель культуры Э. Холла исследователи называют коммуникативной и каковы ключевые культурно обусловленные аспекты невербальной коммуникации, обозначенные в его известной монографии *The Silent Language*?

24. Опишите аспекты культурно обусловленного отношения ко времени в терминах пунктуальности, планирования, контекстности и монохронности-полихронности. Приведите примеры.

25. Подберите примеры для иллюстрации коммуникативного поведения общающихся из разных лингвокультур в их отношении к пространственной организации взаимодействия.

26. Какие основные параметры сравнения культур выделил в своей теории Г. Хофстеде? Можно ли определить гипотетическую позицию России в его параметрической модели?

27. Представьте каждый из параметров в виде краткой описательной характеристики и приведите собственные примеры, демонстрирующие тенденции в культурно-коммуникативном поведении участников межкультурного взаимодействия в соответствии с этими параметрами.

28. Познакомьтесь подробнее с типологией корпоративных культур по Ф. Тромпенаарсу и подберите из разных источников примеры, демонстрирующие сложности процесса делового общения в межкультурном контексте.

Темы для самостоятельного реферирования

1. Проблема национального характера и менталитета (русский, немецкий, американский, английский, китайский, ...).

2. Роль этнических стереотипов в МКК (языковые стереотипы, авто- и гетеростереотипы, предубеждения).

3. Анализ художественных и документально-публицистических произведений (В. Овчинников «Ветка Сакуры», «Корни дуба»; В. Аксёнов «В поисках грустного бэби»; В. Кунин «Русские на Мариенплац»; Lena Gorelik „Meine weißen Nächte“; А. Romeo „La deutsche Vita“; „KulturSchock Russland“; „KulturSchock Deutschland“; „Russland in kleinen Geschichten“ и т.д.).

4. Мир традиций и межкультурное общение (традиции гостеприимства, пища в национально-культурном контексте, «Мы – россияне; народы, живущие в России»).

5. Религии в современных обществах и проблемы межнационального общения.

6. Методы межкультурных исследований (этнографические эмпирические методы – наблюдение, интервью, анкетирование и др.).

7. Психологические основы межкультурной коммуникации (процессы восприятия и атрибуции).

8. Мультикультурализм как проблема межкультурного взаимодействия.

9. Культурный ассимилятор («копилка» критических межкультурных эпизодов).

Рекомендуемая литература

1. Куликова, Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты (на материале русской и немецкой лингво-

культур): монография / Л.В. Куликова ; Краснояр. гос. пед. ун-т. – Красноярск, 2004.

2. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: учебное пособие / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999.

3. Льюис, Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию / Р.Д. Льюис. – М.: Дело, 1999.

4. Орлова, Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию: учеб. пособие / Э.А. Орлова. – М.: Изд-во МГИК, 1994.

5. Павловская, А.В. Как иметь дело с русскими. Путеводитель по России для деловых людей / А.В. Павловская. – М., 2003.

6. Павловская, А.В. Стереотипы восприятия России и русских на Западе // Россия и Запад: Диалог культур. – Вып. 1. – М., 1994. – С. 19-30.

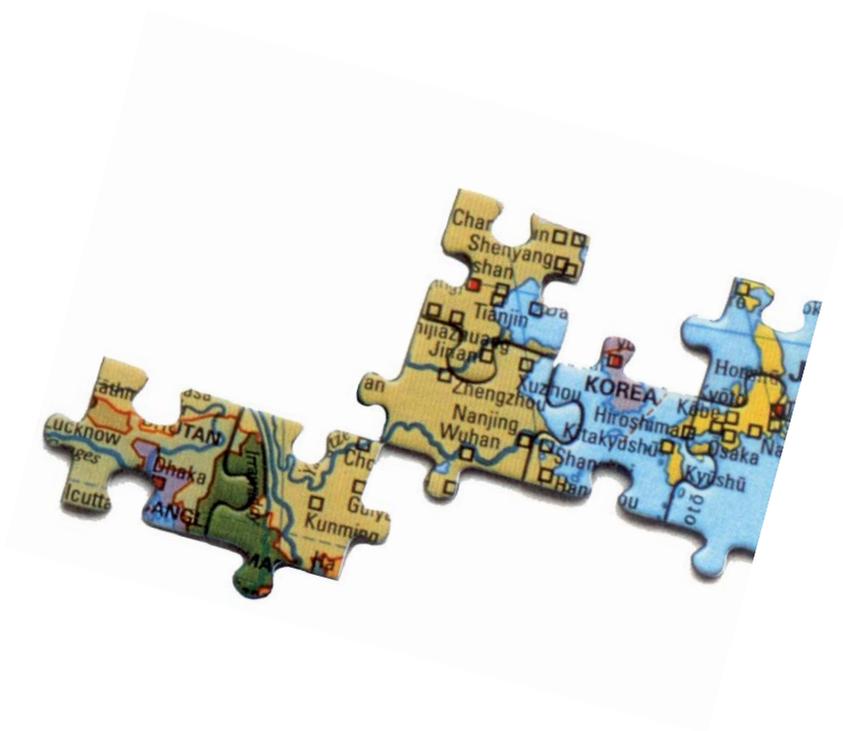
7. Персикова, Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учеб. пособие / Т.Н. Персикова. – М.: Логос, 2002. – 224 с.

8. Прохоров, Ю.В. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев: монография / Ю.В. Прохоров. – М., 1996.

9. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – М.: ИП РАН, Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Глава 3

Коммуникативный стиль в межкультурном общении

*Не зная, как сформулировать правила,
согласно которым мы шутим,
мы понимаем, как, когда, с кем
и по какому поводу можно пошутить.*

Т. Лукман

3.1. Коммуникативный стиль в контексте теории межкультурной коммуникации

Обсуждение проблемы коммуникативного стиля в теории МКК как одной из наиболее важных составляющих межкультурного взаимодействия, эксплицирующих чужеродность партнёра по коммуникации, началось в американской интеркультуралистике (как, собственно, и всего круга вопросов, относящихся к межкультурной коммуникации), получив некоторое продолжение в западных и отечественных публикациях (см. Barnlund, 1979; Altman, Gauvain, 1981; Tannen, 1981; Gumperz, 1982; Gudykunst, Ting-Toomey, 1988; Knapp-Potthoff, 1990; Samovar, Porter, 1991; Knapp, 1992; Bennett, 1986, 1998; Kartari, 1997; Орлова, 1994; Лебедева, 1999; Стефаненко, 2000; Стернин, 2003).

В приводимых далее концепциях принципиально важно то, что коммуникативный стиль в них рассматривается в перспективе культурной обусловленности как неотъемлемый элемент межкультурного взаимодействия.

Как уже неоднократно отмечалось, значимые в каждой культуре нормы и ценности проявляются в коммуникативных действиях представителей культуры. Используемые при этом коммуникативные средства комбинируются особым, типичным для данной лингвокультуры способом, определяя генерализованные языковые паттерны (образцы), которые следует рассматривать как коммуникативный стиль лингвокультуры (Helmold, Müller 1993: 527). Сходное понимание есть в работах немецких лингвистов К. Кнапп и А. Кнапп-Поттхоф, по мнению которых языковые предпочтения в рамках конкретного лингвокультурного сообщества «уплотняются»

до специфичных коммуникативных стилей (Knapp, Knapp-Potthoff, 1990: 73). В другой терминологии ту же мысль выражает А. Вежбицкая: «В различных обществах и социальных группах люди говорят по-разному, причём не только с точки зрения лексики и грамматики» (Вежбицкая, 2001: 159). И далее: «В каждой культуре существуют свои собственные правила ведения разговора, тесно связанные с культурно-обусловленными способами думать и вести себя» (там же: 152).

К репертуару культурно-маркированных стилей относят много-словность или лаконичность, интенсивность или расслабленность речи, фактическую или аналитическую направленность высказывания, пессимистическую или оптимистическую тональность (Стернин, 2003б: 13); преобладание эмоционального или делового подхода в общении, стратегии открытого прямого или вежливо-косвенного стиля, этикетно-формального или свободного неформального, с обязательным зрительным контактом или избегая последнего (Flechsigt 2001, 10). Признаками коммуникативного стиля считаются также паралингвистические и просодические средства: громкость звучащей речи, длина пауз, правила ударения и интонации. Любопытен в этой связи классический пример, описанный в одной из работ Дж. Гамперца, по поводу межкультурного недоразумения, вызванного ложными интерпретациями интонационных моделей. На персонал кафе лондонского аэропорта, состоящий в основном из пакистанских и индийских сотрудниц, возросло количество жалоб, обвиняющих иностранных официанток в неприветливости и даже грубости. Суть проблемы, однако, заключалась в следующем. Используемый сотрудницами в соответствии с интонационными нормами индийского варианта английский язык неправильно истолковывался посетителями. Так, вопрос: «Нужен ли соус?», – задаваемый с нисходящей интонацией, там, где согласно правилам британского английского ожидается восходящая мелодия, вызывал лишь досаду и недовольство. Таким образом, обыкновенное предложение продукта со стороны иностранных сотрудниц воспринималось носителями языка как невежливое высказывание, что и спровоцировало конфликт, основной причиной которого было просодическое недоразумение (ср. Gumperz, 1982: 173; Günthner, 1993: 35).

Оригинальную и точную метафору о сути стиля коммуникации* приводит Д. Таннен, анализирующая в своих известных работах ген-

* В своей работе Д. Таннен использует термин «речевой стиль», имеющий общие точки пересечения с нашим пониманием коммуникативного стиля.

дерные, социальные и культурно обусловленные различия в стилях общения. Американская исследовательница рассматривает речевой стиль не как что-то дополнительно добавляемое в коммуникативный процесс (например, как сахарный крем на торт). Стиль общения в её понимании представляет собой тестовую массу, из которой лепится «коммуникативный пирог» (Tannen, 1999: 54).

Одно из первых конкретизированных определений **коммуникативного стиля** как явления, детерминированного культурой, принадлежит Д. Барнленду: «Под коммуникативным стилем понимаются темы, которые люди выбирают для обсуждения; предпочитаемые ими формы взаимодействия – формальная, неформальная (остроумная, шутливая), конфронтационная, откровенная (самораскрывающая); и уровень вовлечённости, взаимно необходимой общающимся. Коммуникативный стиль отражает ту степень общности коммуникантов, которая обеспечивает выбор ими одинаковых средств (каналов) общения: акустический, вербальный, физический. Кроме того, коммуникативный стиль демонстрирует, в какой мере коммуниканты настроены на один уровень понимания, воспринимая фактическое или эмоциональное содержание сообщения» (ср. «By communication style is meant the topics people prefer to discuss, their favorite forms of interaction – ritual, argument, self-disclosure – and the depth of involvement they demand of each other. It includes the extent to which communicants rely upon the same channels – vocal, verbal, physical – for conveying information, and the extent to which they are tuned to the same level of meaning, that is, to the factual or emotional content of messages». – Barnlund, 1979; цит. по: Samovar, Porter, 2001: 281).

В другой развёрнутой дефиниции обсуждаемое понятие раскрывается через следующий набор релевантных составляющих: «1) когда говорить, 2) что говорить, 3) просодические паттерны, 4) самый распространённый тип адресата 5) типичные речевые формулы, 6) правила вежливости, 7) общая организация дискурса, 8) эмфатические нормы (коммуникативный фокус), 9) особенности вербальной агрессии и допустимые средства иронии» (ср. «when to talk; what to say; prosodic patterns; listenership; formulaicity; politeness; organization of discourse; accent accommodation, and swearing, insults and irony». – Scheu-Lottgen, Hernandez-Campo, 1998: 379).

Усвоение коммуникативного стиля происходит в процессах инкультурации и социальной интеракции. В связи с этим американский пси-

холог У. Гудикунст и другие исследователи отмечают, что в результате опосредованной языком социализации индивид познаёт, во-первых, основы уместного коммуникативного поведения, его правила и нормы для специфических ситуативных контекстов общения; во-вторых, осваивает необходимые способы деятельности, обеспечивающие достижение поставленных целей и удовлетворение своих потребностей; и, в-третьих, усваивает вербальные коммуникативные стили, позволяющие проявлять себя компетентным коммуникатором в рамках различных бытовых и институциональных дискурсов, реализуя при этом свои интенции (ср. Gudykunst/Ting-Toomey, 1988: 99). Таким образом, в актах обычной, нормальной коммуникации, если только нет сознательной установки на отказ от привычного и на отступление от собственных традиций, участники общения демонстрируют стандартное поведение носителя языка на основе сформированного в своей лингвокультуре устойчивого коммуникативного стиля. Так, многочисленные наблюдения разных авторов позволяют говорить о том, что, например, в немецком дискурсе по сравнению с английским более распространены прямые речевые акты, а выражение благодарности за услугу является менее эмфатическим (выразительным), чем это принято в английской речеповеденческой норме. Японцы в межличностном общении ценят немногословность и придают большое значение невербальной коммуникации, чем значительно отличаются от немцев. В повседневном дискурсе японцы избегают абсолютных, категорических высказываний, предпочитая чёткости неопределённость даже в самых тривиальных сообщениях, поскольку однозначные выражения являются, с точки зрения японского коммуникативного поведения, нескромными и невежливыми. В политических дебатах американские собеседники выделяются, скорее, индуктивной аргументацией (от частных к обобщениям), в то время как русские склонны к дедуктивному способу убеждения (от общепринципиальных к конкретным случаям). В китайском коммуникативном стиле преобладают косвенные и многословно-витиеватые высказывания, что явно диссонирует с эмоционально-ровной, преимущественно деловой коммуникативной манерой немцев или англичан. В ситуациях межкультурных контактов подобное несовпадение коммуникативных стилей часто вызывает недоразумения. В соответствующей литературе можно встретить многочисленные примеры того, как наложение разных стилей отражается на интерпретации внеязыковой действительности.

Интересен в связи с этим случай, описываемый К. Кнаппом. Речь идёт о реакции недоумения британского журналиста (невербальный перлокутивный эффект), получившего отказ одной из пекинских газет на публикацию его статьи: «Мы прочитали Вашу рукопись с безграничным наслаждением. Но если бы мы напечатали Вашу работу, то лишили бы себя возможности в будущем публиковать работы более слабого уровня. Поскольку представляется совершенно исключённым увидеть что-либо равноценное в ближайшее тысячелетие, мы, к нашему глубочайшему сожалению, вынуждены отклонить Вашу божественную рукопись. Мы приносим тысячу извинений и просим снисхождения за нашу неосмотрительность и боязливость» (ср. Knapp 1998, 20). Очевидно, что письмо, сформулированное в соответствии с китайскими языковыми паттернами, имеет характер неоднозначности для английского адресата в силу размытости, с точки зрения английской коммуникативной традиции, его интенционального значения или его иллокутивной функции (восхищение или сарказм).

На фоне разрозненных эмпирических описаний проявления коммуникативного стиля в разных языковых культурах выделяется попытка норвежского философа Й. Гальтунга (Galtung, 1985) представить типологию интеллектуальных стилей макрокультурного уровня, которые, как считают некоторые исследователи (напр. Spitzer, 2000; Burkat), можно рассматривать в широком смысле в качестве культурно обусловленных коммуникативных стилей. Подобная корреляция видится оправданной в силу того, что, во-первых, интеллектуальная деятельность главным образом проявляется в речевой деятельности. Во-вторых, ни у кого уже не вызывает сомнения факт культурной специфичности мышления вообще и научного мышления в частности.

Й. Гальтунг выдвигает рабочую гипотезу о существовании трёх западных и одного восточного (ориентального) **интеллектуальных стилей**. К западным он относит саксонский, тевтонский, галльский (французский) стили. Восточный стиль представлен в его системе nipпонским (японским) стилем мышления. Избегая жёсткой идентификации стиля со страной, автор типологии считает центром саксонского научного стиля университеты Англии, а также Западного и Восточного побережий США. Классические университеты Германии являются, по его мнению, центром тевтонского интеллектуального стиля. Кроме того, Гальтунг утверждает, что в связи с достаточно длительным влиянием западной культуры на Восточную Европу, включая бывший СССР, по-

следние также имеют традиции тевтонского научного дискурса. Страны романской группы в Европе и Южной Америке, включая Румынию, находятся в сфере галльского интеллектуального стиля. Японская культура как культура без периферии пронизана ниппонским интеллектуальным стилем.

Перечисленные стили по Гальтунгу имеют следующие характеристики (см. табл. 4).

Представленные в таблице основные черты, характеризующие особенности коммуникативных стилей научных дискурсов в разных культурно-языковых ареалах, позволяют сделать вывод о сходстве коммуникативных традиций в саксонском и ниппонском стилях как о более толерантных и демократичных по сравнению с двумя другими. Справедливости ради, следует отметить, что в рамках саксонского интеллектуального стиля Гальтунг выделяет разницу между коммуникативными нормами американской и британской культур. Американский стиль коммуникации обнаруживает качества более демократичного и великодушного стиля, чем английский.

Тевтонский и галльский интеллектуальные стили описываются в типологии как достаточно жёсткие и конфронтационные. При этом существует тенденция в стремлении тевтонского научного дискурса к строгости речевого поведения в ущерб эlegantности, а галльского, наоборот, – к эlegantности за счёт строгости.

Классификация интеллектуальных стилей по Гальтунгу имеет также вербальные формулы, отражающие сущность разных культурно-специфических стилей мышления:

- *американо-саксонский стиль*: Как это можно операционализировать (применить в работе)?
- *англо-саксонский стиль*: Как это можно документально доказать (подтвердить)?
- *тевтонский стиль*: На основании чего Вы можете это объяснить?
- *галльский стиль*: Можно ли сказать это и на хорошем французском языке?
- *ниппонский стиль*: Кто Ваш Мастер (учитель)?

Однако недостаточная доказательная база обобщений Гальтунга не позволяет делать вывод о полной достоверности предложенной им типологии, что, очевидно, и подразумевал сам автор, называя свою работу «сравнительным эссе...».

Таблица 4

Саксонский	Тевтонский/Галльский	Ниппонский
<ul style="list-style-type: none"> • Благоприятствует дебатам и поддерживает развитие научного дискурса в целом. • Соблюдает принцип Gentlemen's Agreement, несмотря на возможные значительные расхождения научных подходов собеседников. • Плюрализм определяется как генерализованная ценность дискурса. • Намерение высказать критику сопровождается положительными вступлением и завершением предложения, в форме «..., но...» -высказывания. • Общая интенция научного дискурса – стремление стимулировать оппонента, а не дискредитировать его; принцип конструктивной критики. • Выход из коммуникативной ситуации полемикой часто сопровождается вербальными и невербальными знаками дружелюбия: юмор, шутки, похлопывание по плечу. • Приемлемым завершением дебатов считается достижение согласия или сближение позиций. • Позитивно оценивается способность изменять свое мнение в процессе дискуссии 	<ul style="list-style-type: none"> • Речевой дискурсивный сценарий характеризуется меньшей палитрой разнообразия мнений, чем в саксонском стиле. • Дебаты воспринимаются как «социально-дарвинистская борьба за выживание». • Меньше внимания уделяется проявлениям вежливости и конструктивного отношения к дискутирующим оппонентам; докладчик в роли «жертвы». • Приоритет прямолинейности и сухой сохранительности дискурсивных высказываний. • В фокусе критической полемики чаще всего «слабые места» в докладе, при этом отсутствует прагма-риторический ход поддержки и одобрения дискурсанта: «Je ne suis pas d'accord...», «Sie haben nicht erwähnt, dass...», «Ich bin nicht einverstanden...». • Демонстрация критического отношения дополняется паралингвистическими средствами: холодным взглядом, высокомерной или насмешливой мимикой. • Расхождение во мнениях интерпретируются часто в следующей парадигме: «Прав я, а не Вы». 	<ul style="list-style-type: none"> • Культура дебатов и научного дискурса не имеет длительной традиции. • Первое правило коммуникации гармонизация социального взаимодействия. • Речевая демонстрация уважительного отношения к авторитетам (к мастеру), к вертикальной иерархии. • Организация дискурса в соответствии с принципами коллективизма и организационной солидарности. • Когнитивная специфика общения определяется в зависимости от участия в коммуникации только «своих» или присутствием «чужих». • Тематической и прагматической доминантой диалога является принцип классификации: К какой школе Вы относитесь? Кто сказал это первым? – своеобразный лексико-энциклопедический способ интеллектуального комментария. • Релевантность установления научных приоритетов (связей с научными школами) докладчика: «Каково Ваше мнение по поводу...? Как соотносится то, что Вы сказали по поводу X, с тем, что мистер В сказал о Y?»

В рамках исследований проблем межкультурной коммуникации, посвящённых их лингвистической операционализации, выделяется также модель дискурсивной вариативности М. Клайна. Предлагаемые учёным аспекты изучения особенностей дискурсов в разных языковых культурах по своему содержанию и номинациям позволяют соотносить их с подходом к анализу рассматриваемого здесь коммуникативного стиля, а именно:

- 1) объём вербальной составляющей коммуникативного процесса (значение устных высказываний и их соотношение с письменной коммуникацией);
- 2) степень формальности коммуникации (значение и обязательность устных и документных рутин (устоявшихся процедур) в определённых коммуникативных ситуациях);
- 3) ритм дискурса (длина реплик или фрагментов дискурса, их корреляция и распределение между коммуникантами);
- 4) степень линейности дискурса (понимаемая с точки зрения англо-американской логики линейная организация дискурса, а также уклонение от избыточности и экскурсов в коммуникации) (ср. Clyne, 1981: 61–66).

Со ссылкой на Р. Каплана (Kaplan, 1972: 77) М. Клайн описывает типы национальных дискурсов (прежде всего в научной коммуникации) как отклоняющиеся от английского типа линейности. Немецкий дискурс, по его мнению, отличается доминантной ориентированностью на содержание, сильной избыточностью информации и стремлением «к экскурсам экскурсов» (ср. Clyne, 1982, 1987).

Одна из наиболее серьёзных и часто цитируемых классификаций коммуникативных стилей принадлежит американскому теоретику в области коммуникации Р. Нортону, разработанной им в отношении стиля коммуникатора. В его трактовке стиль коммуникации представляет собой предпочитаемый способ или манеру, в которой личность преподносит себя другим, сформированную под влиянием культурных и индивидуальных характеристик. Другими словами, коммуникативный стиль рассматривается как метасообщение, указывающее на то, как смысл сообщения следует понимать и интерпретировать. Р. Нортон выделяет девять основных **коммуникативных стилей**, передающих способы взаимодействия с другими людьми в процессе общения (табл. 5):

Названные стили, как показывают кросс-культурные исследования, неравномерно выражены в разных культурах. Так, например, в США более развиты внимательный, соперничающий, доминирующий и впечатляющий

Таблица 5

Стиль	Коммуникативные характеристики
Доминирующий	Говорит часто; перебивает и контролирует разговор. Стратегия на снижение роли других в коммуникации
Драматичный	Очень экспрессивный язык. Часто преувеличивает и приукрашивает
Соперничающий	Спорящий и часто враждебный (агрессивный)
Активный	Энергичный, с экспрессивными жестами и манерами
Оставляющий впечатление	Выражает идеи и чувства в незабываемой манере
Мягкий	Спокойный, расслабленный, редко проявляющий нервозность по отношению к другим
Внимательный	Хорошо умеет слушать. Предлагает вербальную и невербальную поддержку говорящему
Открытый	Раскрывает личную информацию. Проявляет эмоции и чувства
Дружелюбный	Положительно реагирует на партнёра, предлагает поддержку

коммуникативные стили, тогда как в Японии – мягкий, драматичный и открытый стили общения (см. Gudykunst et. al., 1988). Эти результаты вполне соотносятся с культурными измерениями Г. Хофстеде. Представители обществ с низким уровнем терпимости к неопределённости, к которым относится и Япония, как правило, более открыты и драматичны в коммуникативном взаимодействии, чем члены культур с высоким уровнем терпимости к неопределённости, например США. Также можно ожидать, что в индивидуалистских сообществах более распространены соперничающий и впечатляющий стили, так как в вербальной коммуникации здесь ценятся ориентация на своё Я и стратегии самораскрытия.

Исследование культурной обусловленности коммуникативных стилей направлено не только на их вербальное проявление, но и на невербальную составляющую стилей общения. Известна типология невербальных коммуникативных стилей, разработанная американскими авторами (см. Altman, Gauvain, 1981) и представляющая собой своеобразную четырёхполюсную модель. В основе этой модели лежит идея о том, что характер коммуникации существенным образом зависит от оппозиции индивидуальной и общественной (коммунной) идентичностей личности, а также от её доступности (открытости) и недоступности (закрытости) в процессе взаимодействия. Авторы этой теории считают,

Рис. 9 Модель типологии невербальных коммуникативных стилей

что особенности окружающей среды (контекста) определяют позиционирование представителей разных культур между четырьмя противоположными полюсами (рис. 9):

Измерение индивидуальность – общинность (коммунность) позволяет понять, в какой степени человек проявляет себя в социокультурных ситуациях как индивидуалист или как лицо, включённое в многочисленные семейные, групповые, этнические связи. Тема индивидуализма в процессе невербальной коммуникации воплощается в стремлении к пространственной приватности, в монохронном способе деятельности. Общинность же проявляется в интеграции, коллективном пространстве взаимодействия и полихронной организации деятельности. Иначе говоря, континуум индивидуальность – общинность указывает на использование невербального контекста (окружающий мир, пространство, время) в целях утверждения индивидуалистской или групповой идентичностей общающихся.

Горизонтальные полюса доступности – недоступности показывают меру открытости коммуниканта по отношению к другим участникам ситуации. Показатель доступности – недоступности партнёров по общению становится очевидным на основе эксплицитного или имплицитного употребления специфичных невербальных сигналов, таких как паравербальные знаки, жесты, мимика. С их помощью в коммуникации демонстрируются смыслы, отражающие оценивание происходящего, проявление личностного статуса, активность, реакцию на коммуникативные события.

Сочетания выделенных И. Альтманом и М. Говейном измерений образуют следующие идеальные модели невербальных стилей коммуникации:

- индивидуально-эксплицитный невербальный стиль (регулирует личную приватность (интимность) с помощью выразительных жестов);
- индивидуально-имплицитный невербальный стиль (служит защите собственной идентичности, используя неявные жесты и телодвижения, указывающие на соответствующую дистанцию власти);
- общинно-эксплицитный невербальный стиль (способствует укреплению норм группы, сохранению публичного лица, демонстрируя экспрессивные жесты);
- общинно-имплицитный невербальный стиль (поддерживает групповые нормы и общественное лицо со ссылкой на существующую дистанцию власти) (ср. Gudykunst et al., 1988: 120).

Безусловно, можно провести параллели между моделью американских исследователей и параметрической моделью Г. Хофстеде. Соответственно, измерения индивидуальность – общинность переключаются с оппозицией индивидуализм – коллективизм, а открытость – закрытость – с параметрами дистанции власти и терпимости к неопределённости. Как следствие, представители индивидуалистских культур с небольшой дистанцией власти склонны к индивидуально-ориентированному, преимущественно эксплицитному невербальному стилю коммуникации, демонстрируя тем самым свою доступность. В то время как в коллективистских обществах с большой дистанцией власти, как правило, доминирует общинно-ориентированный, чаще имплицитный невербальный коммуникативный стиль, регулирующий значимые в этих культурах статусные позиции.

3.2. Понятие национального коммуникативного стиля и его дискурсивная реализация

Национальный коммуникативный стиль представляет собой устойчивую совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтэкстом комму-

никации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка.

Национальный коммуникативный стиль формируется под воздействием культурных макрокатегорий и усваивается языковой личностью в процессе инкультурации и социализации. Являясь компонентом национального сознания, стиль коммуникации проявляется в действиях коммуникантов в монокультурном окружении и в межкультурном взаимодействии, как осознанно, так и неосознанно, в режиме автоматической, стереотипизированной речевой деятельности. Именно в связи с этим коммуникативный стиль является ярким экспликатором культурной чужеродности в контактах с представителями других языковых культур. Кроме того конфронтация коммуникативных стилей в ситуациях межкультурных контактов становится одной из главных причин возникающих помех, проблем, недоразумений в коммуникации. В этом смысле степень сходства или различия коммуникативных стилей участников межкультурного общения определяет величину «межкультурной дистанции» между ними: чем больше общего в стилях коммуникации интерактивных партнеров из разных лингвокультур, тем меньше дистанция и, соответственно, слабее диссонансный потенциал взаимодействия, и наоборот.

Национальный коммуникативный стиль отражает существующие в лингвокультуре предпочтения (предпочтения) по выбору вербальных, невербальных и паравербальных средств в организации межличностного взаимодействия. В терминах социопрагматики формулу национального стиля коммуникации можно передать следующим образом: что – как – кому – где – когда (сообщается/умалчивается/ретушируется) – с какой интенцией социального действия. Такая интерпретация позволяет утверждать, что национальный коммуникативный стиль специфицируется в разных социально-коммуникативных сферах, в контекстах разных институциональных дискурсов, сохраняя базовые культурно обусловленные коммуникативно-языковые характеристики и приобретая при этом специфические черты в зависимости от конкретного типа дискурса и сложившейся ситуации.

Национальный стиль коммуникации реализуется в речевой деятельности и – шире – в коммуникативном поведении языковой личности, являющейся представителем данного конкретного этнокультурного социума и проявляется на всех уровнях структуры языковой личности (по

Караулову, 1987). Каждая языковая личность демонстрирует себя, прежде всего, на уровне идиолекта, который представляет собой индивидуальную лингвистическую систему с вариациями на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях. Кроме того, вступая в коммуникацию, человек общающийся демонстрирует свою систему коммуникативных ценностей. Как замечает Н.И. Формановская, есть коммуникативные личности многословные и немногословные; говорящие по теме и отклоняющиеся от неё; говорящие логично, ясно, убедительно, выразительно и не обладающие такими способностями; скромные и нескромные; лидеры и ведомые и т. д. (Формановская, 2002: 65). Однако, несмотря на индивидуальный стиль каждой личности, её речевая деятельность как представителя определённого культурного сообщества подчинена негласным законам вербального и экстралингвистического оформления коммуникативных ситуаций в этом сообществе. В сознании носителей языка и культуры присутствуют репрезентации всех возможных вариантов разных речевых событий (осуществление покупки, день рождения, служба в церкви и т. д.) и конвенциональных языковых форм, используемых для их осуществления в рамках своего привычного окружения. Иначе говоря, идиостиль человека тонко и незаметно регулируется особенностями национального коммуникативного стиля.

Более чувствителен к культурному компоненту корпус лексико-семантических средств, который составляет основу лексикона и грамматикона языковой личности. Если принять во внимание, что этот уровень отражает нормальное владение естественным языком, а языковые средства представляют собой «внешние» элементы коммуникации, то подобное допущение мыслится вполне обоснованным. Небольшой иллюстрацией сказанному может служить одно из проявлений национального коммуникативного стиля в Сингапуре, где, наряду с английским языком, широкое распространение имеют местные азиатские языки. По аналогии с грамматической нормой этих языков почти ко всем высказываниям на английском языке жители прибавляют частицу «-la» как языковой индикатор дружелюбия и солидарности по отношению к партнёру по общению (Altehenger-Smith, 1983). Наличие отражающих разные интенции модальных слов и частиц является также одной из неотъемлемых черт немецкого разговорного стиля. При этом модальные частицы в устной немецкой коммуникации имеют метакоммуникативный эффект. Так, например, иллокутивный индикатор *denn* выражает, как правило, коммуникативную готовность к общению и смягчает ка-

тегоричность вопроса («Tag, Klaus, wie geht's dir denn?»; «Hast du denn so viel Geld?»). «*Überhaupt*» интерпретируется слушающим как намерение говорящего перейти к основательному обсуждению темы («Ist deine Frau überhaupt damit einverstanden?»). Модальная частица *eigentlich* расценивается обычно как сигнал ввода нового аспекта разговора («Woher nimmst du eigentlich immer die Zeit für so was?»). Используя в высказывании метакоммуникативный элемент *etwa* («Hast du etwa kein Geld mehr?»; «Muss ich dann etwa auch `ne Rede halten?»), говорящий апеллирует к коммуникативному партнёру с надеждой, что его опасения не подтвердятся, и стимулирует соответствующий ответ («Doch, natürlich hab ich noch welches»).

Сложно и, скорее всего, невозможно отследить, какой уровень структуры языковой личности более активен, проявляясь в коммуникативном стиле в процессах межкультурного общения. Очевидно, что в актах коммуникации обмен смыслами и их интерпретация происходят при взаимодействии всех составляющих «коммуникативного пространства личности» – вербально-семантического, когнитивного и прагматического одновременно.

Например, в каждой языковой культуре существуют правила культурно обусловленной логики, эксплицируемые в коммуникативном стиле посредством союзных слов и других коннекторов. Использование данных языковых маркеров, выражающих одно из ограниченного набора отношений и связывающих разные части высказывания, отражает не только языковую компетенцию коммуникантов, подразумевающую грамматически корректное употребление уступительных, целевых, причинных и т. д. союзов. Адекватный выбор специфических культурно-логических «связок» требует, прежде всего, тезаурусных и прагматических знаний, позволяющих партнёрам по коммуникативному взаимодействию идентично толковать контексты обсуждения и деятельности. Так, в простейшем примере: «Мы танцевали, *чтобы* пошёл дождь» – союз цели не ошибочен, как это показалось бы европейцу. Речь идёт о культовом действии, значимом в некоторых культурных группах и, соответственно, две составляющие этого высказывания имеют естественную логику в определённом культурном контексте. Своя культурная логика прослеживается в немецком объявлении: «Solide arbeitender, *daher* mittelloser Zahnarzt möchte es doch noch einmal versuchen, eine ehrliche Partnerschaft aufzubauen», где союз «поэтому» отражает причинно-следственную связь, смысл которой сложно понять

без конкретных культурно-специфических знаний*. На основе следующих иллюстраций по поводу немецкой культурно-специфической логики, фиксирующей содержательную зависимость двух частей высказывания, можно распознать определённые стандарты этой культуры, например, разграничение дела и личных отношений: «Zuerst haben sie sich schrecklich über das Computerprogramm *gestritten*, dann sind sie *aber gemeinsam* nach Hause gefahren»; «Darf ich Ihnen einen *Cognac anbieten*? Ja, *aber* ich habe etwas *ernstes* mit Ihnen zu *besprechen*» (Müller, 1980).

Каждый носитель языка может автоматически «правильно» и уместно с точки зрения внутрикультурной коммуникативной логики выстроить структуру вопросно-ответного обмена. Так, если в немецком дискурсе на вопрос: «Gehst du gleich einkaufen?», – последует ответ также в форме вопроса: «Kannst du das nicht machen?», – любому немецкоговорящему очевидно, что обмен репликами не закончен и сегмент общения должен быть завершён как-то иначе. Например, следующей репликой: «Nee, ich muß zum Zahnarzt», – и реакцией на неё: «okay, ich mach's». При этом в пресуппозицию носителей немецкого языка входит знание о том, что такая предпочитаемая последовательность высказываний является обычно маркером консенсуального речевого действия. Отсутствие сигналов обратной связи, например, выпадение предпоследней или последней реплики, имеет явные структурные импликации, свидетельствующие о диссонансе в интеракции.

Данная способность вероятностного прогнозирования возможных способов продолжения дискурса представляет собой важнейшую часть культурно обусловленной коммуникативной компетенции языковой личности.

Ярким актуализатором национального коммуникативного стиля являются паралингвистические явления, также обоснованно причисляемые к сфере дискурса, поскольку наблюдать их можно исключительно в разговорной речи. В терминологии П.Н. Донца паралингвистические феномены метко определяются как внешняя форма дискурса (Донец, 2001: 208). Без сомнения, данные дискурсивные средства ещё

* В пресуппозиции носителя немецкой лингвокультуры в отношении этого примера отражаются следующие смыслы: Зубной врач, который работает ответственно и добросовестно (*solide*), тратит большее количество времени на одного пациента, поэтому в соответствии с немецкой системой медицинского страхования, учитывающей только количество обслуженных пациентов, а не время, затраченное на каждого, он получает невысокий гонорар (Sichtwechsel, 1999: 46).

в большей степени, чем вербальные, отличаются культурной детерминированностью. Г. Малетцке выделяет в этой связи тихие и громкие языковые культуры, что подразумевает типичную для носителей языка громкость речи в интеракции (Maletzke, 1996: 78). Так, американцы воспринимаются в Европе, в частности в Англии, как чересчур громкие и бесцеремонные. Громкими русские считают немцев, особенно подросткового и молодого возраста, за их привычку, не снижая голоса, обсуждать в общественных местах (на улице, в транспорте) свои дела. Темп речи также отмечен культурной спецификой. Высокая скорость речи присуща представителям романоязычного пространства. К числу медленно говорящих народов относятся финны, что определяет их общеизвестный имидж и порождает множество стереотипов о них как самых больших молчунах на европейском континенте. Их длинные паузы часто заставляют, например, немецких партнёров по общению предполагать, что те уже закончили свою реплику и наступила их очередь вступать в дискуссию. Преждевременная, с точки зрения финнов, смена говорящего нередко приводит к оценке немецкого стиля коммуникации как невежливого и бесцеремонного (Müller, 1991: 30). Немцы в этом смысле находятся где-то посередине континуума с типично быстрой манерой разговора в Берлине и некоторых южных территориях (Баден-Баден) и выраженной речевой медлительностью в северных Землях (Maletzke, 1996: 79). При этом длинные паузы, особенно в аргументативном общении, имеют негативные коннотации в немецком дискурсе, являясь сигналом неуверенности и даже некомпетентности говорящих. По отношению к дискурсивным паузам можно провести определённые параллели между немецкой и русской коммуникативными культурами. Как в одной, так и в другой «повисшая» пауза вызывает чувство неловкости. Коммуниканты активно стремятся восстановить контакт и продолжить общение (см. Стернин, 2001: 208; Helmolt, Müller, 1993: 534). В качестве средств, временно заполняющих паузу в немецком языке, часто используются такие междометные слова и реплики, как also, tja, na ja, so ist es, mhm, puhhhh, huch; в русском: ну, вот, значит, гм, так-так и т. д. Паузы рассматриваются как дискретные единицы более длительного дискурсивного сегмента – молчания, ещё одного коммуникативно значимого явления паралингвистики, с трудом поддающегося интерпретации представителями чужой культуры. Например, в китайской лингвокультуре молчание в ответ на вопрос служит контекстуализирующим указателем на то, что обсуждаемая

тема неприятна собеседнику или он не готов её обсуждать. В японском коммуникативном стиле молчание как «нулевой речевой акт» (Богданов, 1986) представляет собой неотъемлемую составляющую процесса общения. По наблюдениям И.А. Стернина, в русском групповом общении молчание, как правило, недопустимо. В компании, в гостях, за столом, не принято молчать (Стернин, 2001: 204).

Приведённые в параграфе примеры демонстрируют разные аспекты проявления национального коммуникативного стиля, распознаваемые коммуникантами в межкультурном взаимодействии как индикаторы чужеродности.

Итак, национальный коммуникативный стиль репрезентируется в коммуникативном поведении языковой личности, а конкретнее, в культурно обусловленной дискурсивной деятельности носителей языка.

Не подлежит сомнению, что основная доля дискурсивной специфики в разных языках и культурах обусловлена именно особенностями национальных коммуникативных стилей, образующих своего рода стержневое основание дискурсивных практик языковой личности.

3.3. Коммуникативный стиль и *lingua franca* в межкультурной коммуникации

В сегодняшнем поликультурном и полиязыковом мире **общение** представителей разных лингвокультур всё чаще происходит на **языке-посреднике или третьем языке**. В какой-то мере данная реальность отвечает давней, идеальной мечте человеческого общества о создании единого универсального языка как средства взаимопонимания между культурами и народами. Именно это желание вступать в коммуникацию несмотря на языковые барьеры способствовало, начиная с XVII в., разработке искусственных языков, претендующих на всеобщность и унифицированность. Одним из самых известных и распространённых искусственных языков считается Esperanto, с более чем двумя миллионами говорящих на нём людей. Эсперанто задумывался, однако, не с целью вытеснения родного языка, а только лишь как второй язык. Как показывает история, идея об универсальном средстве общения, способном восстановить довавилонскую языковую общность народов, осталась фикцией.

В последние десятилетия, тем не менее, на роль *lingua franca* в силу ряда объективных причин всё более претендует английский язык (English as *Lingua franca* – ELF) как наиболее вероятный кандидат на положение глобального языка (Crystal, 1997: 3-8). По приблизительным данным на английском языке могут говорить от 1,2 до 1,5 млрд человек в мире, что составляет почти четверть человечества. При этом для самой многочисленной группы людей, пользующихся английским*, он не является родным (non-native-speakers), а выбирается ими как язык-посредник в профессиональном общении с носителями других языков и культур (Seidlhofer, 2000: 141). Безусловно, можно говорить о разных вариантах языкового посредничества во многих частях мира (например, немецкий язык в Европе в общении между представителями бывшего восточного блока государств и т.д.), но объём распространения этих вариантов намного меньше по сравнению с использованием английского языка.

Общение на *lingua franca* обеспечивается знанием общего языкового кода, универсального для данной конкретной ситуации. При этом возникает проблема, релевантная для успешного осуществления межкультурного взаимодействия, а именно, нормы и правила какого коммуникативного стиля проявляются или должны проявляться в таком общении.

Каждый из коммуникантов привносит в процесс взаимодействия свой коммуникативный стиль, усвоенный в ходе инкультурации в рамках родной культуры, кроме того, коммуникация в некоторой мере регулируется той языковой картиной мира, которая «присваивается» вместе с изучением иностранного языка. В связи с этим, можно говорить о разных сценарных вариантах развития интеракции в зависимости от того, будут ли партнёры по *lingua franca* стремиться к обоюдному приспособлению, стараясь придерживаться некоего усреднённого коммуникативного стиля, удовлетворяющего участников такого общения; перейдут ли на стиль, типичный для чужого культурного окружения, либо каждый из них будет действовать только в соответствии с нормами коммуникации, принятыми в родной лингвокультуре.

* Как отмечают исследователи (Glaser, 2003: 79), некоторое время существовала тенденция рассматривать английский в качестве *lingua franca* как пиджин-английский (гибридный язык). Однако, масштабы его употребления в экономической, политической, научной сферах во всём мире, высокий уровень языковой компетенции говорящих неносителей языка сделали такой подход несостоятельным.

Один из любопытных примеров, иллюстрирующих пересечение национальных коммуникативных стилей в эпизоде межкультурного научного дискурса на ELF, описывают немецкие лингвисты: «В рамках академических дискуссий необычное коммуникативное поведение продемонстрировали японские участники, которые в противоположность нашим ожиданиям, связанным с принятым у японцев стилем научного дискурса, проявили себя при обсуждении прозвучавшего доклада резко конфронтативно и явно оскорбляющее. Лишь достаточная компетенция в области интеркультуралистики позволила выступавшему докладчику проинтерпретировать реакцию японских коллег не как личное оскорбление, а как форму «межкультурной гиперкорректности», выразившейся в далеко зашедшем приспособлении японцев к предполагаемым западным дискуссионным нормам» (ср. Knapp, Knapp-Potthoff, 1990: 78). В данной ситуации неожиданный выбор одной из сторон (независимо от используемого языкового кода) коммуникативного стиля своих партнёров по общению, вызвал скорее осложнение в коммуникативном процессе и стал, по сути, причиной межкультурного недоразумения. Таким образом, результатом наслоения стилей коммуникации разных культур могут быть, как полный коммуникативный сбой, так и благополучное завершение интеракции.

Немногочисленные известные работы, анализирующие коммуникацию на *lingua franca*, рассматривают исключительно специфику употребления английского языка как межкультурного посредника (Cristal, 1997; Firth, 1996; Ogden, 1930; Quirk, 1982; Seidlhofer, 2001). Полученные результаты, однако, дают представление об общих тенденциях общения на третьем языке, а сделанные выводы могут быть экстраполированы на ситуации, где в качестве *lingua franca* выступает любой язык. По наблюдениям исследователей, коммуникация, опосредованная третьим языком, в значительной мере ориентирована на консенсус, взаимную поддержку и общую стратегию терпимого отношения к языковым и коммуникативным ошибкам („let it pass“). При этом допущение грамматических, фонетических, лексических неточностей остаётся без внимания до тех пор, пока это не нарушает понимания и не ведёт к серьёзным недоразумениям в процессе интеракции. В противном случае коммуниканты прибегают к дополнительным уточняющим вопросам и переспросам. В целом, взаимодействуя в таком формате, говорящие значительно реже, чем это бывает в коммуникации с носителем языка, исправляют друг друга или завершают чужой коммуникативный ход.

Использование упрощённых вербальных форм в общении на *lingua franca* по-своему отражается на коммуникативном поведении партнёров. В диалоге, например, его участники выступают скорее как инициаторы высказываний, чем как активные реципиенты. В силу этого такая коммуникация характеризуется недостаточным чередованием коммуникативных ролей и редкой сменой тем, что, соответственно, отличает коммуникативный стиль общающихся на языке-посреднике от стиля носителей этого языка.

В межкультурных контактах на *lingua franca* собеседники демонстрируют разные коммуникативные стратегии, пытаясь преодолеть пробелы в языковой компетенции. Часто используются описательный способ или объяснение с помощью переключения кода, когда говорящий переходит на родной язык. Комический эффект при этом вызывает формулирование вопроса на своём языке с целью выяснения у иноязычного партнёра необходимого иноязычного термина.

Существенную трудность межкультурного общения на *lingua franca* представляют эксплицитно невербализованные значения и смыслы, такие как «конверсационные импликатуры» (Grice, 1975), иронические замечания, косвенная критика, так называемые *Pore-Q*-ответы, причисляемые к категории риторических вопросов, и другие культурно-обусловленные дискурсивные явления. Способность слушающего понимать не только высказанное, но и подразумеваемое содержание, адекватная интерпретация услышанного и соответствующая на это реакция предполагают в идеале наличие у партнёров общих пресуппозиционных знаний, или хотя бы достаточной общей коммуникативной компетенции. Например, на косвенный вопрос, с которым иностранец обращается на улице к носителю немецкого языка: „Entschuldigen Sie, wir möchten gern Mittag essen“, – как правило, последует ожидаемая обратная связь: „Ja, gleich 50 Meter von hier auf der anderen Straßenseite ist ein nettes Restaurant“. Однако имеющая здесь место логическая импликация может быть не распознана при коммуникации на *lingua franca*, так как неноситель языка, скорее всего, сосредоточится на буквальном значении фразы, а не на её выводном смысле. Ещё более проблемной считается реализация речевого акта, включающего уже упомянутый „*Pore-Q*“-ответ. Данная речевая стратегия, выделенная на материале английского языка, подразумевает обратную реакцию «Да, разумеется» или «Нет, конечно». Её номинация восходит к прототипическому вопросу: „Is the Pope Catholic?“, который обычно используется вместо от-

вета на очевидный вопрос (например, на вопрос „Do you think Pete will come home late tonight?“ может последовать ответ „Does the sun come up in the east?“). Однако такой уровень общения на третьем языке требует высокой культурно-коммуникативной компетенции.

Особую роль в достижении взаимопонимания в межкультурном взаимодействии на *lingua franca* играет ситуационный контекст. Чем больше точек пересечения имеют коммуниканты в отношении контекста общения, тем меньше конфликтный потенциал такого общения. Перечисленные факторы тесно взаимосвязаны с аспектом симметричности vs. асимметричности отношений коммуникативных партнёров, известным из общей теории коммуникации. Принимая *lingua franca* за константную величину во взаимодействии коммуникантов, не знающих языка друг друга, выделим вариативные параметры, влияющие на процесс и результат такого коммуникативного акта. Определённое значение в интеракции, опосредованной третьим языком, имеет фактор территории или местонахождения коммуникантов. В этом смысле очевидны две типичные ситуации локализации взаимодействия:

1) оба партнёра в чужом культурном окружении (например, китаец и русский в Германии – общение на немецком);

2) один партнёр в чужой лингвокультуре – второй – в родной лингвокультуре (например, немец и японец в Японии или русский и немец в России – общение на английском).

Первый вариант общения отмечен более симметричными отношениями, поскольку проявления стилей коммуникации в этом случае не носят ярко выраженного противопоставления. Нахождение в чужой культуре, так или иначе, диктует личности необходимость приспособления своего коммуникативного поведения к нормам и правилам данного окружения. Ситуация, когда один из участников интеракции на языке-посреднике находится в родной культуре, сопряжена с его имплицитным или даже эксплицитным доминированием в коммуникации, что, как правило, очевидно для партнёра-гостя.

Определённую роль в формировании облика коммуникативного взаимодействия на *lingua franca* играет сумма таких факторов, как языковая (в плане владения иностранным языком), энциклопедическая (знания о мире и ситуации, которые могут стать содержанием языкового общения) и общая интерактивная компетенции коммуникантов. Явное преимущество по этим позициям одного из них нарушает симметричные отношения.

При анализе степени асимметрии в обсуждаемом типе коммуникации можно говорить и о разнице культурно-коммуникативной дистанции между представителями контактирующих культур. И.Э. Клюканов выделяет пять видов дистанции, определяющих отношение к чужой культуре: пренебрежение, уклонение, равнодушие, восприимчивость, равенство (Klyukanov, 1999), соотносимые в известной степени с этапами развития межкультурной сензитивности в модели М. Беннета: отрицание, отвержение, минимизация, признание, адаптация, интеграция межкультурных различий (Bennet, 1986). В целом коммуникативное партнёрство, степень приспособления к коммуникативному стилю собеседника в общении на *lingua franca* напрямую зависят от позиционирования себя в отношении восприятия культуры партнёра.

3.4. Базовые характеристики дискурсивной актуализации национального коммуникативного стиля

Наиболее релевантно противопоставление стилей коммуникации по параметру «контекстность культур» (низкий контекст/высокий контекст в терминологии Э. Холла, 1983), определяющему прямой или непрямой способ выражения сообщения. В специальной литературе встречается также оппозиция эксплицитный/имплицитный стили (терминология Деморгона, 1989). Анализ содержания названных дихотомий свидетельствует о совпадении их основных характеристик в отношении коммуникативного стиля. При этом термин «контекстность»^{*} трактуется, как показывают исследования разных авторов (см. Hall, 1983; Стефаненко, 2000; Glaser, 2003; Laeys, 2003), не совсем однозначно. Модель контекстности Холла соотносится прежде всего с социальными отношениями в коммуникативном процессе. А именно, речь идёт о плотности (возможно, более удачно в этом случае слово интенсивность – К. Л.) социального взаимодействия. Чем интенсивнее информационные обмены между людьми, тем выше степень информированности участников коммуникации, что соответствует имплицитному стилю высококонтекстных

^{*} В данном случае мы намеренно разграничиваем «контекстность» и понятие «контекст», относящееся к теории коммуникации, которое, впрочем, также не имеет однозначного толкования у разных авторов.

культур. В культурах с низким контекстом, а значит преимущественно с эксплицитным стилем коммуникации, интенсивность сетей общения между членами социума невелика, что обуславливает их слабую информированность и потребность в дополнительных сведениях или знаниях.

В интерпретациях других авторов дифференциация стилей на основе контекстности коммуникации определяется, главным образом, по участию невербального контекста в ситуации интеракции, роли невербального поведения участников общения. В культурах с высоким контекстом особая значимость придаётся форме сообщения, тому, *как*, а не тому, *что* сказано. В культурах с низким контекстом высоко ценится *содержание* коммуникации, вербализуемое её участниками. В.В. Красных предлагает, с точки зрения собственно лингвистики и этнопсихолингвистики, использование в этом случае антиномии: с одной стороны – ситуативно обусловленное и контекстно ориентированное общение, и ситуативно независимое и контекстно свободное общение – с другой (Красных, 2003: 325).

В рамках нашего исследования принимается версия комплексного подхода к понятию «**контекстность**», что подразумевает его широкое толкование, включающее в семантику термина как объём информации, окружающей деятельность человека, и способы обмена данной информацией, так и роль невербального контекста в коммуникации.

Вербальный стиль *низкоконтекстной коммуникации* несёт на себе отпечаток индивидуалистских ценностей и линейного логического способа мышления. Это прямой эксплицитный коммуникативный стиль, ориентированный на адресанта. Главное значение в общении такого рода придаётся сказанному слову, содержанию сообщения, а не тому, как это сказано. Говорящий стремится наиболее точно, ясно и прямолинейно выразить своё мнение, свои мысли и интенции, вербально эксплицировать всю релевантную информацию, чтобы слушающий мог понять её достаточно однозначно, не прибегая к интерпретациям и домысливанию. Как отмечает Т.Г. Стефаненко, для низкоконтекстных культур характерен когнитивный стиль обмена информацией, при котором значительные требования предъявляются к беглости речи, точности использования понятий и логичности высказывания коммуникатора. Чтобы выделиться внутри группы и «блистать в обществе», представители подобных культур стремятся развивать свои речевые навыки (Стефаненко, 2000: 156). По мнению многих исследователей, прямой эксплицитный стиль

доминирует в немецкоязычном мире, английской и американской лингвокультурах, а также в скандинавских странах. Однако все феномены культуры, в том числе национальный коммуникативный стиль, не являются абсолютными величинами. Особенности их проявления зависят в значительной степени от специфики взаимодействующих лингвокультур, в этой связи можно говорить о разной степени выраженности тех или иных черт стиля в межкультурных контактах. Поэтому несмотря на то, что как немецкий, так и американский коммуникативные стили считаются стилями низкоконтекстной коммуникации, исследования выявляют определённую разницу их актуализации (см. Burnes, 1986). Так, немцы по сравнению с американцами характеризуются более высоким уровнем прямоты высказываний и дискурсивной вовлечённости, концентрацией коммуникативного фокуса на информативность и истинность. Немецкий акцент на содержание коммуникации соперничает с американским стремлением соблюдать коммуникативные нормы дружелюбных межперсональных отношений, поддерживая тем самым позитивную атмосферу общения. В переговорах американцы рассматривают тематическое обсуждение чаще как возможность создания социальных связей, чем как поиск решения. Такое несоответствие коммуникативных стилей закономерно вызывает обоюдные стереотипные представления: «немцы – агрессивны и эгоцентричны», «американцы – поверхностны». При этом, как отмечает американский автор, осознание разницы стилей коммуникации помогает понять, что «немцы не менее социальны, чем американцы, но они выражают свою социальность по-другому» (там же: 195–202).

Коммуникация, детерминированная стилем **высококонтекстной культуры**, ориентирована в большей степени на получателя сообщения, адресата. Непосредственно к его компетенции относится умение «читать между строк» и самостоятельно интерпретировать сказанное, поскольку говорящий, активно использующий также невербальный код, намеренно отдаёт инициативу раскодирования посланной информации слушающему (Glaser, 2003: 84). Процесс высококонтекстной коммуникации в значительной мере связан с многочисленными экстралингвистическими факторами. Имплицитно в общение «вплетены» исторический контекст, социальные нормы и роли, статус коммуникантов, характер отношений между ними и многое другое. Высокая зависимость коммуникации от контекста, проявляющаяся в скрытых намёках, иносказательности, образных сравнениях, расплывчатости и некон-

клетности речи, избытки некатегоричных форм высказывания, слов типа «*может быть*», «*вероятно*» etc. характеризует не прямой (косвенный), имплицитный коммуникативный стиль культуры. Данный стиль относится к такому характеру сообщений, когда говорящий в ситуации общения скрывает или камуфлирует свои истинные намерения с целью интерактивного конструирования гармоничных социальных отношений и максимального преодоления конфронтации в коммуникативном взаимодействии. Имплицитный стиль высококонтекстной коммуникации свойственен восточноазиатскому лингвокультурному пространству, арабским странам, а также большинству южно-европейских народов. Следует отметить, что это преимущественно культуры с коллективистскими ценностями.

Достаточно большое количество исследований, особенно американских и европейских авторов, занимающихся изучением культурно-детерминированной специфики коммуникации, традиционно посвящается выявлению особенностей японского и китайского коммуникативных стилей как ярких представителей восточных высококонтекстных культур по сравнению с кардинально противоположными стилями стран Северной Европы и США. Так, обсуждаются различия по степени выражения прямоты стратегии несогласия и отказа, часто являющиеся причиной межкультурных диссонансов. По данным немецкого лингвиста С. Гюнтнер (Günthner, 1986; 1988; 1993), изучавшей «столкновения» немецкого и китайского стилей коммуникации, открытый, эксплицитный сигнал возражения или несогласия в общении можно считать специфически европейским элементом прямого коммуникативного стиля. Особенностью китайской дискурсивной техники является почти неуловимое, сублильное выражение несогласия, которое в ситуациях обсуждения редко распознаётся таковым западными партнёрами. Опытные переводчики, работающие на встречах представителей китайских и немецких предприятий, прибегают в таких случаях к метакоммуникативному ходу, вербализуя косвенные интенции китайской стороны: «Die Chinesen sind mit Ihren Vorschlägen nicht ganz einverstanden». В этой связи немцы используют для характеристики китайского коммуникативного стиля понятия «Undurchschaubarkeit», «Zirkularität», «um den Brei reden», «unlogische Äußerungen» (Young, 1986: 8).

Как отмечает С. Гюнтнер, коммуникативные идеалы представителей китайской языковой культуры – гармония и «сохранение лица» – определяют основные черты их косвенного коммуникативного стиля,

например, традиция не отвечать на неудобные вопросы, склонность в общении к медленному развёртыванию фоновой информации, предшествующей переходу к главной теме с целью предотвращения конфронтации. Важной стратегией китайского стиля коммуникации является принцип Pi Lao Zheng («усталость в борьбе»), смысл которого заключается в целенаправленном затягивании времени обсуждения и попытке тем самым выиграть переговорный процесс (Günthner, 1993: 310–314).

Имплицитность коммуникативного стиля отражается также и в специфичной конструкции китайских предложений. Так, например, в обычном высказывании появлению агенса или действующего лица предшествует длительное описание каузальности (причинности) события. При этом основной проблемой западных реципиентов в восприятии подобных фраз является отсутствие навыка толкования «контекстуализирующих указателей» (термин: Cook-Gumperz, 1976): союзов «так как», «потому что» для разъяснения фоновой информации; «поэтому» как сигнала основного аспекта темы (Günther, 1993: 311). Типичное китайское объяснение построено примерно таким образом: «*Так как шёл сильный дождь и улицы были затоплены водой и так как, кроме того, на почте перед кассой стояло много людей, а кассу закрыли ещё до того, как дошла моя очередь, я не смог отправить посылку*» (Ting-Toomey, 1999). Неискушённый в культурных стилях европеец поймёт это высказывание как хитрую отговорку или притворство. Интерпретация услышанной фразы, например, со стороны британца, совершенно не совпадёт с интенцией представителя китайской культуры, поскольку версия этого предложения в стиле английской коммуникации будет краткой, ясной и однозначной: «*I couldn't mail the package because the window at the post office closed before it was my turn*». Однако для слуха собеседника из китайской культуры манера общения британца граничит с невежливостью и нескромностью (там же).

Часто косвенный имплицитный стиль описывается на примере коммуникативного поведения японцев. Ориентация на партнёра по дискурсивному взаимодействию заложена в самом строе японского языка. Как отмечает Т. Стефаненко (Стефаненко, 2000: 156, 157), нормативность местоположения глагола в конце фразы помогает жителям Страны восходящего солнца соблюдать вежливость и сохранять гармонию межличностных отношений. Говорящий, увидевший реакцию на свои первые слова, имеет возможность смягчить фразу или даже полностью изменить её первоначальный смысл. В деловых взаимоотношениях японцы

обычно ведут разговор «вокруг да около», долго обсуждая незначительные детали и «передвигая» основной предмет дискуссии на заключительную часть встречи. Эта коммуникативная стратегия позволяет им лучше узнать о намерениях партнёров, чтобы либо подладиться к ним, либо противостоять, не уронив при этом достоинства противоположной стороны. По поводу японского стиля общения интересные метафоры приводит Вс. Овчинников: «... кажущаяся податливость японской натурь подобна приёмам борьбы дзюдо: уступить натиску, чтобы устоять, то есть идти на перемены, с тем, чтобы оставаться самим собой», а также «вежливость японцев подобна смирительной рубашке, стесняющей словесное общение между людьми» (Овчинников, 1988: 9, 106). Особенностью имплицитного стиля коммуникации в японской культуре является обычай не употреблять в разговоре слова «нет», стремление всячески уходить в своей речи от прямых вопросов и ответов, о чём ярко и подробно пишет в своей книге Вс. Овчинников: «... люди всячески избегают слов «нет», «не могу», «не знаю», словно это какие-то ругательства, нечто такое, что никак нельзя высказать прямо, а только иносказательно, обиняком» (там же: 104). Вместо «нет» японцы используют всевозможные мягкие обороты-отрицания: *«Я прекрасно понимаю Ваше идущее от сердца предложение, но, к несчастью, я занимаю иное положение, чем Вы, и это не позволяет мне рассмотреть проблему в нужном свете, однако я обязательно подумаю над предложением и рассмотрю его со всей тщательностью, на какую способен»* (Цветов, 1991: 287).

Итак, оппозиция национальных коммуникативных стилей по параметру прямой/непрямой проявляется ярко выраженным фактом, осложняющим процессы межкультурных контактов. Резюмируя, можно предположить, что доминирующий в индустриальных западных лингвокультурах прямой эксплицитный стиль коммуникации обусловлен общим подходом к языку и общению как к деятельности в смысле «doing things with words» (Austin, 1962; Searl, 1969) и такими ценностными признаками дискурса (Карасик, 2002: 271), как его содержание и целесообразность. Косвенность и имплицитность коммуникативного стиля, распространённого в обществах другого типа, определяются социальными установками в коммуникации, сконцентрированными на поддержание неконфронтативной интересубъективности.

Логично дополняющей вышеописанные коммуникативные стили является дихотомия **рациональный vs. интуитивный** вербальные стили, критерием противопоставления которых является направленность

коммуникатора. Рациональный стиль коммуникации ориентирован на говорящего и на конечную цель интеракции. Такой стиль присущ аргументированному, насыщенному фактами общению. Для интуитивного стиля характерна ориентация на слушающего и процесс коммуникации. Интуитивный стиль опирается на аналогии, сходства, используемые для убеждения и получения одобрения партнёра.

Рациональный стиль проявляется в стратегиях самопрезентации и самоутверждения личности, открытости коммуникативного поведения в дискуссиях. Фактическая информация чётко вербализуется, независимо от того, как она воспринимается адресатом. Поскольку интуитивный стиль регулирует общение, направленное на слушающего, его характерной чертой является осторожность высказываний, размывание значений, неточности и уклонение от прямых формулировок, в которых потенциально заложено оскорбление воспринимающего речь. При этом подразумеваются необходимость постоянной интерпретации сказанного, наличие скрытого смысла в каждом слове или фразе.

Исследователи соотносят рациональный коммуникативный стиль с индивидуалистскими низкоконтекстными культурами, а интуитивный – с высококонтекстными коллективистскими культурами (Gudykunst, 1988: 115; Park, 1994: 121).

Согласно следующей антиномии выделяются **точный (exacting style) и детальный (elaborate style)** коммуникативные стили (ср. Gudykunst at. al., 1988: 105), отражающие в целом степень выразительности речевого общения. Точный стиль отличается целенаправленностью, ясностью и чёткостью высказывания, тенденцией к такому дозированию информационных вкладов коммуникантов, при котором информации выдаётся «ни больше, ни меньше», чем этого требуется в данной конкретной ситуации.

Детальный* стиль коммуникации характеризуется экспрессивностью, насыщенностью, многочисленными выразительными средствами речи: метафорами, эпитетами, гиперболами, сравнениями в превосходной степени, разного рода идиомами, намёками и т. д. Подобная многоречивость, включающая также «окольные» вступления, подробные описания обстановки коммуникации (места, времени, внешнего окружения) и участвующих в ней лиц, требует более длительного времени для реа-

* Для обозначения данного коммуникативного стиля в русском языке используются также понятия: развитый (см. Орлова, 1994: 101), искусный или вычурный (Лебедева, 1999: 152).

лизации дискурсивного события, чем общение с использованием точного коммуникативного стиля. Согласно исследованиям американских учёных, детальный стиль коммуникации является ведущим в высококонтекстных лингвокультурах большинства арабских стран, представляющих, как правило, коллективистские сообщества со средним или низким уровнем терпимости к неопределённости. Точный коммуникативный стиль распространён в низкоконтекстных индивидуалистских обществах, таких как Великобритания, Германия, США, Нидерланды, Австралия, имеющих высокий или средний уровень терпимости к неопределённости (Gudykunst, 1988).

Известна близкая по подходу оппозиция культурно обусловленных характеристик общения, обозначенная Д. Левиным как *определённость – двойственность*. При этом однозначная вербальная коммуникация трактуется как аффективно нейтральная, цель которой – получить ясное представление о факте, смысле, чувствах или ожиданиях собеседника. Однозначность здесь служит средством лишения речи её экспрессивной окрашенности и внушающих функций. Двойственная или амбивалентная по смыслу коммуникация, напротив, служит средством «расцветивания» и многократного усиления передаваемого чувства или эмоции. Смысловая амбивалентность вызывает посредством юмора и шуток широкую гамму чувств у слушателей, палитру эмоциональных реакций, а тайная двусмысленность способна быть «оружием сокрушающей силы» (Левин; цит. по: Лебедева, 1999: 150).

В ряду названных находится ещё одна, по сути, подобная антиномия стилей общения, выделенная голландским исследователем Ф. Тромпенарсом на основе противопоставления *нейтральных и аффективных* лингвокультур (Trompenaars, 1993). В качестве критерия разграничения автор рассматривает степень выражения сильных чувств и эмоций в ситуациях общественного дискурса в той или иной культуре. В нейтральных языковых культурах существует тенденция управлять проявлениями эмоций в рамках институциональной коммуникации, уделяя основное внимание в дискуссиях и переговорах фактической аргументации. В культурах с ориентацией на аффективную коммуникацию считается вполне допустимым проявление спонтанных чувств. Демонстрация в общении человеческих реакций, таких как громкий смех, гневный удар кулаком по столу, вскрики и рыдания, воспринимается как социальная норма. Особен-

ностью данного варианта оппозиции можно считать привлечение к анализу не только вербальной, но и экстралингвистической составляющей коммуникативного стиля.

Ещё одна значимая для процесса межкультурного взаимодействия базовая пара – **лично-ориентированный и статусно-ориентированный** стили коммуникации. Явно выраженный в коммуникативном стиле говорящего вербальный сигнал своей индивидуальной идентичности, например, предпочтения в выборе дейктических элементов («я», «мой»), свидетельствует о его лично-ориентированном характере. Статусно-ориентированный стиль прибегает к использованию лингвистических средств, подчёркивающих социально-ролевую идентичность. Системообразующим признаком такого стиля выступает статусная, представительская функция личности. Американские коммуникативисты Л. Самовар и Г. Портер комментируют эти различия так: «В низкоконтекстных культурах происходит идентификация идей с определёнными людьми, их сформулировавшими. Таким образом, говорящих можно различить по степени влияния на других. В высококонтекстных культурах идеи способствуют усилению социального равенства и принижают важность индивидуальности говорящего» (ср. Samovar, Porter, 1991: 152).

Итак, главной чертой личного стиля, превалирующего в культурах с индивидуалистскими ценностями, является концентрация внимания на персональных качествах, заслугах, успехах, квалификациях. При этом положительно воспринимаются высказанные личностные мнения, оценки, предложения («По моему мнению...», «Я считаю...» и т. д.). Язык лично-ориентированного коммуникативного стиля подчёркивает эгалитарные социальные отношения и симметрично-рациональные позиции партнёров по коммуникации, имеющей место в культурах с незначительной дистанцией власти. Статусно-ориентированный стиль отражает иерархически-маркированные социальные отношения и асимметричные ролевые позиции общающихся, распространённые в обществах с большой дистанцией власти (Gudykunst u.a., 1988: 111).

Приведём в этой связи цитату из книги, посвящённой специфике делового дискурса китайской лингвокультуры, демонстрирующую статусно-ориентированный стиль в коллективистском обществе с большой дистанцией власти.

1. Традиционно каждую сторону представляет один говорящий, который, как правило, занимает высшую иерархическую позицию.

2. Этот представитель ведёт переговоры, в процесс которых не вмешиваются его коллеги. При желании высказаться они просят у него слова.

3. Не принято перебивать или «вторгаться» в речь выступающей стороны, выслушивая все пункты предлагаемого выступления.

4. Только после его окончания считается возможным задавать вопросы и уточнять интересующие моменты.

5. Не требуется отвечать сразу на все вопросы. Можно перенести их обсуждение на более поздний срок или вообще оставить их без внимания.

6. Важной признаётся атмосфера порядка и гармонии в деловом общении, которые сохраняются посредством статусно-ориентированного вербального коммуникативного стиля. При этом механизмом его обеспечения могут быть переформулировки высказываний, выбор альтернативных лексических вариантов, создающих возможность партнёрам сохранить в переговорном процессе своё «публичное лицо» (ср. Helms, 1986: 25).

Соотнесение обозначенных коммуникативных стилей с определённым типом культур показывает, что в индивидуалистских обществах с небольшой дистанцией власти (в США, Австралии, в странах Северной Европы) регуляция отношений осуществляется преимущественно посредством лично-ориентированного вербального взаимодействия. В коллективистских культурах с большой дистанцией власти (в странах Юго-Восточной Азии, Африки) общение регулируется статусно-ориентированным стилем коммуникации.

На фоне выделенных оппозиций вербальных стилей коммуникации отметим ещё одну по аналогии с культурными параметрами **специфичность vs. диффузность** (Trompenaars, 1993) как невербальное проявление коммуникативного стиля, что коррелирует определённым образом с представленными выше невербальными стилями. Суть данного противопоставления заключается в степени коммуникативной активности и открытости личности не только в рамках институциональных дискурсов, но и за его пределами, т. е. в ситуациях бытового, повседневного общения. Так, в специфически ориентированных культурах коммуникативное взаимодействие в институциональной сфере, как правило, не распространяется на другие области жизни, например, совместный отдых, приглашение в гости и т. д. В противоположность этому в так называемых диффузных культурах велика роль неформального общения. Распространённой нормой здесь считается коммуникативная от-

крытость, контактность коллег по профессии, которые поддерживают активные отношения также и в контексте личностного бытового дискурса. Очевидно, что названные аспекты в числе прочих отражают особые черты коммуникативных стилей в разных типах культур.

Как показывают эмпирические исследования, в реальном функционировании национального коммуникативного стиля в каждой лингвокультуре проявляется диалектическая взаимосвязь коррелирующих характеристик стилей, выступающих как аспекты единого целого.

3.5. Проблема моделирования национального коммуникативного стиля

3.5.1. Особенности русско-немецкой коммуникации как отражение своеобразия национальных коммуникативных стилей

Поскольку природа коммуникативного стиля определяется природой коммуникации, а его своеобразие проявляется на фоне взаимодействия представителей разных лингвокультур, логично говорить о возможности изучения особенностей национального коммуникативного стиля на основе межкультурного сопоставления. В данном параграфе рассматривается культурная специфика немецкого общения в сравнительной перспективе с особенностями русской коммуникации как иллюстрация приведённых выше теоретических положений.

Спектр описания специфики и различий в коммуникативных сферах русской и немецкой лингвокультур достаточно широк. При этом в фокусе анализа отечественных и зарубежных учёных оказываются как языковые, так и дискурсивные, коммуникативные явления.

Как отмечает И.А. Стернин, фактов проявления национальной специфики в общении того или иного народа к настоящему времени накоплено множество, в высшей степени актуальным в этой связи является обобщение этих фактов для определённой национальной культуры (Стернин, 2002: 4). Предложенная отечественным лингвистом концепция системного описания особенностей коммуникации конкретного народа представляет собой описание коммуникативного поведения этого народа. В частности, на основе разработанных в русле данной концепции ситуативной и параметрической моделей И.А. Стернин и Ю.Е. Прохоров

представляют опыт описания русского коммуникативного поведения, выделяя его наиболее яркие дифференциальные черты в сопоставлении с западным стандартом (Прохоров, Стернин, 2002).

Языковой аспект применительно к исследованию культурной обусловленности русской коммуникации рассматривается авторитетными лингвистами в отношении лексики, грамматики, синтаксиса (Вежбицкая, 1997; Падучева, 1997; Эккерт, 2002). Широко известны работы Н.В. Уфимцевой в области психолингвистики, изучающей образы русского языкового сознания (Уфимцева, 1996, 2000а, 2000б).

В рамках лингвокультурологии, лингвоконцептологии и межкультурной коммуникации выделяются сопоставительные, компаративные исследования, предоставляющие перспективный материал для анализа русско-немецкой коммуникации. Так, представляют большой интерес нормативная сторона картины мира, репрезентированная в наивном сознании носителей немецкого и русского языков (Бабаева, 2003); эмоциональные концепты как многомерные вербализованные мыслительные конструкты человеческого сознания в русской и немецкой лингвокультурах (Красавский, 2001); описание русской и немецкой концептосфер на основе ключевых концептов этих народов (Межкультурная коммуникация, 2001). Объектом рассмотрения в контексте современной прагматической лингвистики являлась немецкая общественно-политическая речь как разновидность речевой коммуникации, отражающей закономерности сложного феномена национальной культуры (Юдина, 2001).

Нелишне упомянуть также культурологические работы немецких авторов, знакомящих своих соотечественников с русским деловым миром и его традициями, с особенностями коммуникативного взаимодействия с русскими партнёрами и стратегиями общения в русской среде (Baumgart, Jänecke, 2000; Denz, Eckstein, 2001). Таким образом, небольшой обзор исследований, посвящённых культурной маркированности коммуникативного процесса в русской и немецкой лингвокультурах, а также специфике их взаимодействия, иллюстрирует привлечение к анализу межкультурного общения коммуникативных, лингвистических, психолингвистических и культурологических подходов.

Следующие наблюдения в отношении немецкого коммуникативного стиля систематизированы с точки зрения выделенных ранее основных макрокатегорий культурно-коммуникативных различий.

Для современного фона взаимоотношений русских и немцев характерна интенсификация контактов на политическом, общественном, эко-

номическом и образовательном уровнях. Эффективность этих контактов находится, однако, как свидетельствуют многочисленные примеры, в отрицательной корреляции к интенсивности. Это в меньшей степени затрагивает сферу официального общения государственного уровня, регулируемого нормами международных стандартов, особого протокола и этикета. Межкультурные недоразумения и конфликты возникают чаще всего в ситуациях производственного сотрудничества, переговоров между представителями бизнеса, взаимодействия по линии образовательных программ.

Часто проблемы непонимания сопровождают также контакты между русскими и немцами на уровне повседневного межличностного общения. При этом речь идёт не только и даже не столько о знании иностранного языка. В большинстве случаев неудачи происходят из-за того, что участники коммуникативного акта выстраивают своё поведение в соответствии с нормами и правилами национального коммуникативного стиля, сформировавшегося в результате процессов инкультурации в рамках собственного лингвокультурного окружения. Кроме того, во внимание мало принимается разница в видении мира, в подходах к организации дела, в культурно обусловленных коммуникативных стратегиях и тактиках.

Оценивание взаимных коммуникативных неудач происходит часто только на эмоциональном уровне и не основывается на объективном анализе происходящего, на знании и понимании культурных различий, которые детерминируют национальные коммуникативные стили и, соответственно, дискурсивное поведение представителей двух культур в ситуациях межкультурного общения.

В соответствии с названными выше культурно-коммуникативными макрокатегориями Германия и Россия имеют разные характеристики по большинству из них. Немецкая культура проявляется как индивидуалистская, с доминирующими маскулинными тенденциями, малой дистанцией власти и относительно невысокой терпимостью к неопределённости. В русской культуре на фоне немецкой традиционно сильны коллективистские тенденции, большая дистанция власти; преобладают, как правило, феминистские ценности. Порог терпимости к неопределённости по индексу мало отличается в обеих культурах, но имеет в реальности разные формы выраженности и свою специфику в проявлении.

Данные типизированные особенности двух культур можно рассматривать как основу для их сравнения.

Как носители индивидуалистских либо коллективистских ценностных представлений, немцы и русские по-разному проявляют себя в коммуникации, сотрудничая в тех или иных структурах. Как правило, немецкие коллеги предпочитают дискуссионность общения, допуская конфликтную тематику, стратегии конфронтации по отношению к мнению других, критический подход к выработке решений: *«Ich kann durchaus meine Meinung vertreten»*, *«Er hat Durchsetzungsvermögen»*, *«Ich behaupte...»*, *«Dies ist meine Theorie»*, *«Das Thema haben wir heute nicht fertig gekriegt»*. Характерно для них чёткое разграничение проблемы и личности, что часто идентифицируется в русской среде, для которой смешение межличностных отношений и служебных ситуаций не редкость. Эффективность для немецких коллег заключается преимущественно в правильности, полезности и качественности принятого решения, а не в соблюдении статусной иерархии и обеспечении бесконфликтности общения, что часто встречается в русской коммуникации.

Одна из ярких особенностей коммуникации в системе русской культуры – существенная разница в стиле общения со «своими» и «чужими». Разделение на «своих» и «чужих» имеет здесь, как отмечает Ю. Рот, функцию поддержания групповой идентичности (Roth, 2003: 120). При этом граница между «ингруппой» и «аутгруппой» поддерживается переклещением регистра коммуникации. Русские всегда общаются с иностранцами по-другому, чем с членами своих групп. Это выражается, например, в подчёркнутой вежливости с частым использованием речевых актов комплиментов и извинений, в чрезмерной опеке иностранных гостей через постоянное предложение своих услуг, особой предупредительности к ним и подчёркнутым выделением их во всём. Подобное коммуникативное поведение часто воспринимается представителями других, особенно западных культур, как излишняя навязчивость, покушение на их самостоятельность и автономию.

Русским трудно представить себе, что в других культурах, в том числе в немецкой, нормой считается соблюдение равнозначности партнёра по коммуникации, независимо от того, иностранец он или нет. В этом смысле, вероятно, можно говорить о том, что для русской лингвокультуры, используя термины исследователей П. Браун и С. Левинсона, характерна позитивная вежливость. Тогда как в немецкой языковой культуре большое значение имеет негативная вежливость (Brown, Levinson, 1987; Карасик, 1992: 78).

В отличие от русских, индивидуалистически ориентированные немцы не делают больших различий между отношениями внутри группы и вне группы. Они могут одновременно являться членами разных групп, границы между которыми в вербальном и невербальном выражении жёстко не обозначены, легко рушатся и вновь воссоздаются. Однако в немецкой культуре идентификация с группой и зависимость от неё намного меньше, чем в коллективистской русской культуре. Как отмечают этнологи, эмоционально индивидуалисты обособлены от окружающих и имеют склонность к уединению. Это позволяет им чувствовать себя комфортно в любом окружении или в одиночестве (Roth, 1998).

Поскольку немцы ощущают себя прежде всего как индивидуумы, а лишь затем как члены какой-либо группы, в немецкой культурной традиции высоко ценится зона личной автономии. Это проявляется как на уровне вербальных, так и невербальных сигналов. В частности, немецкое речевое общение отмечено рядом коммуникативных табу речевого и тематического характера, «охраняющих» границы индивидуального «пространства» личности. Так, ряд тем в современном общественном дискурсе Германии маркированы той или иной степенью табуированности, а именно такие темы, как «*Tod*», «*Krankheiten (AIDS)*», «*Gehalt*», «*Nazithemen*», «*Ausländerfeindlichkeit*», «*Judenfeindlichkeit*», «*Intimes*», «*obszöne Dinge*» («смерть», «болезни», «доходы», «нацизм», «враждебность к иностранцам», «еврейский вопрос», «интимные вопросы», «непристойности»), как правило, не приняты к обсуждению между собеседниками. Зона личной автономии в немецкой культуре выражается также в невысокой, по сравнению с русской, степени контактности. Как правило, немцы ведут себя замкнуто, дистанцированно по отношению к незнакомым людям и очень редко сами проявляют инициативу в сближении с иностранцами. Создаётся впечатление, что они абсолютно не заинтересованы в знакомствах. Кроме того, явно выраженная активность иностранного партнёра, проявляемая при знакомстве, может расцениваться ими как назойливость или излишняя навязчивость.

Степень первоначальной сдержанности немцев в межличностных отношениях значительно обусловлена нормой разграничения личной и профессиональной сфер. На рабочем месте действуют достаточно жёсткие правила формальных отношений и официального тона, доминирует Вы-обращение, private дела обсуждаются очень редко и неохотно. Стил и тон общения резко меняются в ситуациях неофициального взаимодействия, например, на вечеринках, праздниках, во время совмест-

ных путешествий и т. д. (Markowsky, Thomas, 1995: 34). В этой связи А. Моосмюллер замечает: «...При публичном обмене мнениями немцы тяготеют к формальной, обезличенной коммуникации. Когда немецкая предметная дискуссия ведётся на публике, эмоций стараются избегать, но она сильно заряжена эмоциями, когда имеет место в личном общении... В частном взаимодействии немцы склонны быть максимально открытыми и проникать в самые глубинные пласты личности партнёра» (ср. Moosmüller, 1995: 201).

В материалах межкультурных тренингов иностранцам часто рекомендуется знакомиться и устанавливать более тесные контакты с представителями немецких деловых кругов на разного рода неформальных встречах и развлекательных мероприятиях. Здесь, однако, тоже может скрываться межкультурный конфликт, на «удочку» которого нередко попадают русские. Приведём пример подобного эпизода из опыта общения русских предпринимателей с их немецкими коллегами.

Стажировавшиеся в Германии представители русского бизнеса были приглашены немецкими партнёрами на небольшую вечеринку с традиционным фуршетом. Атмосфера party «без галстуков» была очень благожелательная и раскованная. На следующее утро при встрече с шефом немецкой фирмы в бюро русские, поздоровавшись с ним по имени и фамильярно похлопав его по плечу, с недоумением «наткнулись» на холодный взгляд и явную дистанцированность отношений. Перенеся настроение неофициальности вчерашнего вечера на уровень делового общения, представители русской лингвокультуры явно не учли разницу дискурсивных норм немецкой культуры в зависимости от формального или неформального коммуникативного контекста.

В русской языковой культуре, где ценятся общение и солидарность, зона приватности выражена не так ярко, как в немецкой. Сближение собеседников возможно до более близкого расстояния, намного чаще допускается «вторжение» в чужое личное пространство (Прохоров, Стернин, 2002: 163; Леонтович, 2002: 166). Это проявляется в коммуникативной активности русских, лёгкости установления контакта с незнакомыми людьми, открытости, способности открыть душу незнакомому человеку. С этими коллективистскими качествами русских коммуникантов связан феномен «кухонного общения» в русской культуре, а также особый тип «вагонного общения» (Леонтович, 2002: 214; Шаповалов, 2001: 435).

Наряду с параметром «индивидуализм/коллективизм» процесс межкультурного взаимодействия опосредован двумя следующими измерениями: «дистанция власти» и «терпимость к неопределённости».

Степень расхождения русской и немецкой культур в отношении иерархического устройства общества и восприятия в нём неравенства очень существенна, что отражается прежде всего в управленческом стиле, способе организации деятельности, а также в коммуникативном поведении подчинённых.

Обозначим возможные случаи непонимания между сотрудниками немецко-русских совместных предприятий, спровоцированные разницей дистанции власти в двухлингвокультурах и, соответственно, предпочтениями в использовании лично- или статусно-ориентированного стилей коммуникации. В пресуппозиции немецкого руководителя согласно принятым в его культуре нормам – ожидание от русских подчинённых индивидуальной ответственности и инициативы в решении проблем. Русские, в свою очередь, настроены только на распоряжения и указания начальника в соответствии с большой статусной дистанцией, типичной для производственных отношений в русской культуре. И наоборот. Немецкие работники воспринимают традиционного русского руководителя слишком авторитарным и некомпетентным. В то же время он расценивает их как недостаточно почтительных, слишком самостоятельных и даже как неуправляемых. Таким образом, взаимные ожидания и реальность не совпадают в связи с отсутствием общего пресуппозиционного фонда.

Скорость и продуктивность принятия решений в ситуациях русско-немецкого сотрудничества также зависят от дистанции власти и статусной иерархии, принятой в России и Германии. Полномочиями по принятию решений с русской стороны наделены обычно только представители, занимающие высокие должности в своих организациях, и чаще всего это высшие управленцы. С немецкой стороны участвовать в выработке и принятии решений могут компетентные специалисты даже среднего звена. Причиной скрытого или явного конфликта в подобных случаях является разница в статусах, которая вызывает у русских партнёров нежелание общаться с «нижестоящими» немецкими коллегами, а у немецких – недоумение по поводу бюрократических проблем русских.

Однако, несмотря на то, что иерархия в немецком обществе поддерживается, в основном, для его формальной организации, отноше-

ние к авторитетам имеет здесь свои устоявшиеся традиции. Нормы общения студентов с преподавателями, работников с начальством носят уважительно-вежливый, сдержанный характер. К вышестоящим принято обращение по фамилии в сочетании с имеющимся титулом: «Entschuldigung, Herr Professor; «Herr Wild, ich möchte...».

В этой связи интерес представляют исследования зарубежных авторов (Clyne, 1995; Wierzbicka, 2001), рассматривающих эту проблему с точки зрения этического подхода (внешней исследовательской перспективы). М. Клайн и А. Вежбицкая отмечают, что в последние десятилетия в немецких речевых стратегиях и, возможно, в лежащих в их основе культурных ценностях произошли изменения. Речь идёт о заметном расширении сферы употребления «фамильярной» формы обращения (*du* вместо *Sie*), а также о более редком использовании титулов (например, *Herr Müller* вместо *Prof. Müller*), что свидетельствует о значительных изменениях в межличностных отношениях в направлении большего равноправия и отказа от формальностей.

Полемизируя с М. Клайном, который связывает изменения в правилах выбора между *du* и *Sie*, особенно среди молодого поколения, с антиавторитарным переворотом, А. Вежбицкая указывает на отсутствие непосредственной семантической связи между этими двумя явлениями: «...в форме *Sie* нет ничего собственно авторитарного. Обращаясь к одним, употребляя местоимение *Sie*, а к другим – *du*, говорящий проводит различие между двумя типами межличностных отношений; грубо говоря, с одной стороны, между отношениями с теми, с кем он хочет общаться как с людьми, которых он хорошо знает или как с равными ему, и, с другой стороны, с теми, с кем он не хочет общаться таким образом. Используя при обращении *Sie*, говорящий совсем необязательно хочет показать, что он расценивает собеседника как обладателя власти» (Вежбицкая, 2001: 165).

Продолжая далее эту мысль, А. Вежбицкая подчёркивает, что вряд ли более редкое использование титулов само по себе свидетельствует об уменьшении числа сторонников авторитаризма. По её мнению, титулы лишь определяют разницу в социальном положении, и тенденция к сужению их употребления в Германии отражает скорее распространение эгалитарных, чем антиавторитарных взглядов. «В одних странах люди могут ценить неравенство и статусные различия, не желая при этом подчинять свою волю воле тех, кого они считают занимающими более высокое положение; в других – люди могут быть готовы подчи-

нять свою волю воле тех, кого они считают представителями «законной власти», не рассматривая их как находящихся выше по своему социальному положению» (Там же: 166).

В Германии, где дистанция власти намного меньше, чем в России, одним из главных принципов жизни является уважение правового порядка. Закон для немцев имеет абсолютный смысл. Здесь нет законов «существенных» и «несущественных». Все законы существенны и важны, все они должны неукоснительно исполняться. И этот вопрос не подлежит обсуждению (Frenkin, 1995).

Данный факт проявляется в высокой регулятивности немецкой культуры. Кажется, что в Германии нет ни одного кусочка действительности, для которого бы не существовало какое-либо правило или ограничение. Все сферы жизни строго регламентированы. Первое, что часто бросается в глаза любому иностранцу в Германии, – это большое количество всевозможных предписаний в форме инструктивных или директивных речевых актов с интенциональным значением запрета. Например: в студенческом городке «*Ballspielen verboten!*»; в городском парке «*Ente füttern bei Strafe verboten!*», «*Naturschutzgebiet: bitte nicht betreten!*», на стене магазина «*Plakatieren verboten!*», в помещении для переодевания на городском пляже «*Essen und Trinken in den Umkleidekabinen ist verboten! Sowie Rauchen*» и т.д. При этом наряду с привычными и прямолинейными требованиями («*Durchgang verboten!*»; «*Der Zutritt durch nicht berechtigte Personen ist nicht gestattet!*») в сегодняшней Германии встречаются объявления, стилизованные под форму современного молодёжного языка, имплицитные, тем не менее, стремление к традиционному немецкому порядку. Например, на стенке примерочной кабины в одном из немецких магазинов: «*Hey Leute! Es wäre voll cool, wenn Ihr unsere Klamotten wieder «einigermaßen» ordentlich herausgibt. Das fänden wir echt geil!*»

Внешнему наблюдателю кажется, что в Германии законы и правила ценятся выше, чем человек, для которого они собственно и издаются. Иногда, как замечает М. Горский (Gorski, 2002: 102), слово «запрещено» является первым немецким словом, которое выучивает иностранец. Кроме того, «*Verboten*», по его мнению, может возводиться в степень, переходя в «*Streng verboten*» (строго запрещено). А. Вежбицкая (Wierzbicka, 2001: 186), анализируя немецкие речевые стратегии, отражающие ценностные установки немецкой культуры, обращает внимание на широкое использование в объявлениях, наряду с «*verboten*», выражения «*nicht*

gestattet) («не разрешается»). Обилие подобных общественных знаков указывает, с её точки зрения, прежде всего на постоянно испытываемую немцами потребность в *Ordnung* (Там же: 170). «Везде должен быть порядок» (*Alles muss in Ordnung sein*) – ценность, имеющая большую актуальность в немецкой культуре.

В русской действительности мы встречаемся, как правило, с обратным явлением. Любая директива может модифицироваться, преломляться под человеческий фактор. Вспомним известную русскую поговорку: «Закон, что дышло; куда повернул, туда и вышло» (*Das Gesetz ist wie eine Deichsel: wohin man es dreht, dahin weist es*). В Германии нарушения любого рода очень негативно воспринимаются и критикуются окружающими. Поведение немцев, определяемое с точки зрения русской нормативной системы как «наушничанье» или «подглядывание», считается вполне приемлемым в немецкой культуре как поддерживающее дисциплину и порядок.

Строгое следование правилам и инструкциям связано со стремлением немцев исключить, по возможности, все непредвиденные случаи развития событий, ошибочные решения и тем самым свести до минимума фактор риска. Любая неясность и неизвестность неприемлема для немцев. Неожиданные, незапланированные ситуации вызывают обычно у представителей немецкой культуры раздражение и даже стрессовые состояния. В этом плане их степень тревожности намного выше, чем у представителей русской культуры. Безусловно, данный культурный параметр, как и остальные, отражается в повседневной немецкой коммуникации. Банальное объявление на станции немецкого метро, «отягощённое» подробными объяснениями причин изменений графика движения поездов, как нельзя лучше свидетельствует об актуализации параметра «терпимость к неопределённости» в немецком коммуникативном стиле: *«Einschränkungen auf den U-Bahnlinien U3 und U6 ab Mittwoch, den 13.06. (immer montags mit donnerstags) jeweils ab ca. 23 Uhr bis 5:00 Uhr: Liebe Fahrgäste, wegen Bauarbeiten am Marienplatz (Bahnsteigerhöhung/Bodenbelagerneuerung) kommt es leider ab Montag, den 13.06. (dann immer montags bis donnerstags) jeweils ab ca. 23 Uhr bis Betriebsschluss und ab Betriebsbeginn bis ca. 5 Uhr zu Beeinträchtigungen im U-Bahnbetrieb der Linien U3 und U6! Bitte beachten Sie, dass am Sendlinger Tor, Marienplatz und Odeonsplatz ab ca. 23:00 Uhr in beide Richtungen nur über Gleis I gefahren wird. Aus diesem Grund fahren die U3 und U6 auf der gesamten Linie nur alle 20 Minuten in beide Richtungen! Planen Sie bitte die längeren*

Fahrzeiten in Ihre Reisevorbereitung ein! Wir bitten diese Unannehmlichkeiten zu entschuldigen! Ihre Münchner Verkehrsgesellschaft MVG.»

Ту же иллокутивную функцию (предупреждение о возможных неудобствах с целью их избежания) имеет следующее объявление перед входом в один из районов городского парка: *«Wege nicht geräumt und gestreut: Begehen auf eigene Gefahr».*

Однако, сравнивая, в общем, терпимость к неопределённости русских и немцев, отметим, что, согласно количественному исследованию Хофстеде, индексные показатели по этому параметру в двух культурах расходятся незначительно.

С одной стороны, данное совпадение является несколько неожиданным и даже может вызвать удивление, поскольку коммуникативное поведение тех и других в реальной жизни нельзя назвать одинаковым. Более того, проблемы в общении возникают как раз на основе разных поведенческих стратегий русских и немцев, разных подходов к подготовке и организации совместных действий. С другой стороны, принимая во внимание наличие в русской культуре достаточно большого количества формальных и неформальных правил, бюрократических структур, традиций, суеверий, выступающих как своего рода руководство к действию, можно найти объяснение статистическим выводам Г. Хофстеде.

Другое дело, что представители русской и немецкой культур не одинаково относятся к соблюдению имеющихся законов, предписаний и запретов. Если в Германии неукоснительное исполнение закона – дело само собой разумеющееся, отвечающее ценностным представлениям общества (Markowsky, Thomas, 1995: 68), то в России отношение к директивам скорее личностно-прагматическое. При любой возможности «неудобные» закон или правило интерпретируются в пользу конкретной ситуации или личности. Кроме того, концептуальный подход в рамках нашей работы позволяет объяснить противоречие между экспериментальными данными по измерению «терпимость к неопределённости» и реальным поведением коммуникантов из двух культур. Поскольку макрокатегории существуют не изолированно друг от друга, а в сложной функциональной взаимозависимости, очевидно, что коммуникативное поведение русских и немцев обусловлено целым комплексом свойств культур. Это значит, что «сцепление» всех аспектов культурно-коммуникативной вариативности придаёт каждому из них определённое своеобразие и специфику реализации.

В связи с предложенным выше анализом особенностей русско-немецкого взаимодействия интерес представляют взаимные наблюдения русских и немецких партнёров, касающиеся делового общения (Roth, 1998).

Русские о немецком деловом мире и немцах:

- господство планов и расписаний, недостаток гибкости при их вынужденном изменении;
- отсутствие почтения к начальству;
- обязательность участия каждого в обмене мнениями при переговорах и обсуждениях;
- дистанцированность в деловом общении;
- недоступность в нерабочее время;
- соблюдение планов считается более существенным, чем поддержание человеческих взаимоотношений;
- ценят рабочую дисциплину превыше всего;
- не воспринимают предупредительность и помощь;
- не соответствуют нашим представлениям о гостеприимстве;
- предпочитают быть постоянно информированными вместо того, чтобы самим добывать информацию;
- отдают приоритет письменным предписаниям.

Немцы о русском деловом мире и русских:

- недостаточная готовность к самоинициативе и риску;
- замкнутость групп и недоступность членов этих групп для внешнего окружения;
- отсутствие высказываний, выражающих расхождение мнений, в обсуждениях и переговорах;
- почтительное отношение к начальству даже при его профессиональной некомпетентности;
- активное участие в обсуждениях и переговорах только небольшой части коллектива при традиционно пассивном соучастии остальных;
- компетентность партнёров не всегда оценивается по их профессиональным способностям;
- отсутствие, как правило, ответственных или виновных за принятое решение;
- решение личных проблем в рабочее время (на рабочем месте) как норма;

- распространение влияния и власти вышестоящих на личное время нижестоящих;
- чрезмерное курирование зарубежных (немецких) партнёров или, наоборот, предоставление их самим себе;
- игнорирование плановых обязательств или повестки встреч;
- любопытствующее вмешательство в сферу личной жизни зарубежных партнёров;
- частые празднества и застолья («распития»), принуждение к выпивке и тостам.

Следующий аспект касается сопоставления двух культур по категории *«маскулинность/фемининность»*.

Немецкий индивидуализм и преобладание мужского начала в культуре – логично дополняющие друг друга, взаимосвязанные качества. Подобное сочетание ценностных установок немецкого общества обуславливает, прежде всего, стремление его членов к независимости и лидерству, настрой на конкуренцию. Нельзя сказать, что в русской культуре совсем отсутствует настрой на состязательность, но присущие ей коллективистские ценности и особый дух соборности определяют приоритетность человеческих взаимоотношений и высокую значимость сотрудничества в общении.

Что касается степени ролевой дифференциации полов, различающейся в культурах маскулинного и фемининного плана, то публикации по этому вопросу подтверждают, скорее, схожесть ситуаций в русской и немецкой культурах. Как в России, так и в Германии традиционно очень чёткое распределение социальных обязанностей между мужчинами и женщинами.

Однако понятия о мужественности и женственности, о разнице между полами имеют свои особенности в сравниваемых обществах, отражаясь в значениях знаков и действий. Так, являющееся нормой русской культуры вербальное и невербальное подчёркивание слабости и особого статуса женщины нетипично и даже оскорбительно в контексте немецкой. Преобладающие в ней мужские ценности накладывают определённый отпечаток на невербальное поведение как мужчин, так и женщин.

Не принято без высказанной женщиной просьбы помогать ей нести чемодан или сумку, поскольку это может показаться намёком на неравенство между мужским и женским полом. Нарушением «симметрии во взаимоотношениях» с негативными последствиями может обернуться

традиционное для русского мира одаривание цветами коллег-женщин, например, к какому-либо празднику. Немки, в отличие от русских женщин, чаще посещают без сопровождения мужчин кафе и рестораны, не вызывая при этом «шлейфа» отрицательных ассоциаций. Как правило, равноправие между мужчинами и женщинами подчёркивается также тем, что каждый в Германии платит сам за себя. Комментируя подобные ситуации в немецкой культуре с точки зрения «своей колокольни», русские перефразируют название известного немецкого романа «Jeder zahlt für sich allein, jeder stirbt für sich allein».

На повседневном вербально-коммуникативном уровне можно выделить, по крайней мере, один аспект в процессе общения между мужчинами и женщинами, подчёркивающий гендерные различия и демонстрирующий дискурсивную табуированность обсуждаемых тем в присутствии женщин. Так, респондентами – мужчинами были названы тематические группы, исключаемые из ситуаций общения в присутствии женщин, а именно: «*Sex und Pornographie*», «*ehemalige Frauen*», «*Fußball*», «*Schwächen*», «*Obszönes*», «*Mißerfolg*» (темы, связанные с сексом и порнографией, предыдущий любовный опыт, футбол, мужские слабости, непристойные слова и выражения, неудачи).

Частым источником непонимания в контактах между представителями русской и немецкой языковых культур является культурно детерминированная темпоральная парадигма, в соответствии с которой партнёры по коммуникации по-разному проявляют себя в совместных действиях. Времени как организационному и коммуникативному фактору придаётся чрезвычайно большое значение в немецкой лигвокультуре. Не будет преувеличением сказать, что концепт, номинируемый немецким словом «*Zeit*», реализуемый в понятиях «*Pünktlichkeit*», «*Planung*», «*Terminkalender*», «*Organisation*», относится к ключевым элементам национальной культуры. Некоторые примеры немецкого отношения ко времени, к предварительному планированию и диапазону ожидания приводятся в параграфе, посвящённом «культурной грамматике» Э. Холла.

Для большинства русских время не является жёсткой максимой (принципом) их жизни. Поэтому отношение к нему чаще всего можно назвать легкомысленным, что находит отражение в опозданиях, переносах мероприятий, изменениях повестки дня заседаний, несоблюдении графиков автобусов, поездов и т. д. Размытость и растяжимость отношения ко времени в русской парадигме проявляется также на вербальном

уровне, что часто бросается в глаза иностранцам. Русский язык позволяет выразить договорённость, например о встрече, достаточно неопределённо, причём без эксплицитных маркеров типа: *примерно, приблизительно, около*. Простое изменение порядка слов в словосочетании «*в семь часов*» на «*часов в семь*» вполне может служить коммуникативной помехой, особенно для немецкой точности. Русский не видит проблемы в том, что он лишь накануне предупреждает своего делового партнёра о предстоящем визите, а для немецкого коллеги, у которого всё распланировано заранее, это просто неприемлемо.

Пунктуальность немцев, с одной стороны, относится к известным стереотипам о них, с другой – многократно подтверждается самой жизнью. Соблюдение пунктуальности рассматривается ими как гарантия надёжности, о чём свидетельствуют ситуации сотрудничества с представителями немецкой культуры. Более того, как общество с низкой степенью терпимости к неопределённости, стремящееся максимально обезопасить своё будущее, предотвратить возможные проблемы, оно воспринимает пунктуальность и долгосрочное планирование в качестве способов противодействия непредсказуемости. В оценке немцев неумение планировать своё время и свою деятельность граничит с отсутствием профессионализма, безответственностью и некомпетентностью. Доминирующей темпоральной тенденцией немецкой культуры считается её монокронный характер. Явная склонность представителей немецкой культуры к планированию, соблюдению договорённостей, сосредоточенность на выполнении одного дела в определённый промежуток времени являются проявлениями монокронности.

Безусловно, в каждом обществе, как отмечалось выше, присутствуют элементы как монокронного, так и полихронного времени. В соответствии с принятым в нашей работе положением об относительности специфических свойств любой культуры и «выпуклости» этих свойств только на фоне другой сопоставляемой культуры, можно вполне обоснованно говорить о значительно большей степени выраженности монокронной системы времени в Германии по сравнению с Россией. Поскольку «концептуальное осмысление категорий культуры находит своё воплощение в естественном языке» (Телия, 1996: 82), монокронность актуализируется вербально, например, в паремиологическом фонде немецкого языка: «*Alles zu seiner Zeit*», «*Eins nach dem andern*», «*Erst die Arbeit, dann das Vergnügen*», «*Wer nicht kommt zur rechten Zeit, der bekommt, was übrig bleibt*».

В повседневном коммуникативном поведении обращает на себя внимание работа продавца в немецком магазине, в том числе в крупном супермаркете, переполненном людьми. Каждый продавец сосредоточен в один отрезок времени только на одном коммуникативном партнере – клиенте и никогда не будет одновременно отвечать на вопросы или требования другого посетителя. Нетерпеливых русских покупателей, стремящихся срочно получить информацию и товар, быстро рассчитаться и при этом задать множество вопросов продавцу-консультанту, часто раздражает подобное поведение сотрудников магазина. Это вполне объяснимо, поскольку русская культура, по сравнению с немецкой, тяготеет к полихронному способу деления времени и поэтому русские охотно переключаются с одного дела на другое, спокойно относятся к тому, что их прерывают, могут одновременно поддерживать коммуникацию с несколькими собеседниками. Немцев же просто сбивает с толку то, что во время их разговора с русским партнёром тот часто отвлекается и занимается одновременно другими делами. В этом смысле русские, как представители полихронной системы, более мобильны и проявляют большую гибкость в решении вопросов.

Приоритет монохронного или полихронного использования времени вторгается также и в область межличностных отношений. Отрицательная реакция на вмешательство и помехи в служебной деятельности, представление об изолированности личной сферы являются незыблемыми устоями немецкой жизни. Это распространяется и на восприятие личной собственности, рассматриваемой как часть личного пространства, уважаемого и неприкосновенного для немцев. Отсюда вытекают также многие правила немецкого дискурса, например табуированность тем о зарплате, доходах, состоянии здоровья, семейном положении и детях. Поэтому если не отличающийся высокой межкультурной компетенцией русский переводчик пытается выстроить доверительные отношения с немецким партнёром, задавая вопросы типа: «Sind Sie verheiratet? Haben Sie Kinder? Wieviel verdienen Sie?» – он, скорее всего, добьётся прямо противоположного эффекта. Само собой разумеющимся считается, что немецкие коллеги не знают дат рождения друг друга и не празднуют их, не занимают денег и не одалживают других вещей. С точки зрения русской перспективы, человеческие отношения приносятся в жертву линейной организации времени (напомним, что монохронному времени соответствует представление о нём как о линейной системе), принципами которой являются экономное расходование времени,

концентрация внимания и личностная обособленность. В связи с этим, немецкие коллеги редко приглашают своих иностранных партнёров к себе домой, предпочитая совместный ужин в одном из ресторанов. Это часто обижает русских, живущих совсем по другим нормам и традициям. Для России всегда было характерно тесное переплетение личной и служебной жизни. Дружеские контакты, родственные связи имеют большое значение для русского мира.

Различия в поведении русских и немцев по темпоральному фактору связаны не только с микроперспективой (полихронность/монокронность). Свой отпечаток на коммуникацию накладывает и макроперспектива временной ориентации (направленность на прошлое, настоящее, будущее). В этом плане считается, что Россия более, чем Германия, ориентирована на прошлое. Подтверждением тому может служить русская реклама, в которой превалируют ценности дореволюционной России и бывшего СССР. Качество товара, его название вызывает больше доверия у населения, если оно коррелирует со старым добрым прошлым: «Кофейня на паях», «Конфеты Коркунов», «Наша марка «Красный Октябрь», «Качество не моей мануфактуры» и т. д. В журнале «Реклама – ваш капитал» отмечается, что «большинство россиян больше любят доброе и консервативное, чем агрессивное и прогрессивное» (Медведева, 2003: 257).

Немецкая культура, также приверженная традициям и истории, тем не менее может рассматриваться по сравнению с русской как культура менее направленная на прошлое (по сравнению с США Германия, как и все западноевропейские страны, воспринимается как общество, ориентированное на прошлое).

На формирование национального коммуникативного стиля, а значит и на характер русско-немецкой коммуникации, оказывает также влияние фактор, определяемый американским антропологом Э. Холлом как контекстность культуры. Напомним, что под контекстом понимается как объём информации, окружающей деятельность человека и способы обмена данной информацией, так и роль неязыкового контекста в коммуникации. Между культурно обусловленными категориями «время» и «ориентация на контекст» существует очевидная взаимосвязь. Общества с полихронным отношением ко времени чаще всего высококонтекстны, общества с монокронной системой времени – преобладающе низкоконтекстны. Поскольку немецкая культура считается одной из самых низкоконтекстных культур, а русская, по мнению многих авторов,

тяготеет к культурам с высоким контекстом (особенно если принимать во внимание её соотношение с немецкой), это несомненно отражается в специфике коммуникативного стиля представителей данных культур и часто осложняет межкультурное общение.

Индивидуалистские тенденции, преобладание монокронного типа деления времени в немецкой культуре по сравнению с русской проявляются в недостаточности неформального информационного обмена между немецкими коммуникантами и в слабой зависимости интеракции от контекста. Большая часть информации передаётся знаковым кодом (словесно), а не через контекст сообщения. Коннотации, «чтение между строк» не играют значительной роли в немецком общении.

Приоритетным для немецкого дискурса является прямой, эксплицитный коммуникативный стиль. В этом смысле русская поговорка «Что на уме, то и на языке» имеет позитивный характер в условиях немецкой реальности. Своё намерение немец, как правило, выражает ясно и открыто, не предполагая, что оно будет понято из ситуации общения. Представляется, что не случайно немецкий фразеологический оборот «*mit j-m deutsch reden*» имеет значение «говорить без обиняков, напрямик», а его вариация «*auf gut deutsch*» служит синонимом выражению «просто, прямо, недвусмысленно». В одном из стихотворений Гёте читаем: «*Drum sagt man ihnen deutsch ins Gesicht*». Смысл данной идиомы – «говорить правду в лицо», а слово *deutsch* понимается здесь как ясный, чёткий, открытый, дополнительный оттенок – «чистосердечно», «без прикрас или лжи». С этим связана знаменитая цитата из «Фауста» Гёте*: «Лжёт речь немецкая, когда она учтива» (Межкультурная коммуникация, 2001: 187). Можно предположить, что эксплицитность как норма немецкой коммуникативной культуры имеет давнюю традицию, найдя своё отражение в немецкой фразеологии и литературе.

Итак, содержательный аспект (*что сказать*) ценится выше, чем поддержание межличностных отношений. Эмоциям и чувствам придаётся мало значения; доминируют достоверность, логика и аргументация высказывания, фактические знания и риторические способности партнёров по коммуникации. В первую очередь в расчёт принимается дело, а не эмоции и гармоничность взаимоотношений: «*Das ist völlig unakzeptabel*» («Это совершенно неприемлемо»); «*Bei einem solchen Preis*

* «Im Deutschen lügt man, wenn man höflich ist»: Немецко-русский фразеологический словарь. М.: – 1975. – С. 123–124.

brauchen wir gar nicht mehr weiterzudiskutieren!» («При такой цене нам не о чем говорить далее!»).

Прямой открытый стиль коммуникации, принятый среди немцев, означает также, что всё услышанное ими воспринимается дословно. Особенно это относится к выражению согласия и принятию приглашений в деловой и приватной сферах. В Германии не принято говорить «да» только для того, чтобы не обидеть, например, коллегу, зная заранее, что приглашение не будет принято: *«Leider kann ich Ihre Einladung nicht annehmen. Am Sonntag habe ich schon eine Verabredung»*. Ложное обещание расценивается как ненадёжность и несерьёзность партнёра, который говорит не то, что думает, а делает не то, что говорит. Кроме того, подобное поведение всегда вызывает недоумение, поскольку ясный отказ считается вполне приемлемым и, по крайней мере, честным: *«Der Freitag paßt mir überhaupt nicht. Da habe ich bereits einen Termin im Kalender»* или *«Diese Woche sind wir leider schon total ausgebucht. Wie wäre es denn nächste Woche?»*.

Корректность и вежливость общения в русском варианте имеет мало общего с пониманием таковых с точки зрения немецкой коммуникативно-ценностной системы.

Категорическое причисление России к полихронным высококонтекстным культурам вряд ли оправдано без масштабных экспериментальных исследований, однако имеющийся эмпирический материал обнаруживает большое количество признаков, свидетельствующих о том, что русскую культуру на фоне немецкой можно назвать высококонтекстной. Коллективистские тенденции русской культуры обуславливают высокую информационную обеспеченность всех участников коммуникативного процесса. В России традиционно велика роль неформального общения, которое считается более эффективным, чем официальное (Стернин, 2001: 215). Максимум значения придаётся личным взаимоотношениям, устные договорённости предпочитают письменным. Для русских деловых контактов важно начальное знакомство и его дружеское развитие. Русский коммуникативный стиль характеризуется меньшей степенью эксплицитности, но большей «затекстовой» нагруженностью (Леонтович, 2002: 349), использованием в общении намёков, пресуппозиций, игры слов. Анализируя особенности русского языка, отечественные лингвисты отмечают, что: «в русском языке гораздо богаче, чем во многих других, поле неопределённости» (Падучева, 1997: 23). Речь идёт прежде всего о неопределённых местоимениях на –

то, -нибудь, кое-, некий, некто. Зависимость русской коммуникации от контекста на вербальном уровне проявляется также в расплывчатости и неконкретности речи, избытии некатегоричных форм высказывания, слов типа: *может быть, вероятно, возможно, как бы.*

Анализируя особенности русско-немецкого взаимодействия, нельзя обойти вниманием культурную специфичность пространственной составляющей в общении между представителями двух культур. Очевидно, что межкультурные недоразумения, обусловленные разницей в восприятии пространства, не следует сводить только к проксемическим недоразумениям, связанным с нарушением дистанции. Очевидна собирательность этой категории, включающей понимание пространства, не только в прямом смысле как физической территории, но и его метафорическое проявление, подразумевающее также социальное пространство, территориальный фактор в национальном самосознании, область коммуникативных (вербальных и невербальных) средств, отражающих особенности отношения к пространству в разных языках.

Было бы преувеличением утверждать, что ощущение пространства в немецкой и русской лингвокультурах расходится кардинально. Тем не менее, чувство простора или тесноты, посягательство на пространство и уважение чужой территории отличаются в двух культурах. Кроме того, пространственные отношения как компонент культурной целостности взаимосвязаны с другими аспектами культуры. Доминанта индивидуалистских тенденций обуславливает стремление к изолированности и наличию индивидуального пространства. Ориентация на коллективистские ценности предполагает интеграцию и коллективное пространство (см. Лебедева, 1999: 164).

В русской культуре величина межличностной дистанции и зона персонального пространства значительно меньше, чем в немецкой культуре. Это утверждается многими авторами, в том числе немецкими (Стернин, 2001: 237; Löwe, 1999: 166; Baumgart, 2000: 152). Физический контакт, прикосновения воспринимаются как допустимая норма общения.

Для немцев в большей степени характерно ограждение «своего» пространства. Как правило, комфортной зоной при разговоре считается расстояние между собеседниками в один метр. Нарушение этой дистанции воспринимается как вторжение в личное пространство, вызывающее негативные эмоции. В Германии менее, чем в России, распространено тактильное взаимодействие при общении. Немцы стараются избегать телесного контакта, сдержаннее ведут себя при встрече

и прощании. Потребность в личной автономии наглядно проявляется в немецкой повседневной жизни. Немцы не так плотно, как русские, стоят в очередях, располагаются в транспорте. При обращении в справочное бюро, разного рода кассы «интимность» обсуждаемой информации и гарантию персонального пространства людей обеспечивают указатели типа «*Bitte Diskretionsabstand halten*» («Пожалуйста, проявляйте тактичность и соблюдайте дистанцию»). Минимальное расстояние между клиентами часто определяют ограничительные линии в сопровождении надписей «*Bitte hier warten*» («Пожалуйста, ожидайте здесь»). Необходимость соблюдения границ общественной и приватной территории регулируется также либо вербальными знаками, например: «*Achtung! Privatgrundstück! Betreten verboten!*»*, либо своеобразными изгородями из зелёных насаждений. Связывая «отгороженность» немецкого образа жизни и особенности немецкой коммуникации, известный немецкий этнолог Г. Баузингер пишет: «Строго изолированные дома и образцового вида садики, которые, впрочем, часто недоступны взгляду постороннего, так как скрываются за растительными заборами или даже стенами, чаще всего не располагают к лёгкому и непосредственному общению» (ср. Bausinger, 2002: 47).

Способы разграничения собственного и чужого пространства в немецкой культуре проявляются не только в социальном, но и в речевом поведении людей, а также в семантике языковых единиц разных уровней. В исследовании И.Б. Бойковой (Бойкова, 2002) приводятся примеры, иллюстрирующие межкультурные различия в рамках вербальной коммуникации русских и немцев, касающиеся их ментального ощущения пространства. Прежде всего отмечается, что личностное пространство в русском сознании имеет зыбкие границы, оно склонно сливаться с другими Я-пространствами и проницаемо для них. Немецкое Я-пространство, напротив, имеет жёсткие границы, дистанцируется от других Я-пространств, чаще обнаруживает себя в единственном числе. На уровне текста это можно наблюдать в формах обращения, присущих бытовому диалогу и письменной речи. Например, склонность немецкого Я обособлять себя в форме единственного числа проявляется в способе оформления начала и конца письма, которое предназначено для нескольких адресатов или подписано несколькими отправителями. Принято к каждому адресату обращаться отдельно, помещая каждое

* «Внимание! Частная территория! Вход воспрещён!»

обращение в отдельную строку (Duden, 1997: 52–59; цит. по Бойковой, 2002). Отправители, подписывающие немецкое письмо, обычно не объединяются друг с другом общим притяжательным местоимением (например, *deine Oma und Opa*), как это распространено в русской традиции. Нормативной считается формула: *deine Oma und dein Opa*.

На уровне высказывания (иллокутивный аспект) можно выделить некоторые тенденции в употреблении личных местоимений, что также отражает особенности Я-пространств, присущие двум культурам. Например, в научном стиле речи немецкое местоимение 1-го л. ед. ч. «*ich*» вытесняет местоимение 1-го л. мн. ч. «*wir*»: «*Bei meiner Untersuchung bin ich davon ausgegangen, dass...*», вместо «*Bei unserer Untersuchung sind wir davon ausgegangen, dass...*». В русском научном стиле авторское «мы» имеет более прочные позиции. Традиционно корректным считается в статьях, монографиях, диссертациях использовать местоимение мн. ч., подразумевая под этим словом себя как автора работы.

В немецком языке говорящий имеет возможность обозначать границу между собой и окружающим пространством, что чуждо русскому языку. На уровне семантики слова это проявляется, например, через русское наречие места «здесь», которому в немецком языке соответствуют два наречия: *hier* и *da*. Произнося *hier*, говорящий считает себя частью ближайшего пространства, произнося *da*, исключает себя из этого пространства (Бойкова, 2002: 109). Подобные наблюдения свидетельствуют о явном пересечении лингво- и культурно-специфических факторов или, другими словами, о «системе фраз», отражающих «систему взглядов» (Михальская, 1996: 40).

В качестве обобщающей иллюстрации к вышеприведённым рассуждениям и систематизированным примерам по поводу тенденций в межкультурном общении русских и немцев проанализируем один эпизод столкновения разных коммуникативных стилей в реальной ситуации русско-немецкого взаимодействия. В описываемом коммуникативном событии участвовали представители русского и немецкого бизнеса, но предмет общения в данном случае были в большей степени повседневные вопросы, чем профессиональные проблемы*.

* Предыстория эпизода: Руководитель русской торговой фирмы, сотрудничающей с фирмой-партнёром из Гамбурга, находится с кратким визитом в Берлине с целью заключения контракта с новыми поставщиками. Закончив дела за день до запланированного отлёта, он хочет использовать оставшееся время для встречи с Гамбургским коллегой, намереваясь обсудить некоторые производственные вопросы и, кроме того, попытаться решить с помощью немецкого партнёра один личный вопрос.

Разговор состоялся по телефону и был опосредован переводчиком. На первый взгляд, общение было ровным, вежливым и закончилось без внешнего ощущения проблемности. Воспроизведённый со слов переводчика небольшой диалог после принятых фраз приветствия выглядел следующим образом:

R.: Ich freue mich, Sie im Büro zu erreichen. Ich bin in Berlin und habe morgen zufällig einen Tag frei vor meinem Abflug.

D.: Ach so, schön.

R.: So möchte ich diese Gelegenheit nutzen, um einige Geschäftsfragen mit Ihnen persönlich zu besprechen. Außerdem wollte ich Sie schon lange um einen persönlichen Gefallen bitten, nämlich ein privates Konto bei einer guten deutschen Bank für mich hier zu öffnen. Und ich würde gern morgen Vormittag nach Hamburg kommen.

D.: Ja !? Aber es geht leider morgen nicht, denn ich habe schon Termine, die sich so kurzfristig nicht verschieben lassen. Ich könnte aber arrangieren, dass sich jemand von meinen Mitarbeitern mit Ihnen trifft, so würde man die Gelegenheit doch nutzen, persönlich über das Geschäft zu reden.

R.: Ja, klar. Ich finde es schade, dass es mit dem Treffen nicht klappt und ich komme dann besser nicht...

После вежливого прощания разговор был исчерпан, но он имел продолжение в культурно обусловленных интерпретациях и дальнейшем коммуникативном поведении русского партнёра. Межкультурный «конфликт» проявился в недоумении и даже обиде русского в связи с тем, что немецкий коллега, во-первых, не захотел изменить свои планы из-за иностранного гостя и встретиться с ним, во-вторых, счёл возможным его встречу с сотрудником, имеющим более низкий статус, и, в-третьих, не отреагировал на его личную просьбу.

Следующая коммуникативная реакция русского руководителя последовала через месяц, когда партнёр из Гамбурга прилетел в Россию. Изменив своей традиции, встречать гостя в аэропорту, русский предприниматель не встретил его лично. Кроме того, он опоздал на запланированную в бюро встречу на полчаса, объясняя свою задержку срочными неотложными делами. В довершение, он не организовал для немецкого коллеги обещанную встречу с представителем городской администрации, сославшись на непредвиденные обстоятельства. Разумеется, слишком очевидное изменение поведения в отношении к иностранному партнёру не могло остаться незамеченным для немецкого гостя, что, в свою очередь, вызвало теперь его непонимание и недоумение. Развитие

дальнейших конструктивных контактов между представителями двух лингвокультур приобрело сомнительный оттенок.

Представляется возможным прокомментировать произошедшее межкультурное недоразумение с позиций разницы проявления в интеракции национальных коммуникативных стилей. В данном эпизоде хорошо прослеживаются реализованные в конкретной ситуации устойчивые коммуникативные представления и нормы, характерные для стилей русской и немецкой языковых личностей. Релевантные для немецкого партнёра правила низкоконтекстной коммуникации: предварительное планирование встреч (...*Termine, die sich so kurzfristig nicht verschieben lassen*), сосредоточенность в определённый промежуток времени на выполнении одного дела (понятие монокронного времени), вербальная эксплицитность и открытость коммуникативного поведения (*Aber es geht leider morgen nicht...*), дистанцированность за пределами служебной сферы, фокус на конечную цель взаимодействия (...*so würde man die Gelegenheit doch nutzen, persönlich über das Geschäft zu reden*) (особенность рационального вербального стиля), – нашли в рассматриваемом примере яркое отражение. Восприятие этих доминант немецкого коммуникативного стиля через призму собственных культурно-коммуникативных установок русским партнёром с его склонностью к спонтанным, незапланированным действиям (понятие полихронного времени), к поиску дискурсивных импликатур и инференций (особенность интуитивного вербального стиля), со стремлением устраивать дела на основе личных контактов (высокая контекстность коммуникации), подчёркиванием социальной иерархии (отношение к дистанции власти) обусловило межкультурное непонимание, не столь очевидное в данном случае в вербальном выражении, но ярко проявившееся на паравербальном и экстралингвистическом уровнях коммуникации.

3.5.2. Модель национального коммуникативного стиля и её проекция на немецкий коммуникативный стиль

Моделирование принадлежит к числу общенаучных методов, часто используемых в исследовании процессов коммуникации, и соотносится с такими познавательными процедурами, как классификация, типологизация и систематизация. Моделирование представляет собой «изучение объекта (оригинала) путём создания и исследования его копии или модели, замещающей оригинал с определённых сторон, интересующих исследователя» (Основы теории коммуникации, 2005: 31). Под модели-

рованием национального коммуникативного стиля понимается составление перечня основных факторов и параметров, конституирующих тот или иной национальный коммуникативный стиль. Соответственно, модель немецкого национального коммуникативного стиля может быть представлена как его факторно-параметрическое описание в терминах коммуникативистики, прагмалингвистики, культурологии и лингвистики, отражающих сущностно-содержательные характеристики коммуникативного стиля.

Выделяются три основные группы факторов, формирующих национальный коммуникативный стиль: **макроконтекстные (общекультурные), микроконтекстные (коммуникативно-ситуативные) и фактор институциональной маркированности**. При этом стилеформирующие факторы определяются в настоящем пособии как имеющие разную природу базовые детерминанты, оказывающие существенное влияние на формирование и актуализацию национального коммуникативного стиля. Факторы как обобщённые категории конкретизируются в параметрах, представляющих своего рода аспекты, раскрывающие и детализирующие содержание факторов. Специфические для каждой конкретной лингвокультуры варианты признаки стиля представлены в модели как доминанты национального коммуникативного стиля в данной лингвокультуре.

К первой группе стилеформирующих факторов отнесены факторы, выступающие, с одной стороны, как макрокатегории культуры, а с другой – как детерминанты национального коммуникативного стиля. По данному основанию выделяются темпоральный, проксемический, социально-контекстный, ценностный и когнитивный факторы, формирующие стиль коммуникации. Итак, рассмотрим **компоненты модели по первой группе факторов**.

1. Макрокатегория культуры: восприятие времени:

- Стилеформирующий фактор: темпоральный;
- Параметры-актуализаторы: планирование; чёткая структурированность времени; образ времени: прошлое – настоящее – будущее; приватное – общественное время.
- Доминанты стиля:
 - (невербальная) ярко выраженная тенденция к монохронному коммуникативному поведению;
 - (вербальная) сконцентрированность речевых действий на одном коммуникативном партнёре.

2. Макрокатегория культуры: социальная организация людей (социум):

- Стилеформирующий фактор: контекстность культуры;
- Параметры: зависимость коммуникации от контекста; роль неформальных информационных сетей; разделение межличностного и служебного дискурсов; статусная иерархия; степень формализованности общения.
- Доминанты стиля:
 - (вербальная) эксплицитность и прямота; высокая доля вербальной составляющей в общении; «дозированные» информационные вклады;
 - (невербальная) значительная степень недоступности за пределами институционального дискурса.

3. Макрокатегория: восприятие пространства:

- Стилеформирующий фактор: проксемический;
- Параметры: пространственная дистанция в общении; социальная дистанция (статус); личное пространство; соблюдение приватности личностной сферы; вербальные маркеры дистанцированности; паравербальные сигналы коммуникативной дистанции; территориальность в национальном самосознании;
- Доминанты стиля:
 - (вербальная) речевая и тематическая табуированность коммуникации; статусная индикация на основе местоименных и номинативных вокативов;
 - (невербальная) стремление к пространственной и личностной приватности.

4. Макрокатегория культуры: ценностные ориентации:

- Стилеформирующие факторы:
 - а) Дистанция власти.
- Параметры-актуализаторы фактора: выраженность социальной иерархии; личностная инициативность и самостоятельность.
- Доминанты стиля:
 - (вербальная) личностная ориентированность в коммуникации; консультативность в общении.
 - б) Индивидуализм.
- Параметры: тип идентификации; самопрезентация; приоритет дела перед межличностными отношениями; принцип универсализма в коммуникации; дискуссионность и конфронтативность общения.

- Доминанты стиля:
 - (вербальная) прямота, рациональность; «я»-центрированность в коммуникации.
 - (невербальная) индивидуально-эксплицитный стиль.
 - в) Маскулинность (соревновательность).
 - Параметры: ролевая дифференциация полов; конкуренция; приоритеты в достижениях.
 - Доминанты стиля:
 - (вербальная) соперничество и наступательность в деловом общении; конфронтативность общения.
 - (невербальная) демонстрация независимости.
 - г) Терпимость к неопределённости.
 - Параметры: формализация и структурированность деятельности; точность соблюдения предписаний.
 - Доминанты стиля:
 - (вербальная) точность и однозначность; распространённость инструктивных текстов.
 - д) Центральные стандарты культуры.
 - Параметры: приоритет дела и целесообразности; регулятивность культуры; интернализированный контроль (идентификация с выполняемой деятельностью); разграничение профессиональной и приватной сфер; обособление приватной сферы.
 - Доминанты стиля:
 - (вербальная) фактическая аргументативность; директивные речевые акты.
 - (невербальная) сосредоточенность на деле; тенденция к личной автономии; коммуникативная замкнутость.
5. Макрокатегория культуры: специфичность мышления.
- Стилеформирующий фактор: когнитивный.
 - Параметры: формы мышления; алгоритм представления информации; структуризация информации в дискурсе; приоритетный подход к решению проблемы.
 - Доминанты стиля:
 - (вербальная) индуктивность, логичность, линейность, аналитичность подачи информации.

В контексте **микрореконтекстной** категоризации национального коммуникативного стиля выделяется группа коммуникативно-

прагматических факторов, обуславливающих специфику его проявления. Данная группа охватывает компоненты коммуникативной ситуации, значимые в отношении стиля коммуникации вообще, немецкого коммуникативного стиля в частности. К релевантным составляющим коммуникативной ситуации относятся факторы установления контакта, его поддержания и выход из контакта, включающие, безусловно, фактор субъектов коммуникативного взаимодействия во всей полноте их социальных и психологических ролей, их пресуппозиций и интенций.

Контактоустанавливающий фактор отражается в достаточно большом количестве параметров, основными из которых являются: интенции коммуникантов, хронотоп или локально-темпоральные рамки общения, атмосфера общения (позитивная – негативная), идентификация социальных статусов, привлечение произвольного и непроизвольного внимания собеседника. В соответствии с данными параметрами национальный коммуникативный стиль актуализируется в специфике форм и способов приветствия, обращения, представления, в приемлемости лично-ориентированных (приватных) вопросов, в приглашениях как форме социального этикета, в специфике уклонения от контакта.

По фактору поддержания контакта выделяются такие стилеформирующие параметры, как: объём вербальной составляющей интеракции, тематическая направленность общения, вербальные и невербальные средства, поддерживающие внимание, заинтересованность и эмоциональную вовлечённость коммуникантов. Обусловленный перечисленными показателями национальный коммуникативный стиль проявляется в вербальных средствах авторизации и адресации, в выборе релевантных тем современного национального дискурса, в типовых темах неинформативной беседы, в степени коммуникативно-пространственной близости, манере слушания, коммуникативной инициативе говорящих, способах заполнения пауз в общении, в коммуникативной вежливости (корректности), коммуникативной толерантности, в способах проявления вербальной агрессии, в мере экспрессивности (аффективности) как реакции на услышанное, в формах национального юмора, специфике аргументации, характерных для носителей языка мимике и жестикуляции.

По фактору выхода из коммуникативного контакта акцентируется внимание на следующих основных параметрах: односторонний

выход из разговора, консенсусное прекращение общения (с согласия обоих коммуникантов), резюмирование, прощание, пожелания. Соответственно, коммуникативный стиль демонстрирует общепринятые в лингвокультуре коммуникативные нормы, такие как: допустимость конфликтного прекращения контакта, изменение темы и переключение внимания на другого собеседника, молчание как сигнал выхода из коммуникативного контакта, прямое эксплицитное высказывание о завершении разговора, косвенные реплики – сигналы окончания интеракции и т.д.

Проецируя перечисленные выше параметры по микроконтекстной группе факторов на немецкий коммуникативный стиль, можно выделить следующие его доминанты: подчёркнутая статусность обращения; релевантность официального представления собеседника; приверженность к употреблению универсальных вербальных форм приветствия; неприемлемость лично-ориентированных вопросов; неприятие коммуникативной навязчивости; коммуникативная корректность; отсутствие избыточной экспрессивности в деловом общении; демонстрация заинтересованного слушания; бытовая коммуникативная малоинициативность; преобладание фактов и аргументов в содержании дискурса; преимущественно вербальная экспликация завершения общения; допустимость конфронтации при выходе из контакта в условиях профессиональных разногласий. Названные доминантные черты коммуникативного стиля немцев выделяются на основе эмпирически выявляемой в ходе наблюдений повторяемости коммуникативных фактов в рамках разработанной модели стиля.

Модель стиля строится также с учётом фактора **институциональной маркированности**, формирующего особенности национального коммуникативного стиля в пределах определённого институционального дискурса. Параметры модели стиля коммуникации по данному фактору и их содержательное наполнение представлены далее на примере политического и академического дискурсов современной Германии.

Таким образом, модель национального коммуникативного стиля имеет в основе своей комплексное взаимодействие групп факторов, соотносимых с выделенными выше основными детерминирующими системами (культурой, коммуникацией, языком) и оказывающих формирующее влияние на специфическую актуализацию стиля коммуникации в каждой лингвокультуре.

Основные понятия главы

Когнитивные стили

Интеллектуальные стили

Стиль общения

Конверсационный стиль

Коммуникативный стиль

Национальный коммуникативный стиль

Общение на *lingua franca*

Контекстность коммуникации

Стилистические дихотомии

Модель коммуникативного стиля

Вопросы для контроля и обсуждения

1. Дайте краткий экскурс в историю развития одной из базовых категорий зарубежной теории МКК «коммуникативный стиль».

2. Что относят сегодня к признакам и «репертуару» культурно-маркированных стилей коммуникации в разных языковых культурах?

3. Как коррелируют так называемые «интеллектуальные стили» и особенности организации научного дискурса в научно-академических традициях разных стран по типологии Й. Гальтунга?

4. Дайте интерпретацию классификации коммуникативных стилей по Р. Нортону в их соотнесении с дискурсивными нормами общения в различных лингвокультурах и поясните, почему эти стили можно рассматривать как элемент метакоммуникации.

5. Проанализируйте модель коммуникативных стилей в ее невербальной экспликации и поразмышляйте (используя примеры собственного опыта взаимодействия с коммуникантами из разных культур) о том, можно ли говорить о специфике проявления невербальной составляющей в стилях общения в восточных и европейских культурах.

6. Сформулируйте определение национального коммуникативного стиля и объясните взаимосвязь этого понятия с так называемой «межкультурной дистанцией» в общении.

7. Проиллюстрируйте на примерах из пособия (по возможности на собственных) проявление доминантных особенностей националь-

ных коммуникативных стилей в разных ситуациях межкультурного общения.

8. Почему коммуникативный стиль рассматривается в качестве одного из наиболее эксплицитных показателей культурной чужеродности общающихся с разной национальной принадлежностью?

9. Раскройте специфику межкультурного общения на *lingua franca*, используйте при этом собственные наблюдения в отношении коммуникативного поведения и стиля коммуникации участников интеракции.

10. Как вы понимаете термин «контекст коммуникации»?

11. Каковы отличительные черты стиля коммуникации в культурах с преобладающими тенденциями высокого контекста?

12. Охарактеризуйте коммуникативный стиль, преимущественно характерный для представителей низкоконтекстных культур.

13. Подберите примеры-иллюстрации проявления косвенного и прямого коммуникативных стилей в ситуациях межкультурного взаимодействия.

14. Опишите поведение разноязычных коммуникантов, реализующих в общении рациональный vs интуитивный, точный vs детальный вербальные стили.

15. Какова специфика невербального коммуникативного поведения общающихся, обусловленная стилями так называемых нейтральных и аффективных, специфичных и диффузных лингвокультур.

16. Сопоставьте особенности проявления личностно ориентированного и статусно ориентированного коммуникативных стилей.

17. Охарактеризуйте (на основе предложенного в параграфе сравнительно-сопоставительного описания взаимодействия между русскими и немцами в ситуациях повседневного и институционального дискурсов) особенности общения между представителями двух любых языковых культур.

18. Опишите, какие группы стилеформирующих факторов лежат в основе моделирования национального коммуникативного стиля.

19. Дайте характеристику стилю коммуникации, доминирующему в культуре изучаемого вами иностранного языка, по макроконтекстной группе факторов (темпоральные, проксеимические, социально-контекстные, ценностные).

20. Опишите особенности коммуникативного стиля целевой/изучаемой лингвокультуры по группе микроконтекстных (коммуникативно-ситуативных) факторов.

Темы для самостоятельного реферирования

1. Теория речевых актов. Этнокультурная специфика реализации.
2. Особенности коммуникативного стиля в разных лингвокультурах (китайской, японской, английской, американской, немецкой, ...).
3. Коммуникативные недоразумения в межкультурной коммуникации (вербальные и невербальные аспекты).
4. Английский язык как язык – посредник в межкультурном общении.
5. Коммуникативный стиль масс-медиа в разных языковых культурах.

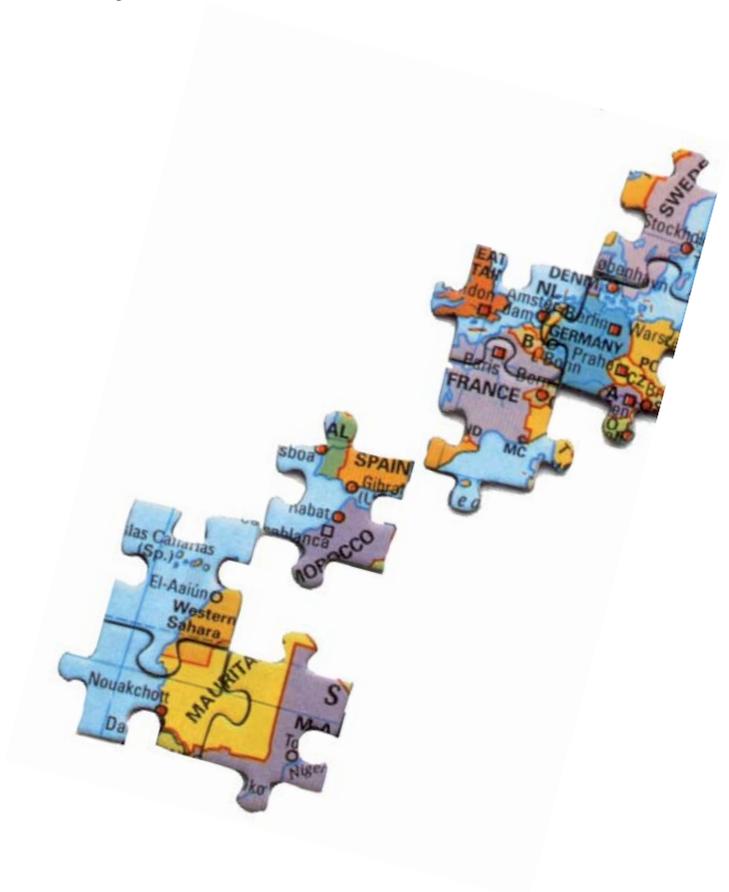
Рекомендуемая литература

1. Куликова, Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография / Л.В. Куликова. – М.: Флинта; Наука, 2009.
2. Маствилискер, Э.И. Индивидуальный стиль общения в совместной игровой и предметной деятельности / Э.И. Маствилискер // Вопросы психологии. – 1989. – № 3. – С. 63–70.
3. Матяш, О.И. Особенности коммуникативных взаимодействий в российских и американских организациях / О.И. Матяш // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты «Коммуникация – 2004»: материалы Второй междунар. конф. – Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2004. – С. 16–18.
4. Остин, Дж. Л. Слово как действие/ Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986.
5. Пирогова, Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования: на материале рекламных и PR-сообщений / Ю.К. Пирогова // Scripta Linguistical applicatal. Проблемы прикладной лингвистики-2001: сб. ст. / отв. ред. А.И. Новиков. – М.: Азбуковник, 2001.
6. Рот, Ю., Коптельцева, Г. Встречи на грани культур: игры и упражнения для межкультурного обучения: учебное пособие / Ю. Рот, Г. Коптельцева. – Калуга: ООО «Полиграф-Информ», 2001. – 188 с.
7. Сёрль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов/ Дж.Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 195–222.

8. Сёрль, Дж.Р. Что такое речевой акт? / Дж.Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986.
9. Стернин, И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 97–112.
10. Тарасов, Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 7-22.
11. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: учеб. пособие / Н.И. Формановская. – М.: Рус. яз., 2002.
12. Халеева, И.И. Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия? (из опыта подготовки переводчиков) / И.И. Халеева: сб. науч. тр. № 444 «Актуальные проблемы межкультурной коммуникации». – М.: Изд-во МГЛУ, 1999.
13. Холл, Э. Как понять иностранца без слов / Э. Холл. – М.: Вече; Персей; АСТ, 1995.
14. Цурикова, Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации: монография / Л.В. Цурикова ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2002.

Глава 4

Институциональные дискурсы и национальный коммуникативный стиль

Гораздо в большей степени, чем мы могли бы себе представить, мы общаемся не с людьми из плоти и крови, а с их ролями, статусами и формами репрезентации социальных структур, к которым они принадлежат. Совершенно очевидно, что осознание этого факта приобретает особое значение в ситуациях взаимодействия культур.

Йозеф Кондон

4.1. Коммуникативный стиль в контексте немецкого академического дискурса

Основные черты современного немецкого академического дискурса

Национальный коммуникативный стиль в конкретной вербальной и невербальной формах проявляется во всех типах дискурсов лингвокультуры и, соответственно, может быть проанализирован также на материале отдельных дискурсов этой лингвокультуры, интерпретируемых как культурно маркированные системы коммуникации. В пособии приводится пример проявления национального коммуникативного стиля в рамках немецкой академической коммуникации.

В современной лингвистике, а точнее, социолингвистике дискурс понимается как общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение (Карасик, 2002: 281). В определении цитируемого автора, «**институциональный дискурс** есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми», коммуникативное взаимодействие которых осуществляется в соответствии с нормами данного социума (Карасик, 2002: 279).

Являясь предельно широким понятием, институциональный дискурс охватывает как языковую систему (ту её часть, которая специфически ориентирована на обслуживание данного участка коммуникации), так и речевую деятельность (в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов), а также текст (Шейгал, 2000: 15). Академический дискурс относится к институциональному виду общения.

Академический дискурс понимается в целом как нормативно организованное речевое взаимодействие, обладающее как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами, использующее определённую систему профессионально-ориентированных знаков, учитывающее статусно-ролевые характеристики основных участников общения (учёных как исследователей и/или преподавателей, а также студентов в сфере университетского образования).

В настоящей работе учебный (педагогический) дискурс и собственно научный (академический) объединены в одну парадигму, что представляется возможным и даже логичным в связи с тесным взаимопроникновением, пересечением и совпадением многих функций и жанров обоих дискурсов. Так, например, учебные предметы в университетском образовании – это своего рода разделы научного знания, которым придаётся вид, наиболее удобный для их трансляции и распространения, а учебная деятельность для студента в значительной степени совпадает с научным общением.

При этом необходимо отметить, однако, существенную разницу проявления в вышеобозначенных дискурсах такого коммуникативно-прагматического параметра, как социальные отношения между партнёрами по коммуникации. Как отмечает В.И. Карасик, характерной особенностью научного дискурса можно считать принципиальное равенство всех участников данного вида общения, в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину (Карасик, 2002: 330). Иначе организованы статусно-ролевые отношения в сфере учебной коммуникации, где изначально заданы асимметричные отношения между говорящим и слушающим в связи с доминирующими «энциклопедической, лингвистической и интерактивной компетенциями» (Богданов, 1990: 30) учёного-преподавателя. Коммуникативный статус последнего, таким образом, всегда выше, чем статус студента.

Заслуживают внимания номинации лиц, занимающихся научной и преподавательской деятельностью в немецком университете, актуализованных в социумной presupпозиции представителей немец-

кой лингвокультуры и отсутствующих в тезаурусе, например, русских коммуникантов, что в условиях реального межкультурного общения часто вызывает его сбой, даже при равной языковой компетенции общающихся.

Итак, номинативное поле участников немецкого научно-учебного дискурса включает следующие основные лексемы: *Lehrkörper* (как обобщающее наименование для всех уровней педагогического состава университета), *Universitätsprofessoren* (профессора как государственные служащие, имеющие постоянную университетскую ставку), *Honorarprofessoren* (лат. *honorarius* «*ehrenhalber*») – профессора, основной профессиональной деятельностью которых не является преподавание в университете, получившие этот почётный титул за особые заслуги в области своей квалификации), *Außerplanmäßige Professoren* (внештатные профессора, не имеющие постоянной университетской ставки), *Privatdozenten* (преподаватели, имеющие академическую степень, т. е. защитившие вторую диссертацию*, эквивалентную докторской в России, но работающие по временному контракту в условиях отсутствия ставки профессора), *Lehrbeauftragte* (преподаватели, работающие по контракту, как правило, имеющие немецкую докторскую степень), *Assistenzprofessoren* или *Juniorprofessoren* (временно работающие или принятые в штат молодые учёные с докторской степенью, претендующие на хабилитацию, т. е. защиту второй диссертации и, соответственно, на профессорскую ставку), *Gastprofessur* (приглашённые из других городов или стран для чтения лекций), *Prof. Dr. Dr. h.c.* (профессор, имеющий докторские звания по двум специальностям, а также почётное звание, присваиваемое за особые научные, творческие и политические заслуги, из лат. *honoris causa*). Интересны также номинации профессорских должностей в немецком университете, определяемые количеством или мерой их ответственности в учебном процессе. Различаются титулы: *Professor C 4* – заведующий кафедрой, директор института того или иного факультета (в несколько устаревшем, но ещё встречающемся словоупотреблении именуемые *Ordinarien* или *ordentliche Professoren*), *Professor C 3* – профессора, не имеющие должности заведующего (именуемые *Extraordinarien* или *außerordentliche Professoren*).

* Отметим, что докторская диссертация в немецком академическом мире соответствует кандидатской диссертации в России (Promotion), а процесс получения докторской степени в российских университетах обозначается в немецкой научной иерархии термином Habilitation.

К реалиям немецкой образовательной системы по дискурсивному параметру «участники коммуникативного процесса» можно отнести также наименования студентов (*Studi, Studis*) в зависимости от их профессиональной специализации*: *KiWis* (сокр. от *Kulturwissenschaften*), *BWler* (от *Betriebswirtschaftler*), *KWler* (от *Kommunikationswissenschaftler*), *IKKler* (студент, обучающийся по дисциплине *Interkulturelle Kommunikation*) и др.

Центральным концептом немецкого академического дискурса, безусловно, является концепт «университет». Университет – это пространство, в котором реализуется большая часть научного и педагогического дискурсов и которое вместе с временной организацией данного вида общения образует пространственно-временную парадигму или хроно-топ научно-учебной коммуникации.

Немецкие университеты традиционно являются не только высшими образовательными учреждениями, но и центрами научной деятельности и научных исследований, что восходит ещё к идеям В. Гумбольдта об обязательном сочетании дидактических и научных принципов в стенах университетов Германии. Данная сущность концепта закреплена и в словарных дефинициях имени концепта, например, в первой части словарной статьи Большого Словаря «Немецкий как иностранный язык»: «Университет – институция, в которой обеспечиваются обучение различным наукам, а также исследования в области этих наук» («*Universität [-v-] die; – en; 1.e-e Institution, an der verschiedene Wissenschaften gelehrt werden und an der Forschungen in diesen Wissenschaften gemacht werden. ...*» *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*, 2003: 1074). Немецкие университеты автономны, не имеют государственных программ обучения. Их деятельность в той или иной мере регулируется правительствами федеральных земель.

Специфика концепта «немецкий университет» по сравнению с подобным концептом в русской лингвокультуре актуализируется на основе его детализации через моделирование соответствующего лексико-семантического поля. Единицами поля, безусловно, являются перечисленные выше обозначения основных участников научно-учебного дискурса. Кроме того, на основе данных психолингвисти-

* Поскольку в немецких университетах отсутствуют факультеты в традиционном для русской образовательной системы смысле, в лексических единицах, обозначающих профессиональную специализацию студента, отражается концентрация не на факультет, а на изучаемую дисциплину (предмет).

ческого (ассоциативного) эксперимента, проведённого нами среди немецких студентов и преподавателей (всего 80 опрошенных), был выявлен ряд субстантивно выраженных языковых номинаций поля, стоящих за концептом «немецкий университет»*. Среди наиболее часто упоминавшихся можно выделить слова, как универсальные для системы университетского образования вообще, так и характерные для немецкого академического контекста. К первой группе относятся лексемы, не требующие особого комментария или объяснения: *das Seminar, die Vorlesung, der Diplomstudiengang, der Magisterstudiengang, der Professor, das Kolloquium, die Universitätsbibliothek, das Referat, das Wintersemester, das Sommersemester, der Student, der Dozent, Bachelor, Master-Studiengang ect.* Номинации второй группы отражают особенности организации немецкого институционального дискурса и, как правило, нуждаются в дополнительном уточнении для иностранных студентов или стажирующихся преподавателей. Из слов этой группы перечислим: *das Hauptfach-das Nebenfach* (дифференциация по основному и дополнительному предметам университетского обучения), *Grundkurs-Proseminar-Hauptseminar* (три основных уровня подготовки студентов: базовые семинары, семинары для начинающих исследовательскую работу и основные семинары с целью написания диплома и сдачи экзамена на степень магистра), *die Magisterprüfung-das Staatsexamen* (экзамен на гуманитарных факультетах – экзамен на юридическом, медицинском, педагогическом факультетах; для технических специальностей характерно написание диплома), *die Klausur* (экзаменационная письменная работа), *der Schein* (свидетельство об успешном окончании какого-либо учебного курса или семинара; для допуска к сдаче магистерского экзамена необходимо иметь 4 свидетельства), *das Grundstudium* (вводная часть обучения по специальности в течение 4–5 семестров), *die Zwischenprüfung* (текущий экзамен после окончания начального вводного курса), *das Hauptstudium* (основное обучение по специальности на основе научно-исследовательского подхода), *die «Magister-Artium»-Prüfung* (квалификационный выпускной экзамен по окончании 9–10-го семестра основного обучения), *Plagiatserklärung* (письменное заверение студента по поводу недо-

* Отметим, что целью эксперимента являлось получение общей ассоциативно-коннотативной картины, имеющейся у представителей немецкого лингвокультурного пространства в отношении слова «университет».

пустимости плагиата при написании дипломной [магистерской] работы), *Bafög* (государственное пособие на учёбу, аналог стипендии), *Sprechstunden* (индивидуальные консультации для студентов, еженедельно проводимые преподавателями по изучаемому предмету), «*graue Literatur*» (информационные брошюры и листы для студентов по структуре и содержанию учебного процесса по дисциплине), *die Promotion- Dr. rer.[lat. rerum]* (получение немецкой степени доктора наук), *die Disputation* (процесс защиты диссертации), *die Habilitation-venia legendi* (получение второй научной степени, дающей право на ставку университетского профессора и чтение лекций) etc. Данные знания и представления рассматриваются как фрагмент коллективного когнитивного пространства, соотносимого с социумной пресуппозицией и актуализирующегося в научно-учебной коммуникации. Отметим при этом, что проблемы в общении в ситуации отсутствия названного типа пресуппозиции возникают как при межкультурной моносоциумной коммуникации, так и при монокультурном межсоциумном взаимодействии.

В качестве основных жанров немецкого научно-педагогического дискурса в соответствии с реально существующими и естественно сложившимися формами устного общения выделяются лекция, семинар, консультация, экзамен, выступление на научной конференции, защита диссертации. Указанные жанры типичны и для русского дискурса, однако отличаются от него нормативной организацией вербальной и невербальной дискурсивной деятельности, конститuentом которой является немецкий коммуникативный стиль. Например, нормой для коммуникативного взаимодействия в жанре семинара в русской традиции образования является одностороннее преподнесение знаний, их декларация, усвоение и заучивание. При этом преподаватель всегда в центре внимания как руководящее и ведущее начало учебного процесса, что диктует, в свою очередь, одностороннюю коммуникацию по схеме от профессора к студенту. Принципами немецкого учебного дискурса считаются совместный поиск истины, развитие у студентов способности мыслить самостоятельно, аргументировать свою точку зрения, самостоятельно находить и систематизировать необходимый учебный материал. Такой подход позволяет говорить об осуществлении двусторонней коммуникации между обучающим и обучающимся как полноправными коммуникативными партнёрами. Более подробно жанры рассматриваемого дис-

курса анализируются в следующем параграфе в корреляции с институционально обусловленным коммуникативным стилем.

В целом, как показывает включённое наблюдение, общение основных участников немецкого педагогического дискурса во всех его жанрах при всей своей традиционной формальности, обязательных этикетных формулах приветствия и обращения отражает эгалитарное, рациональное позиционирование участников коммуникативного процесса. Свидетельством тому, например, является широко распространённое сегодня общение между преподавателем и студентом посредством электронной связи. На дверях многих профессорских кабинетов в здании университета находим подобные данным объявления: *«Meine Sprechstunden finden in diesem Semester Donnerstags von 10–12 Uhr statt (auch Studienberatung). Ansonsten bin ich auch per Mail erreichbar...»*; *«Krankheitsbedingt muß der Kurs Übersetzung Spanisch-Deutsch zum ASK bei Frau Dietz-Hertrich am Donnerstag, den 3.11. entfallen. Sie können Frau Dietz-Hertrich Ihre Übersetzungen jedoch mailen, sie wird sie Ihnen dann korrigieren. Mailadresse: Dagmar.Dietz-Hertrich@romanistik.uni-muenchen.de Bitte mailen Sie Ihre Texte bis spätestens Samstag Mittag!»*, либо даётся только адрес электронной почты с предложением обращаться по необходимым вопросам.

Особенности национального коммуникативного стиля немецкой академической коммуникации

Обращаясь к системообразующему жанру учебного процесса «лекция», следует отметить существенную особенность стиля немецкой учебной коммуникации по сравнению, например, с русским коммуникативным стилем, проявляющуюся в частых апелляциях или реминисценциях к научным прецедентным текстам (цитатам авторитетных англоязычных авторов, названиям известных английских или американских работ) на английском языке, то есть на языке первоисточника. Например, из лекции проф. Й. Рохе (Мюнхенский университет): *«...Ausgehend von Humboldts Ideen formuliert Whorf dann später ein sprachliches Relativitätsprinzip, demzufolge das Sprachsystem die Wahrnehmung, das Denken und das Verhalten seiner Sprachgemeinschaft bestimmt und so die Projizierung der sprachlichen Strukturen auf die Sicht der realen Welt der Sprachgemeinschaft erzwingt. So Whorf: That part of meaning which is in words, and which we may call «reference», is only relatively fixed. Reference of words is at the mercy of the sentences and*

grammatical patterns in which they occur...». При этом цитируемые английские примеры либо проецируются на доску, либо произносятся устно без визуальной поддержки. Безусловно, подразумевается, что присутствующие студенты в достаточном объеме владеют английским языком. Ссылки на англоязычные прецедентные тексты обычны и в содержании дискурса семинара, и, разумеется, в выступлениях на научных конференциях.

В языковой реализации коммуникативного стиля в немецком педагогическом (академическом) дискурсе наряду с включением прецедентных текстов англоязычных источников заметна также тенденция употребления латинских слов и устойчивых сочетаний. С этим явлением мы уже встречались выше при номинациях участников академической коммуникации (*Dr. rerum, venia legendi etc.*). Вербальными знаками, принятыми в немецких университетах для упорядочивания времени начала занятий, являются сокращения латинских выражений, стоящих в расписании перед каждым отдельным предметом: *s. t. (sine tempore)*, что свидетельствует о начале лекции в точно назначенное время, и *c. t. (cum tempore)* – как сигнал того, что занятие (лекция или семинар) начнется на 15 минут позже (так называемые академические четверть часа) указанного в расписании времени.

Релевантным отличием композиционно-риторической организации лекционного материала немецкими преподавателями является стратегия преимущественно индуктивного представления материала (индуктивный когнитивный стиль): от частных вопросов, многочисленных примеров к обобщениям и заключениям, в линейной последовательности излагаемого. Нормой коммуникативного взаимодействия на лекции в немецком университете считается диалогичность общения в полном смысле этого слова. Вопросы по содержанию излагаемого, как правило, задаются студентами на протяжении всего лекционного времени, обеспечивая мгновенную обратную реакцию на услышанное: «*Entschuldigung, ich hätte 'ne Frage...*; «*Herr Moosmüller, wenn ich richtig verstanden habe...*».

Опоздание на семинар или лекцию, рассматриваемое как невербальный аспект коммуникативного поведения, считается в немецком педагогическом дискурсе допустимым явлением. То же относится к уходу с лекции в любой её период, что, видимо, можно трактовать как отражение небольшой дистанции власти в немецкой культуре.

Согласно нормам коммуникативной вежливости обязательным элементом, отражающим своего рода способ выхода из коммуникативного контакта в условиях учебного институционального дискурса, в конце лекции, а также семинара как невербальный знак благодарности лектору или семинарскому преподавателю, является постукивание по столу костяшками пальцев или аплодисменты в аудитории без столов.

Можно с уверенностью говорить о большей коммуникативной активности немецких студентов (по сравнению с русскими) на семинарских занятиях, реализующейся в дискуссиях по обсуждаемым темам и вопросам, инициативности и творческом подходе при презентации рефератов. Большое значение придаётся чёткой аргументации, рациональности, выражению собственного мнения, даже если оно конфронтативно по отношению к мнению большинства. Характерным для немецкого стиля коммуникации в ситуации общения на семинаре можно считать внимательное, заинтересованное слушание говорящего аудиторией, полную вовлечённость в тему выступления, постановку оппонентами острых вопросов. При этом очевидно, что задающий вопрос или комментирующий высказывание, сосредоточившись исключительно на предметном уровне, мало внимания обращает на возможную чувствительность восприятия отвечающего. Поэтому реплика звучит иногда резко или даже несколько оскорбительно, вызывая тот перлокутивный эффект, который не входил в коммуникативное намерение говорящего. Например, достаточно резко с перспективы этического (внешнего) взгляда звучит следующая оценка (Evaluierung) завершившегося цикла семинаров в отношении преподававшего доцента: *«Ich hätte äh nicht das Gefühl, dass von der Dozentin viel äh Interesse für die Teilnehmer aufgebracht wurde. Fachlich bleibt Ihr Wissen unangefochten, doch mhm hätte ich etwas mehr aktives Zugehen auf die Studenten gewünscht. Das Thema war sehr gut, na ja, für spannende Diskussion gut geeignet»**. Неудивительно, что в связи с этой особенностью немецкий коммуникативный стиль часто даёт повод считать немцев конфликтными и недипломатичными людьми.

Характерным для немецкого стиля коммуникации в парадигме учебных отношений является интенсивный личностный вклад в дискурсивное событие в рамках учебного занятия (семинара), что, как

* Реплика используется с разрешения преподавателя, в адрес которого она была высказана.

представляется, обусловлено индивидуалистскими ценностными ориентациями немецкой культуры. Этим же можно, на наш взгляд, объяснить поддержание индивидуальной коммуникативной «территории» студента в процессе его выступления на семинаре. Как правило, преподаватель не перебивает студента, представляющего реферат или формулирующего своё мнение по вопросу. Стиль презентации материала обязательно включает его наглядное представление в виде *handout* (краткого изложения темы своего выступления или реферата в форме тезисов, схем, резюме).

Приоритет индивидуалистского подхода очевиден и в организации такой сферы немецкого научно-учебного общения, как консультирование (*Sprechstunden*), число участников которого ограничивается, как правило, двумя коммуникантами: преподавателем и студентом (в отличие, например, от русской формы консультации в режиме преподаватель – группа студентов). С точки зрения институциональных норм данного жанра учебной интеракции, для коммуникативного стиля консультации характерна меньшая степень формальности и тематической фиксированности, чем для лекционного или семинарского взаимодействия. Сниженный уровень формальности и, соответственно, полуофициальная тональность общения обуславливают определённую эмоциональную атмосферу, в которой допустимы юмор и некоторые приватные вопросы в отношении студента, типа «*Wenn Sie jetzt das Kind gekriegt haben, geht es noch mit der Prüfung?*»), недопустимые в другой институциональной обстановке. Тематический спектр обсуждения на консультировании затрагивает как вопросы организации и содержания учебного процесса: занятий, экзаменов, рефератов, – так и проблемы внеучебного плана. В этом случае речь идёт о приёмных часах преподавателя. Например, в исследовании О. Котхоф (см. Kotthoff, 1991) рассматриваются эпизоды коммуникативного взаимодействия между студентами и преподавателями в рамках таких приёмных часов. Тема одного из разговоров: установка видеочамер в университетской библиотеке как способ борьбы с кражами книг. Проанализируем один фрагмент обсуждения с точки зрения **конфронтативной стратегии** или диссонансного общения, свойственного немецкому коммуникативному стилю в целом, стилю научно-учебной коммуникации в частности. В отношении общей характеристики ситуации подчеркнём, что разговор предварительно спланирован (поскольку встречи во время приёмных

часов всегда оговариваются заранее), представляет собой общение двух коммуникантов «лицом к лицу» (студента – S и доцента – D), институционален, но полуофициален, не ярко выражено асимметричен, тематически фиксирован. Поскольку встреча мотивирована определёнными намерениями общающихся, допустимо говорить о её подготовленности, хотя и относительной, в силу того, что реальный дискурс всегда динамичен, а всякое понимание интерпретативно, что обуславливает интерактивное конструирование смыслов и их непредсказуемость. Глобальная коммуникативно-интерактивная цель диалога может быть определена следующим образом: со стороны студента – убедить преподавателя в неправильности принятого решения об установке камер слежения и признание ошибочности такого подхода; со стороны доцента – опровергнуть неоправданные опасения студентов и настроить их спокойно воспринимать действия университетской администрации.

44 S: die wichtigsten Bücher müssen mehrmals auch da sein.

45 D: na ich hab halt die Befürchtung, wenn – Bücher

46 dann mehrmals angeschafft werden, dann werden

47 s ie eben auch mehrmals geklaut, - - HE HE ich

48 mein, gibt's da irgend en äh - - ich

49 find den Appell ja so ganz PRIMA, - -

50 Studienbücher zurückgeben, das ist ganz [schön]

51 S: [nee] ich mein

52 D: Lehr [buchsamm] =

53 S: [mir ist auch]

54 D: = lungen besser zu bestücken ist sicher auch gut,

55 aber - - ich mein das sind

56 (- -)

57 S: mir ist auch klar dass mit schönen Worten allein

58 [nix getan ist,] =

59 D: [(??)]

60 S: = aber ich mein das is ja nich die einzige Sache.

61 wogegen wir uns halt äh vor allen Dingen

62 wehren dass äh mit DIESEN Mitteln' der Überwachung

63 und der äh also ja das riecht also wirklich nach

64 Schnüffelei [(? Irgendwo ja?)]

65 D: [das sicherlich.] in jedem Kaufhaus wird das so

66 auch gemacht und Sie kaufen trotzdem [da ein

67 drin. HE HE]

68 S: [ja da kann da kann] ich mich nicht dagegen

69 WEHren! hier kann ich mich noch dagegen wehren*.

Реплики по поводу пропозиционального содержания диалога отражают антагонистические подходы коммуникантов, каждый из которых предпринимает речевые действия с намерением разрушить аргументы партнёра и закрепить свою позицию. Модальный и эмоциональный смысл несогласия распознаётся во всём первом репликовом шаге преподавателя, начиная с вводной частицы (na), затем лёгком смехе (HE HE) как сигнале абсурдности предложения о многократной покупке книг («...müssen mehrmals auch da sein») и заканчивая просодическим выделением слова (PRIMA), отражающим ироничное отношение к позиции студента. Кроме того, **диссонансным маркером** стиля здесь выступают тактики смены темы и встраивание новой, а также употребление внешне позитивных оценок (ganz prima, ganz schön) и ограничивающих их смысл модальных слов (ja so). Появление новой темы достигается через оппозицию (mehrmals angeschafft – mehrmals geklaut), что на текстовом уровне обеспечивает когезию, а на дискурсивно-семантическом уровне вводит новое тематическое направление (далее подобный «трюк» конфликтного развития диалога обозначается в работе как «оппозитивный формат»). Ответный коммуникативный ход студента, перехватывающего инициативу в диалоге, начинается с прямого несогласия (nee) и закрывает навязываемую ему тему речевым действием (57–58), угрожающим имиджу («лицу») преподавателя. Данная реплика студента, которую можно перефразировать во «всё это красивые слова», выражает недоверие к релевантности и качеству коммуникативных вкладов

* Нотационные обозначения к транскрипту (по: Макаров, 2003: 117; Kotthoff, 1991: 333):

(??) – неразборчивая речь;

- - невокализованная пауза;

äh – вокализованная пауза;

. просодия завершенности;

, просодия продолжения;

? просодия апеллятивная;

^ интонация восходяще-нисходящая;

/ интонация восходящая;

А слово, выделенное ударением;

ГРОМКО слово, произнесённое громче, чем остальные;

А' лёгкое повышение тона;

= продолжение без паузы, подхват собственной реплики;

[] наложение реплик двух и более человек;

(? Так?) неточное воспроизведение речи.

доцента. Приводимые далее общающимися про- и контраргументы в защиту своего мнения (60–67) эксплицируют интерактивное и эмоциональное противостояние обоих. В последнем репликовом шаге студента конфликтный потенциал разговора фокусируется на уровне семантики наречий (*da – hier*), дифференцирующих своё и чужое пространство. Проанализированный эпизод демонстрирует значимые для исследования немецкого коммуникативного стиля прагматические и языковые аспекты и, прежде всего, возможность диссонанса на выходе из коммуникативного контакта даже в условиях асимметричного институционального общения.

Наблюдения за речевыми действиями коммуникативных партнёров в рамках рассматриваемого дискурса, особенно в ситуациях консультативных встреч, дают материал для выделения групп дискурсивных маркеров, эксплицирующих в стиле немецкой коммуникации ментальные процессы общающихся. *Also, halt, freilich, quasi, würde ich sagen, jedenfalls, muss ich ehrlich sagen, wie gesagt, na –* относятся к маркерам ментальных процессов говорящего. Выражения: *wissen Sie, o'key?, wie Sie sagen, wenn Sie noch gestatten, sind Sie sicher, alles klar?* являются маркерами контроля над ментальными процессами адресата. Третью подгруппу образуют слова и сочетания, служащие подтверждением внимания и понимания собеседника, то есть маркеры обратной связи: *ja, ganz richtig, völlig klar, alles klar, wirklich?, genau, ach so, o'key, nein, eben, gut, natürlich,entschuldigung?,bitte?, prima, toll.*

В таком жанре немецкого академического дискурса, как защита диссертации, языковая реализация коммуникативного стиля отчётливо отражает национальные особенности стиля по общекультурной группе факторов. Речь идёт о лично-ориентированном характере проявления коммуникативного стиля через «Я»-центрированность в интеракции, что свидетельствует об индивидуалистских тенденциях немецкой лингвокультуры. Презентация диссертантом материала и своей личной научной позиции актуализируется на фоне значительного количества высказываний с использованием местоимений 1-го лица ед. числа. Проанализированные диктофонные записи процедур 6 диссертационных защит показывают, что в процентном соотношении число предложений с местоимениями 1-го лица ед. числа и предложений с безличными или пассивными конструкциями примерно равно. Как известно, в русском коммуникативном стиле научного

дискурса превалируют структуры с местоименным подлежащим в форме 1-го лица мн. числа. Приведём характерные примеры для данной коммуникативной ситуации: «*Ich habe die Daten erhoben*»; «*Ich glaube, schon*»; «*Das ist meine These*»; «*Meinem Erachten nach...*»; «*Was ich interessant fand,...*»; «*Das ist meine Interpretation*»; «*Dann habe ich überlegt...*»; «*Ich habe keine Erklärung gefunden...*»; «*Ich möchte diese Frage nicht behandeln, das ist doch meine Disputation*»; «*Grundsätzlich muss man sagen...*».

В плане контекстного (в широком смысле) оформления коммуникативной ситуации диссертационной защиты все её прагматические компоненты выглядят чужеродно в перспективе внешнего (русского) этического взгляда. Как правило, на защите, помимо диссертанта, присутствуют три профессора (один из которых научный консультант) и протоколист. Очень редко в процедуре принимают участие просто интересующиеся или коллеги защищающегося. При этом в отличие от русского протокола вопросы диссертанту могут задавать только экзаменующие. Обстановка не имеет ни малейшего намёка на помпезность и торжественность. Чаще всего событие происходит в очень небольшой аудитории, в режиме делового будничного общения. Представление основных результатов исследования длится от получаса до часа, примерно столько же времени занимают вопросы и обсуждение. Вместо обязательного для русской защиты автореферата диспутант предлагает комиссии краткое резюмированное содержание работы (в дискурсивных терминах; своего рода макропропозицию исследования).

Решение о состоявшейся или несостоявшейся защите принимают присутствующие профессора после небольшого закрытого согласования мнений. В целом тональность процесса диспутации производит впечатление свободной, эмоционально-сосредоточенной интеллектуальной полемики.

Острая полемика является ярким актуализатором немецкого научного стиля коммуникации. Вспомним меткие характеристики тевтонского (соотносимого с немецким) научного стиля по Й. Гальтунгу: дебаты расцениваются как «социально-дарвинистская борьба за выживание», а докладчик – как жертва. При этом критика, как правило, воспринимается дискурсивными партнёрами терпимо, в первую очередь потому, что её объектом становится не личность, а пропозициональное содержание речевого действия. Кроме того, как показывает опрос среди участников

немецких конференций*, прояснение позиций и научный спор рассматриваются с точки зрения немецкой перспективы более позитивно, чем похвала, которая часто расценивается как неприятное лицемерие, рождает ощущение дискомфорта и неловкости. В целом полемика как открытый обмен мнениями в рамках немецкого академического дискурса отличается аргументативностью, вербальной эксплицитностью, сфокусированностью на проблемность, наличием собственной позиции, отход от которой в традициях немецкой научной коммуникации считается проявлением слабости: «...*Dabei bleibe ich bei meiner Meinung*». В этой связи следует ещё раз отметить, что коммуникативный стиль немецких научных конференций более тяготеет к диссонансу (конфликту), чем к соблюдению консенсуса (гармонии) и сохранению «позитивного лица», имиджа участников общения. Данная доминанта академического стиля реализуется, например, в распространённой «**да..., но...**» стратегии как отражении разногласия, расхождения мнений: «*Dieses Thema finde ich ganz spannend, ich hätte aber...*»; «*Ja, es ist schon klargeworden, aber ich will noch auf einen wichtigen Aspekt hinweisen...*». Как видим, механизм выдвижения контраргумента к выступлению докладчика осуществляется обычно с помощью тактики краткого положительного замечания, с переходом к формулировке собственной контрпозиции. Развитием названной стратегии, как представляется, является **стратегия «оппозитивного формата»**, для которой характерно конструирование прямо-противоположного мнения в отношении смысла, высказанного выступающим. Иными словами, центральная мысль выступления трансформируется в её полную противоположность, часто с иллюкативной целью эффекта самопрезентации: «*Das, was Sie gesagt haben, finde ich ganz toll, aber dabei ist eine wichtige Ebene ganz ausgeschlossen. So würde ich 'nen anderen Weg vorschlagen...*».

Типичный для немецкой коммуникации рациональный коммуникативный стиль отражается в одной из ярких дискурсивных стратегий научной полемики, а именно в **стратегии научной самопрезентации** или продвижении своего научного «я». Суть последней – трансформация ожидаемого докладчиком вопроса в развёрнутый комментарий, эксплицирующий взгляды говорящего и апеллирующий часто не к

* Интервьюировались участники научных конференций: «Zuwanderung und Integration: Kulturwissenschaftliche Zugänge und soziale Praxis», 11-13.10.02 (München); «Interkulturelle Kommunikation – Konturen einer wissenschaftlichen Disziplin», 12-14. 11.04 (München).

произнесённому тексту, а к собственной позиции оппонента. В таком речевом поведении прочитывается имплицитная или явная интенция говорящего представить себя, акцентировать свой научный имидж, позиционировать своё научное «я». В качестве иллюстрации подобных вербальных действий приведём материалы (транскрипты) аудиозаписей одной из научных конференций*. Для более полного понимания коммуникативной ситуации поясним, что междисциплинарная конференция в Германии была посвящена перспективам и формату развития дисциплины «Межкультурная коммуникация». После каждого доклада, длительность которого в традициях немецкого академического дискурса занимает в среднем полчаса, предусматриваются следующие полчаса для ответов на вопросы. Первый предлагаемый эпизод в общем ходе коммуникативного события представляет собой реакцию – вопрос одного из участников конференции на доклад: «Methodenperspektiven aus der Sicht wirtschaftsorientierter Fächer»:

49 (??) nur ganz kurz äh- -

50 die Frage nach der Konzipierung des Studiengangs'

51 und des Curriculums (??)

52 beispielweise' unsere Studierenden im internationalen Studiengang

53 Umweltressourcen Management', die eigentlich Umweltwissenschaft

54 studieren', aber auch Veranstaltungen in interkultureller

Kommunikation

55 haben. (??)

56 da stelle ich mir dauerhaft die Frage ^

57 was sollen die hier LERNEN (??)

58 also, was = was soll dabei herauskommen?

59 (??) mehrere Versuche, die müssen handlungsfähig sein

60 in internationalen Feldern, und die Vermittlung von Theorien,

61 gleich - - sind das Fachtheorien' oder Theorien

62 von Aspekten der IKK (??)

63 das Handeln ist kulturbedingt. dann ist

64 die Strukturierung so einer = so einer

65 Lehrveranstaltung (??) ich meine äh

66 wäre auch abhängig davon', also

67 wo auch geht/ gehen die Studierenden damit

* Tagung «Interkulturelle Kommunikation – Konturen einer wissenschaftlichen Disziplin» 12-14.11.04. München.

- 68 oder was ist das Besondere an Curriculum'
 69 das in so ein Programm eingebettet ist.
 70 das im Kontext der Diskussion (??)
 71 darum ist es jetzt ein Fach.
 72 oder könnte es einer sein.
 73 (??) wäre so was äh zu berücksichtigen
 74 als Anregung.

Итак, реплика начинается с эксплицитно выраженного вопроса («...*nur ganz kurz die Frage...*»), который затем переходит в долгое рассуждение («...*beispielweise unsere Studierenden im internationalen Studiengang...*») и дискуссию говорящего (вернее, говорящей, поскольку это была женщина) как бы с самим собой («...*da stelle ich mir dauerhaft die Frage...*»), заканчивается рекомендацией к докладчику или апелляцией ко всем присутствующим («...*wäre so was zu berücksichtigen als Anregung*»).

Следующий эпизод, демонстрирующий речевое поведение участника коммуникативного события в жанре научного дискурса – конференция – ещё ярче актуализирует отмеченную нами стратегию, поскольку предполагаемый вопрос к докладу «*Interkulturelle Kommunikation aus ethnologischer Perspektive*» сразу трансформируется в комментарий-рассуждение, которое лишь в заключении содержит риторическую реплику-вопрос:

- 119 (??)
 120... was sehe ich, wo könnte es hingehen,
 121 was könnte in dem anderen' passieren,
 122 äh' was könnten meine nächsten Schritte sein?
 123 äh und ich bin fast immer jemand',
 124 der den anderen begleitet.
 125 aber ich bin deswegen jemand^
 126 oder ich kann deswegen' jemand sein,
 127 der den anderen begleitet/
 128 jemand' der entscheidet/ – –129 welches Training oder welche
 Übungen,
 130 welche Rollen, Spiele jetzt diese Menschen nutzen
 131 (??) weil ich selber diese Erfahrung habe,
 132 weil ich selber den Prozess durchlaufen habe.
 133 (??)

134 also/ natürlich kann ich nicht alles wissen
 135 und natürlich kann ich nicht alles entscheiden.
 136 ich hab persönlich' eine Kollegin/
 137 sie hat diese Erfahrung gemacht'
 138 und als Trainerin gearbeitet.
 139 ja, das is nicht so leicht' am Anfang/
 140 es is genauso wie (??)
 141 also diesen Erfahrungshintergrund,
 142 den kann ich mir nicht schematisch eineignen,
 143 das ist ein langer Prozess,
 144 ein Prozess' der in seiner Bedeutung/
 145 zum Beispiel auch den Fokus legt
 146 (??) die Ethnologen in der Ausbildung macht.

.....
 160 es gibt keine mehr oder weniger (??)
 161 Ausbildung in Wirtschaftswissenschaft
 162 ohne einen Kurs in Kulturanthropologie^
 163 das wäre jetzt die Frage/
 164 was kann jetzt der Studiengang' äh oder
 165 wie kann Kulturanthropologie aufgenommen werden
 166 in andere Studiengänge.

Интенциональное значение приведённого высказывания, переданного здесь в транскрипте с некоторыми купюрами в связи с его значительным объёмом, вряд ли можно интерпретировать как «чистый» вопрос. Очевидно, что в этом примере, так же как и в предыдущем, мы имеем дело с проявлениями в научном стиле немецкой коммуникации стратегии самоподачи или продвижения своего научного «я». Не случайно перлокутивный эффект от такого рода высказываний содержит «привкус» диссонанса, а не консенсуса. Наряду с коммуникативно-прагматическими особенностями актуализации коммуникативного стиля в этом речевом отрывке активированы также и общекультурные детерминанты стиля немецкой коммуникации. Рекурсивные апелляции к своему личному опыту («... *und ich bin fast immer jemand, der den anderen begleitet*»), («... *ich habe persönlich eine Kollegin*»), («...*ich muss eine kleine Feldforschung machen*» etc.), своим размышлениям («... *aber ich denke, dass z.B. in Deutschland, wo sich historisch die Kommunikation entwickelt hat und die Kulturanthropologie, aber in anderen Ländern ist das der Fall...*»), концентрация внимания на персональных качествах, успе-

хах и квалификациях («... *weil ich selber den Prozess durchlaufen habe...*», «*weil ich selber diese Erfahrung habe*») отражают признаки рационального, лично-ориентированного коммуникативного стиля немецкой лингвокультуры.

Наблюдения над немецким коммуникативным стилем в рамках дискурсивного жанра «конференция» позволяют выделить ещё несколько релевантных характеристик научного стиля коммуникации: фокус высказывания на его информативности и достоверности, вербальная эксплицитность, естественность сарказма и иронии в обсуждении, высокая степень эмоциональной вовлечённости, внимательное слушание, повышение тона и усиление громкости речи в её кульминационных моментах, почти полное отсутствие пауз в ответах на конфронтационные вопросы, наличие в речи незавершённых предложений (как бы перебивание самого себя).

Завершая анализ немецкого коммуникативного стиля по фактору институциональной маркированности в ситуациях научно-учебного общения, кратко остановимся также на особенностях речевых действий приветствия и обращения как культурно маркированных прагматических сигналах стиля.

Приветствие в немецкой институциональной среде является важной частью коммуникативного взаимодействия между людьми и представляет своего рода социальный ритуал, суть которого состоит в том, что участники коммуникативной ситуации посредством вербальных и невербальных знаков посылают друг другу сигнал доброжелательного отношения.

Как правило, приветствуется любой, даже незнакомый человек, проходящий мимо по коридору, входящий в лифт или аудиторию. При этом формулой вербального приветствия чаще всего является «Hallo», невербального – зрительный контакт, улыбка и кивок головой. Посылающие данный знак вправе рассчитывать на адекватную реакцию и соответствующий обратный сигнал, что не всегда происходит при взаимодействии с представителем другой языковой культуры. В этом случае приветствие, как показывает опыт, может вызывать в качестве обратной связи удивление или лёгкое замешательство, что легко прочитывается по невербальному коммуникативному поведению адресата.

Универсальная языковая «ты-Вы» антиномия актуализована в немецком стиле коммуникации на основе таких показателей, как степень близости и доверительности общающихся, их социально-статусная

дифференциация (симметрия/асимметрия ролевых позиций), ситуативные или контекстные условия взаимодействия (официальность/неофициальность обстановки общения). Соответственно, проекция этих коммуникативных параметров на общение в научно-учебном дискурсе обуславливает некоторую специфику употребления местоименных вокативов в данной институциональной среде. Так, норма формальной коммуникации в режиме преподаватель – студент, реализуемая через Вы-обращение (Sie-Anrede), релятивируется в режиме обращения доцента к группе студентов на основе употребления местоимения в форме мн. числа (ihr-Form), что свойственно ты-общению: «*Habt ihr (Ihr) alle Reader bekommen?*»; «*Erinnert euch an den Text des letzten Seminars?.. Rolf, könnten Sie bitte kurz zusammenfassen?*». Интересно, что до середины шестидесятых годов прошлого века среди немецких студентов была распространена форма Вы-обращения друг к другу, позднее полностью заменённая на ты-общение. Для академического дискурса определяющими моментами в выборе способов обращения являются факторы взаимоуважения и профессионального сотрудничества. Равные по статусу и по возрасту сотрудники, как правило, общаются на «ты» и обращаются друг к другу по имени. В ситуациях явно выраженной асимметрии по статусу, возрасту, официальности обстановки всегда используется Вы-форма.

В аспекте проксемического стилеформирующего фактора система обращений ты-Вы рассматривается также в качестве вербальных маркеров социальной и статусной дистанцированности между коммуникантами, своего рода «границы» в дискурсивном взаимодействии между ними. Преодоление этой пограничной линии от формально-официального к доверительному обращению требует обязательной речевой процедуры: «*Wir könnten doch «du» sagen oder?*»; «*Würden wir uns nicht duzen?*».

Неместоименные (номинативные) вокативы в немецком научно-учебном дискурсе детерминированы дискурсивными конвенциями (скорее не языкового, а социального плана), отсутствующими, например, в русской коммуникации. Речь идёт об употреблении общих вокативов как нейтральных титулов (Herr/Frau) и статусных титулов в обращениях к университетским преподавателям (Herr Prof.; Dr. Oberdiek). При этом следует отметить, что в немецких университетах (по сравнению, например, с австрийскими) более распространены формулы обращения с нулевыми титулами, и лишь в зависимости от коммуникативной си-

туации (например, в официальном контексте) обращение маркируется соответственно этикету (Frau Prof. Dr. Roth; Herr Prof. Bolten). В целом вряд ли можно говорить о жёстких, генерализованных нормах в отношении номинативных вокативов немецкого коммуникативного стиля. Как правило, их вариации и формы зависят от конкретной речевой констелляции.

Таким образом, коммуникативный стиль академического дискурса отражает константные черты общих доминант национального немецкого стиля и, кроме того, содержит ряд особенностей, проявляющихся именно в сферах академической и педагогической коммуникации современной Германии.

4.2 Специфика институциональной маркированности немецкого национального коммуникативного стиля

Анализ исследованного корпуса эмпирических материалов позволяет говорить о трёхуровневой маркированности коммуникативного стиля в соответствии с его детерминированностью национально-культурными макрокатегориями, его обусловленностью контекстом определённого институционального общения и, наконец, личностно-индивидуальными коммуникативными качествами языковой личности, так или иначе проявляемыми в её коммуникативном поведении во всех интерактивных ситуациях.

Немецкий национальный коммуникативный стиль, сохраняя в рамках институционального дискурса свои базовые конститутивные особенности, приобретает собственные специфические признаки, характерные для каждого отдельного типа дискурса. Так, присущие стилю немецкой коммуникации основные доминанты по группе макро- и микроконтекстных стилеформирующих факторов: эксплицитность речевого поведения, личностная ориентированность и акцентирование индивидуальной идентичности в речи, аргументативность, аналитичность и линейность подачи информации, допустимость конфронтативности коммуникативного взаимодействия, сдержанность жестикюляции и мимики, коммуникативная корректность и т.д., – играя ключевую роль в оформлении немецкой коммуникации, реализуются тем не менее в разной степени выраженности в условиях разных институциональных

сфер. В этом смысле можно говорить о том, что конституирующие доминанты немецкого коммуникативного стиля по общекультурной и коммуникативно-ситуативной группе факторов объективированы в академическом дискурсе достаточно ярко, сочетаясь с рядом институционально маркированных признаков.

Приведённая далее систематизация демонстрирует интегральные и дистинктивные доминанты немецкого коммуникативного стиля в его институциональном преломлении в контексте академического общения (табл. 6).

В завершение выделим основные параметры, конкретизирующие актуализацию немецкого стиля по фактору институциональной маркированности в рамках академического общения:

- специфика номинаций институционального дискурса;
- межкультурная интертекстуальность как апеллятивность к научным прецедентным текстам англоязычных источников;
- классические традиции (опора на латинскую терминологию);
- риторические нормы разворачивания (развития) дискурса;
- диссонантность (конфронтативность) коммуникативных стратегий («да, ... но» – реакция, «оппозитивный формат»);
- полемичность общения;
- научная самопрезентация (стратегия продвижения научного «Я»);
- речевой этикет дискурса;
- нормативность общения;
- тональность дискурсивного взаимодействия.

В соответствии с отмеченными параметрами доминантами немецкого коммуникативного стиля в контексте академического дискурса являются:

- аутентичность цитирования (высокий уровень апелляций к англоязычным источникам);
- широкое использование латинских терминов;
- индуктивность развёртывания информации;
- активность и инициативность взаимодействия;
- наступательность в дискуссии;
- конфронтативность общения (преобладание «да, ...но» – стратегий, «оппозитивный формат»);
- приемлемость доверительной «ты» – формы обращения к старшему по возрасту;

Таблица 6

Макроконтекстный стилеформирующий фактор	Доминанты немецкого национального коммуникативного стиля	Степень выраженности в коммуникативном стиле ¹ академического дискурса
1	2	3
Темпоральный	Монохронность вербальных и невербальных действий;	!
	минимизация неформального общения	!
Проксемический	Высокий уровень речевой и тематической табуированности;	!
	стремление к пространственной и личностной приватности	!
Социально-контекстный	Эксплицитность и прямота речевого поведения;	!
	высокая доля вербальной составляющей в общении;	!
	малодоступность за пределами институционального дискурса	!
Ценностный	Личностная ориентированность («я»-центрированность) коммуникации;	!
	консультативность в деловом общении;	*
	эксплицитность невербальных сигналов	!
	Высокий уровень направленности коммуникации на конечную цель;	!
	аргументативность	!
	Соперничающее, наступательное общение	!
	Распространённость инструктивных и регулятивных речевых актов	!
	Чёткость и определённость содержания высказывания;	!
	отсутствие избыточной экспрессивности	!
	Бытовая коммуникативная малоинициативность	!
Когнитивный	Индуктивность изложения информации;	!
	логичность изложения;	!
	линейность и аналитичность подачи информации	!

Продолжение табл. 6

1	2	3
Коммуникативно-ситуативный	Универсальные вербальные формы приветствия;	!
	подчёркнутая статусность обращения;	!
	релевантность официального представления собеседника;	!
	неприемлемость лично-ориентированных вопросов	!
	сдержанность жестикуляции и мимики;	!
	манifestация формальной коммуникативной вежливости;	!
	демонстрация заинтересованного слушания;	!
	возможность конфронтации при выходе из коммуникативного контакта в условиях профессиональных разногласий;	!
	неприятие коммуникативной навязчивости;	!
	коммуникативная корректность	!

¹ ! – ярко выражена; * – неярко выражена.

- обязательное употребление статусных и/или нейтральных титулов в обращениях;
- «я» – авторизация научного дискурса;
- минимальность неофициального общения за рамками академического дискурса;
- высокий уровень полемичности в обсуждении научных проблем;
- дискурсивная аргументативность;
- вербальная эксплицитность;
- высокая степень эмоциональной вовлечённости;
- большая роль информативности;
- стремление к научной самопрезентации.

Итак, национальный коммуникативный стиль как многомерное интегральное явление, конституирующее коммуникативные процессы определённого культурно-языкового сообщества, имеет три уровня маркированности:

доминантные черты национального коммуникативного стиля;
специфические особенности определённого типа дискурса;
ситуативно- и индивидуально обусловленные признаки коммуни-
кативного стиля.

Основные понятия главы

Институциональный дискурс

Академический дискурс

Дискурсивные стратегии

Доминанты коммуникативного стиля

Вопросы для контроля и обсуждения

1. Проанализируйте основные подходы к понятию «дискурс» в современных коммуникативно ориентированных исследованиях.

2. Как определяется большинством отечественных авторов термин «институциональный дискурс»?

3. Дайте дефиницию понятию «академический дискурс».

4. Что вы понимаете под доминантами коммуникативного стиля в контексте институционального дискурса?

5. Опишите структуру, ключевые понятия и особенности академической коммуникации в стране изучаемого языка.

6. Смоделируйте стиль коммуникации в контексте академического общения по фактору институциональной маркированности (на основе описанной в параграфе стилиевой специфики в рамках немецкого научно-педагогического дискурса).

7. Опишите (в случае имеющегося эмпирического опыта) любой жанр академического дискурса на примере страны изучаемого языка в перспективе отражения в нем национального коммуникативного стиля.

8. Какие релевантные стратегии научной и учебной коммуникации в контексте зарубежного образования вам теперь известны?

9. Как вы могли бы проинтерпретировать взаимосвязь сформированных межкультурных компетенций по отношению к академической

коммуникации и способность к эффективной адаптации в условиях культурно чужеродной университетской среды?

10. Поразмышляйте о значимости знаний о специфике институционального дискурса и коммуникативного стиля в стране изучаемого языка в перспективе академических обменов (например, включенной магистратуры) в рамках Болонского соглашения.

Темы для самостоятельного реферирования

1. Особенности стиля академического (педагогического) общения в восточных культурах (китайской, японской, корейской, турецкой).
2. Научный дискурс в восточных языковых культурах.
3. Академическое общение в лингвокультурах Европы и США.
4. Специфика научного дискурса в университетах США.
5. Коммуникативный стиль научного дискурса в университетах Великобритании.

Рекомендуемая литература

1. Бобрышева, Е.И. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному: монография / Е.И. Бобрышева. – М.: Флинта; Наука, 2004.
2. Куликова, Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография / Л.В. Куликова. – М.: Флинта, Наука, 2009.
3. Латынов, В.В. Стили речевого коммуникативного поведения: Структура и детерминанты / В.В. Латынов // Психологический журнал. – 1995. – № 6. – С. 90–100.
4. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О.А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2002.
5. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса: монография / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003.
6. Михайлова, Е.В. Конститутивные признаки научного дискурса / Е.В. Михайлова // Языковая личность: проблемы обозначения и пони-

мания: тез. докл. научн. конф. Волгоград, 5-6 февр. 1997. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 95–96.

7. Сочивко, Д.В. Метод измерения индивидуального стиля познавательной деятельности / Д.В. Сочивко // Методы психологического исследования: проблемы и поиски путей реализации: сб. науч. тр. – М.: Изд-во АН СССР, Ин-та психологии, 1986. – С. 82 – 94.

8. Стернин, И.А. Русская невербальная коммуникация (на фоне немецкой) / И.А. Стернин // Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып.1 – Воронеж: Истоки, 2002.

9. Стрелкова, И. Э. Стилевые характеристики межличностного общения студентов / И.Э. Стрелкова // Социально-психологические проблемы ускорения социального развития общества в условиях перестройки. – М., 1989. – С.123 – 124.

10. Шаповалов, В.Ф. Россиеведение: учеб. пособие для вузов / В.Ф. Шаповалов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.

Заключение

Три ключевых понятия: язык – коммуникация – культура – являются сегодня едва ли не самыми актуальными как для собственно научных исследований, так и для создания новой модели языкового образования, поскольку их взаимодействие соответствует вызовам времени и отражает основные тенденции отечественного и зарубежного лингводидактического пространства.

Мир современного человека не может замыкаться в рамках одной страны. Интенсивные интеграционные процессы в сферах производства, образования, бизнеса, науки, расширение межкультурных контактов требуют нового осмысления проблем языка и культуры, культуры и коммуникации. Сегодня всем ясно, что условием успешности профессиональной и общественной деятельности специалистов всех областей является умение эффективно общаться и взаимодействовать с людьми. Поэтому языковые и коммуникативные компетенции относятся в наши дни к базисным компетенциям современной образованной личности. В значительной степени только совершенствуя обучение и интенсифицируя исследования в области иностранных языков, коммуникативистики, интеркультуралистики, можно содействовать общению, развитию сотрудничества, более глубокому пониманию культур, образа жизни и мыслей других народов.

Предложенный в данном учебном пособии курс можно рассматривать как основу для университетских модулей по теории межкультурной коммуникации, которые могут быть дополнены, трансформированы, видоизменены в соответствии с интересами и предпочтениями преподавателя и спецификой реализуемой образовательной программы (профилем обучения).

Библиографический список

1. Агеев, В.С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. – М.: Изд-во Моск. ун-та., 1990. – 240 с.
2. Аргентова, Т.Е. Стиль общения как фактор эффективности совместной деятельности / Т.Е. Аргентова // Псих. журн. – 1984. – №6. – С. 130–133.
3. Астафурова, Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты): дис. ... д-ра пед. наук / Т.Н. Астафурова. – МГЛУ, 1997.
4. Бабаева, Е.В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: монография / Е.В. Бабаева. – Волгоград: Перемена, 2003.
5. Балашова, Л.В. Вербальная коммуникация и её отражение в идиоматике русского языка / Л.В. Балашова // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: Изд-во гос. УНЦ «Колледж», 2003.
6. Белик, А.А. Культурология. Антропологические теории культур / А.А. Белик. – М., 1998.
7. Белл, Р. Социолингвистика: пер. с англ. / Р. Белл. – М., 1980.
8. Бергельсон, М.Б. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения кроскультурных взаимодействий // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 4.
9. Бергельсон, М.Б. Коммуникативные методы в управлении или менеджмент как искусство коммуникации / М.Б. Бергельсон // Теория и практика коммуникации: Вестник Рос. коммуникативной ассоциации. Вып. 2. – Ростов н/Д: ИУБиП, 2004.
10. Бобрышева, Е.И. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному: монография / Е.И. Бобрышева. – М.: Флинта; Наука, 2004.

11. Богданов, В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство / В.В. Богданов // *Язык, дискурс и личность: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.; И.П. усов и др. ; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 1990. – С. 26–31.*
12. Богданов, В.В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации / В.В. Богданов // *Языковое общение и его единицы: сб. науч. тр. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1986. – С. 12–18.*
13. Богушевич, Д.Г. Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка / Д.Г. Богушевич. – Минск, 1985.
14. Бойкова, И.Б. Я-пространство как компонент коммуникативного поведения и национальной семантики (русско-немецкие параллели) // *Русское и немецкое коммуникативное поведение. – Воронеж, 2002. – Вып. 1. – С. 100 – 110.*
15. Брудный, А.А. Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности) / А.А. Брудный. – Фрунзе, 1972.
16. Брутян, Г.А. О гипотезе Сепира-Уорфа / Г.А. Брутян // *Вопросы философии. – М., 1969. – № 1.*
17. Бусыгина, И.М. Регионы Германии. – М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 351 с.
18. Вацлавик, Пол. Прагматика человеческих коммуникаций: изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон – М.: Апрель-Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000 (а).
19. Вацлавик, Пол. Психология межличностных коммуникаций / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон. – СПб.: Речь, 2000 (б).
20. Введенская, Л.А. Культура и искусство речи: Современная риторика: учеб. пособие / Л.А. Введенская, Л.Т. Павлова. – Ростов-н/Д: Феникс, 1999.
21. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
22. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание /А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997.
23. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М.Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990.
24. Веселкин, Е.А. Культурная антропология США: теория и действительность. Этнологическая наука за рубежом: Проблемы, поиски, решения – М.: Наука, 1991.

25. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / В.В. Виноградов; отв. ред. Т.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. школа, 1986.
26. Воробьёв, В.В. Лингвокультурология: учебник / В.В. Воробьёв. – М., 1997.
27. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику: учеб. пособие / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995.
28. Гердер И.Г. Избранные сочинения. – М.; Л.: Гослитиздат, 1959.
29. Грейдина, Н.Л. Основы системной концепции коммуникативно-культурного взаимодействия (теоретико-экспериментальное исследование): дис. д-ра филол. наук / Н.Л. Грейдина ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 1999.
30. Гришаева, Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003.
31. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин; под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2002.
32. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
33. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации / Д.Б. Гудков // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 116–129.
34. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации: курс лекций / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
35. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989.
36. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопр. языкозн. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
37. Долинин, К.А. Стилистика французского языка / К.А. Долинин – Л.: Просвещение, 1978.
38. Донец, П.Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики. – Харьков: Штрих, 2001. – 386 с.
39. Ерастов, Н.П. Формирование умений и навыков общения / Н.П. Ерастов // Социально-психологические и психолого-педагогические проблемы общения. – М., 1981. – С. 3–34.

40. Желтухина, М.Р. Специфика масс-медиального дискурса / М.Р. Желтухина // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы: тез. междунар. конференции. Москва, 23–25 окт. 2001 г. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
41. Желтухина, М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М.Р. Желтухина. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.
42. Залевская, А.А. Вопросы теории и практики межкультурных исследований / А.А. Залевская // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 23–39.
43. Залевская, А.А. Интегративный подход к пониманию текста / А.А. Залевская. Материалы междунар. конференции, посвященной 60-летию ф-та иностр. яз.: сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2003. – С. 56–68.
44. Залевская, А.А. Корпоральная семантика и интегративный подход к языку / А.А. Залевская // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы 7-й междунар. науч.-практ. конференции. – Иркутск, 24–27 июня 2002 г. / А.В. Кравченко (ред.). – Иркутск, 2002.
45. Захаренко, И.В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте / И.В. Захаренко // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 92–99.
46. Земская, Е.А. Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта / Е.А. Земская // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. – М., 1978. – С. 196–220.
47. Зубкова, Я.В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах: дис. канд. филол. наук / Я.В. Зубкова. – Волгоград, 2003.
48. Иконникова, С.Н. Культурология в системе гуманитарных наук; междисциплинарные взаимосвязи // Гуманитарий. – СПб., 1995. – № 1.
49. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О.С. Иссерс. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
50. Карасик, В.И. Коммуникативная личность как лингвистический концепт / В.И. Карасик // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста. – Волгоград, 1993.
51. Карасик, В.И. Язык социального статуса: монография / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.
52. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002.

53. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987.
54. Кармин, А.С. Основы культурологии: мифология культуры / А.С. Кармин. – СПб.: Изд-во «Лань», 1997. – 512 с.
55. Касьянова, К. Если Магомет не идёт к горе... / К. Касьянова // Знание – сила. – 1992. – № 1.
56. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М., 1994.
57. Кашкин, В.Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие / В.Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000.
58. Квинн, Н. Вирджиния. Прикладная психология / Н. Квинн. – СПб.: Питер, 2001. – 424 с.
59. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. (в виде научного доклада) ... д-ра филол. наук / А.А. Кибрик. – Москва, 2003.
60. Кибрик, А.Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности / А.Е. Кибрик // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. – М., 1987.
61. Климов, Е.А. Индивидуальный стиль деятельности / Е.А. Климов. – Казань, 1969.
62. Клюканов, И.Э. Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование: монография / И.Э. Клюканов. – Тверь, 1998.
63. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М., 1984.
64. Кон И.С. Этноцентризм // *Философский энциклопедический словарь*. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
65. Конечкая, В.П. Социология коммуникации / В.П. Конечкая // *Междунар. ун-т бизнеса и управления «Братья Карич»*. – М., 1997.
66. Костомаров, В.Т. Как тексты становятся прецедентными / В.Т. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // *Русский язык за рубежом*. – 1994. – №1.
67. Кочетков, В.В. Психология межкультурных различий: учебное пособие / В.В. Кочетков. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 416 с.
68. Кравченко, А.В. Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка / А.В. Кравченко // *Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. статей*. – Саратов: Гос. учеб.-науч. центр «Колледж», 2003.
69. Кравченко, В.И. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия в информационном обществе: монография / В.И. Кравченко. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.

70. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001.

71. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?: монография / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

72. Красных, В.В. Анализ дискурса с точки зрения национально-культурной составляющей / В.В. Красных // Русский язык: исторические судьбы и современность: международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – М., 2001.

73. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

74. Куликова, Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты (на материале русской и немецкой лингвокультур): монография / Л.В. Куликова ; Краснояр. гос. пед. ун-т. – Красноярск, 2004.

75. Куликова, Т.С. Как говорят бизнесмены / Т.С. Куликова, Т.А. Милехина // Вопросы стилистики. Вып. 25. Проблемы культуры речи. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 127–135.

76. Куницына, В.Н. Межличностное общение: учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб.: Питер, 2001.

77. Курбатов, В.И. Стратегия делового успеха: учебное пособие для студентов вузов / В.И. Курбатов. – Р-н/Д : Феникс, 1985.

78. Латынов, В.В. Стили речевого коммуникативного поведения: Структура и детерминанты / В.В. Латынов // Психологический журнал. – 1995. – № 6. – С. 90–100.

79. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: учеб. пособие / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ - С, 1999.

80. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 435 с.

81. Леонтович, О.А. Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами: дис. ... д-ра филол. наук / О.А. Леонтович; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград: ВГПУ, 2002.

82. Леонтьев, А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объём, задачи и методы психолингвистики / А.А. Леонтьев // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 5–13.

83. Леонтьев, А.А. Основные направления прикладной психолингвистики в СССР / А.А. Леонтьев // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. – М., 1972. – С. 7–24.

84. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. / А.Н. Леонтьев. – М., 1983.
85. Либин, А.В. Стиль человека: психологический анализ / А.В. Либин. – М.: Смысл, 1998. – С. 109–204.
86. Лихачев, Д.С. Культура как целостная среда / Д.С. Лихачев // Новый мир. – № 8. – 1994.
87. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М., 1992.
88. Льюис, Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию / Р.Д. Льюис. – М.: Дело, 1999.
89. Люкин, В.В. Психологическое содержание стиля руководства: автореф. дис. канд. психол. наук / В.В. Люкин. – Л., 1981.
90. Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе: монография / М.Л. Макаров. – Тверь, 1998.
91. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса: монография / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003.
92. Мальковская, И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы: монография / И.А. Мальковская. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
93. Мамаладзе, Т. Несокрушимый Давид / Т. Мамаладзе // Литературная газета. – 1982. – 24 марта.
94. Марков, Б.М. Мораль и разум. Послесловие к работе Ю. Хабермаса «Моральное сознание и коммуникативное действие» / Б.М. Марков. – СПб.: Наука, 2000.
95. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М., 2001.
96. Маствилискер, Э.И. Индивидуальный стиль общения в совместной игровой и предметной деятельности / Э.И. Маствилискер // Вопр. психологии. – 1989. – № 3. – С. 63–70.
97. Матвеева, Г.Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению / Г.Г. Матвеева. – Р-н/Д: ДЮИ, 1998.
98. Матвеева, Г.Г. Речевая деятельность и речевое поведение как составляющие речи / Г.Г. Матвеева, Е.Е. Петрова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: 2-й междунар. сб. науч. тр. – Пятигорск. гос. линг. ун-т. – Москва-Пятигорск, 2005. – С. 66–72.
99. Матьяш, О.И. Особенности коммуникативных взаимодействий в российских и американских организациях / О.И. Матьяш // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты «Коммуникация – 2004»: материалы Второй междунар. конференции – Р-н/Д: ИУБиП, 2004. – С. 16–18.

100. Матьяш, О.И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование/ О.И. Матьяш // Сибирь. Философия. Образование: науч.-публиц. альманах. Вып. 6. – Новокузнецк: Ин-т повышения квалификации, 2002. – С. 36–47.
101. Медведева, Е.В. Рекламная коммуникация: монография / Е.В. Медведева. – М: Едиториал УРСС, 2003.
102. Межкультурная коммуникация: учеб. пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, В.М. Бухаров и др.; Нижегород. гос. линг. ун-т. – Нижний Новгород, 2001. – 320 с.
103. Ментальность россиян. Специфика сознания больших групп населения России. – М., 1997. – 477 с.
104. Мерлин, В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. – М., 1986.
105. Мид, М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988.
106. Миронова, Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. – М.: «НВИ» – «Тезаурус», 1997. – 158 с.
107. Миронова, Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики: учеб. пособие / Н.Н. Миронова. – М.: «НВИ» - «Тезаурус», 1997.
108. Михайлова, Е.В. Конститутивные признаки научного дискурса / Е.В. Михайлова // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. науч. конференции Волгоград, 5-6 февр. 1997. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 95–96.
109. Михальская, А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике: Учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов. – М.: Academia, 1996. – 192 с.
110. Национально-культурная специфика речевого поведения: монография / ред. кол. А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов; Ин-т языкозн. АН СССР. – М.: Наука, 1977.
111. Овчинников, В.В. Ветка сакуры / В.В. Овчинников. – М.: Молодая гвардия, 1988.
112. Огарь (Федоренко), Е.И. Методика определения типа межличностного поведения / Е.И. Огарь // Социально-психологические проблемы ускорения социального развития общества в условиях перестройки. – М., 1989. – С. 116–117.
113. Одинцов, В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов. – М., 1980.
114. Олянич, А.В. Драматургия межкультурной коммуникации (этнокультурная специфика презентационной структуры дискурса) /

А.В. Олянич // Коммуникативные исследования 2003: современная антология / под ред. проф. О.А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2003.

115. Орлова, Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию: учеб. пособие / Э.А. Орлова. – М.: Изд-во МГИК, 1994.

116. Осипов, Г.В., Кабыща А.В., Тульчинский М.Р. Социология: учебник для высш. учеб. заведений. – М.: Наука, 1995. – 374 с.

117. Основы теории коммуникации: учебник / под ред. проф. М.А. Вассилика. – М.: Гардарики, 2005.

118. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986.

119. Падучева, Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – С. 5 – 32.

120. Персикова, Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учеб. пособие. – М.: Логос, 2002. – 224 с.

121. Пирогова, Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования: на материале рекламных и PR-сообщений / Ю.К. Пирогова // Scripta Linguistica applicata. Проблемы прикладной лингвистики-2001: сб. ст. / отв. ред. А.И. Новиков. – М.: Азбуковник, 2001.

122. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2003.

123. Почепцов, Г.Г. Теория и практика коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М., 1998.

124. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефлбук, К.: Ваклер, 2003.

125. Почепцов, Г.Г. Язык и коммуникация: некоторые понятия / Г.Г. Почепцов // Текст как психолингвистическая реальность. – М., 1982. – С. 3–7.

126. Почепцов, О.Г. Коммуникативные аспекты семантики / О.Г. Почепцов. – Киев, 1987.

127. Почепцов, О.Г. Основы прагматического описания предложения / О.Г. Почепцов. – Киев, 1986.

128. Привалова, И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): монография / И.В. Привалова. – М.: Гнозис, 2005.

129. Прохоров, Ю.В. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев: монография / Ю.В. Прохоров. – М., 1996.

130. Прохоров, Ю.Е. Русское коммуникативное поведение: монография / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – М., 2002.
131. Рахманов И.В. и др. Немецко-русский синонимический словарь. – М.: Рус. яз., 1983.
132. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов – М.: Ин-т языкозн. АН СССР, 1988.
133. Российское сознание: психология, культура, политика: материалы II Междунар. конференции по исторической психологии русского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем». – Самара: Изд-во СамГУ, 1997. – 437 с.
134. Рот, Ю., Коптельцева, Г. Встречи на грани культур: игры и упражнения для межкультурного обучения: учеб. пособие / Ю. Рот, Г. Коптельцева. – Калуга: ООО «Полиграф-Информ», 2001. – 188 с.
135. Руденко, И.Л. Стиль общения и его детерминанты: автореф. дис. ... канд. психол. наук / И.Л. Руденко. – М., 1988.
136. Русские – своеобразны. Немцы – тоже: Межкультурный тренинг для русских и немцев. – Goethe Institut Moskau.
137. Русское и немецкое коммуникативное поведение. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – Вып. 1. – 181 с.
138. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. – М.: Высшая школа, 2000. – 304 с.
139. Салмина, Л.М. Коммуникация. Язык. Мышление: монография / Л.М. Салмина. – Казань: ДАС, 2001.
140. Семрадова, И. Коммуникативная парадигма. Глобалистика: энциклопедия «Диалог» / И. Семрадова. – М.: ОАО Радуга, 2003.
141. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир: пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2001.
142. Сергеева, В.И. Предложение-высказывание в коммуникативно-языковом процессе / В.И. Сергеева. – Тверь, 1993.
143. Сёрль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов/ Дж.Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 195–222.
144. Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт? / Дж.Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986.
145. Сиротинина, О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: пособие для учителя / О.Б. Сиротинина. – М.: Просвещение, 1996.

146. Слышкин, Т.Т. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: монография / Т.Т. Слышкин. – М.: Academia, 2000.
147. Смелзер, Н. Социология. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
148. Соколов, А.В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие / А.В. Соколов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А. – 2002.
149. Сорокин, Ю.А. Национально-культурная специфика художественного текста / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина. – М., 1989.
150. Сорокин, Ю.А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю.А. Сорокин, И.М. Михалева // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. – М., 1993. – С.98 – 117.
151. Сорокин, Ю.А. Что такое прецедентный текст? / Ю.А. Сорокин // *Семантика целого текста*. – М., 1987. – С. 144–145.
152. Сорокин, Ю.А., Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // *Национально-культурная специфика речевого поведения*. – М.: Наука, 1977. – С.14 – 37.
153. Сочивко, Д.В. Метод измерения индивидуального стиля познавательной деятельности / Д.В. Сочивко // *Методы психологического исследования: проблемы и поиски путей реализации: сб. науч. тр.* – М.: Изд-во АН СССР, Ин-та психологии, 1986. – С. 82 – 94.
154. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 1997.
155. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. – М., 1996. – С. 97 – 112.
156. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие: монография / И.А. Стернин. – Воронеж, 2001.
157. Стернин, И.А. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения // И.А. Стернин / *Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Н.А. Красавского*. – Волгоград: Перемена, 2003.
158. Стернин, И.А. Очерк английского коммуникативного поведения: монография / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2003.
159. Стернин, И.А. Практическая риторика / И.А. Стернин. – Воронеж, 1993.

160. Стернин, И.А. Проблемы описания национального коммуникативного поведения/ И.А. Стернин //Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: Истоки, 2002. – С. 4–7.

161. Стернин, И.А. Русская невербальная коммуникация (на фоне немецкой) / И.А. Стернин // Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып.1 – Воронеж: Истоки, 2002.

162. Стернин, И.А. Русское и немецкое коммуникативное поведение и проблема межкультурной коммуникации/ И.А. Стернин // Межкультурная коммуникация: парадигмы исследования и преподавания: мат. междунар. науч.-практич. конф. – Красноярск, 2003.

163. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – М.: ИП РАН, Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

164. Стрелкова, И. Э. Стилиевые характеристики межличностного общения студентов / И.Э. Стрелкова // Социально-психологические проблемы ускорения социального развития общества в условиях перестройки. – М., 1989. – С.123 – 124.

165. Субботский, Е.В. Стилъ общения как способ формирования личности ребенка / Е.В. Субботский // Психолого-педагогические проблемы общения. – М., 1979. – С. 80 – 98.

166. Тарасов, Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Ин-т языкозн. РАН, 1996. – С. 7 – 22.

167. Тарасов, Е.Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте / Е.Ф. Тарасов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 67 – 95.

168. Тарасов, Е.Ф. Проблемы анализа речевого общения / Е.Ф. Тарасов // Общение. Текст. Высказывание. – М., 1989.

169. Тарасов, Е.Ф. Проблемы теории речевого общения / Е.Ф. Тарасов. – М., 1992.

170. Тарасов, Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория / Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990.

171. Тарасов, Е.Ф. Социальное взаимодействие в речевом общении / Е.Ф. Тарасов: материалы IV Всесоюзн. симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации. – М., 1972. – С. 8–15.

172. Тарасов, Е.Ф. Социальный символизм в речевом поведении / Е.Ф. Тарасов // Общая и прикладная психоллингвистика. – М., 1973. – С.36 – 53.

173. Телия, В.Н. Русская фразеология/ В.Н. Телия. – М., 1996.
174. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 264 с.
175. Токарев, С.А. История зарубежной этнографии. – М., 1978.
176. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике/ Н.И. Толстой. – М., 1995.
177. Уфимцева, Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания/ Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1996. – С. 139–162.
178. Уфимцева, Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкозн. РАН, 2000а. – С. 135–170.
179. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание и образ мира славян / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкозн. РАН, 2000б. – С. 207–219.
180. Федорова, Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л.Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6.
181. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: учеб. пособие / Н.И. Формановская. – М.: Рус. яз., 2002.
182. Халеева, И.И. Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия? (из опыта подготовки переводчиков) / И.И. Халеева: сб. науч. тр. № 444 «Актуальные проблемы межкультурной коммуникации». – М.: Изд-во МГЛУ, 1999.
183. Холл, Э. Как понять иностранца без слов. – М.: Вече, Персей, АСТ, 1995.
184. Цветов, В.Я. Пятнадцатый камень сада Рёандзи / В.Я. Цветов. – М.: Политиздат, 1991.
185. Цурикова, Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации: монография / Л.В. Цурикова ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2002.
186. Шамне, Н.Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: монография / Н.Л. Шамне; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 1999.
187. Шаповалов, В.Ф. Россияведение: учебн. пособие для вузов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
188. Шаронов, В.В. Основы социальной антропологии. – СПб.: Изд-во «Лань», 1997. – 192 с.

189. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е.И. Шейгал; Ин-т языкозн. РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000.
190. Шейгал, Е.И. Структура и границы политического дискурса / Е.И. Шейгал // Филология – Philologia. Краснодар: КубГУ, 1998. – № 14. – С. 22–29.
191. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
192. Шмелева, Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании / Т.В. Шмелева // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В.А. Белошапкиной, И.Т. Милославского. – М., 1988.
193. Шмелёва, Т.В. Речевой жанр: возможности описания и использование в преподавании языка / Т.В. Шмелева // Русистика. – Берлин, 1990. – № 2. – С. 20–32.
194. Эккерт, Х. Модели типично русских предложений (односоставные конструкции) / Х. Эккерт // Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: Истоки, 2002. – С. 46–59.
195. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Петрополис, 1998.
196. Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – 227 с.
197. Юдина, Т.В. Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи: дис. ... д-ра филол. наук / Т.В. Юдина. – М., 2001.
198. Язык, дискурс и личность: межвуз. сб. науч. тр. / ред. кол.: И.П. Сусов и др.; Твер. гос. у-т. – Тверь, 1990.
199. Якобсон, Р. Избранные работы / Р. Якобсон. – М., 1985.
200. Якобсон, Р. О разработке целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами / Р. Якобсон // Новое в лингвистике. Вып. IV. – М., 1965.
201. Abadi, A.: The Speech Act of Apology in Political Life / A. Abadi // Journal of Pragmatics 14, 1990. - P. 467–471.
202. Agar, M.: Language Shock. Understanding the Culture of Conversation / M. Agar. - New York, 1984.
203. Albert, M.-T. Weltweite Entwicklungen und kulturalistische Bildung: eine Kritik.- Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1993.
204. Aler, A.: Understanding Human Nature / A. Adler. - New York: Garden City, 1927.
205. Alexander E. Die Anderen. In: dies.: Zeitflusen. Gedichte. Heidelberger

206. Altehenger – Smith, S.: Language choice in Singapore / S. Altehenger – Smith // Paper presented at the International Symposium on Analyzing Intercultural Communication. - Essen, 1983.
207. Altman, I., Gauvain, M.: A crosscultural dialectic analysis of homes / I. Altman, M. Gauvain // Spatial representation and behavior across the life span, Hg.L. Liban, A. Patterson, N. Newcombe. - New York, 1981.
208. Andree, B. (2004): Interkulturalität im Fremdsprachenunterricht / B. Andree // Interkulturelle Kompetenz, (Hg.): J. Roth, Ch.Köck. - München, 2004. - S. 149–158.
209. Asante M.K.; Newmark, E.; Blake, C.A. (Hrsg.): Handbook of intercultural communication, Beverly Hills/London 1979.
210. Auer, P. (1986): Kontextualisierung / P. Auer // Studium Linguistik 19. – S. 22–47.
211. Austin, J. L.: How to Do Things with Words / J. L. Austin. – Oxford, 1962.
212. Barnlund, D.: Verbal self – disclosure. Topics, targets, depth / D. Barnlund // Elise C. Smith, Louise Fiber Luce (Hrsg.): Toward internationalism. Readings in crosscultural communication. (S.83–101). - Rowley, MA.: Newbury House, 1979.
213. Bar-Tal D. Causes and consequences of delegitimation: Models of conflict and ethnocentrism// J. of Social Issues. 1990. Vol. 46. P.65 – 82.
214. Baumgart, A., B. Jänecke (2000): Rußlandknigge / A. Baumgart, B. Jänecke. – 2. akt. Aufl. – München: Oldenbourg.
215. Bausch/ Christ/Hüllen/Krumm (Hrsg.): Handbuch Fremdsprachenunterricht. Francke Verlag Tübingen, 1989.
216. Bausinger H. Das Bild der Fremde in der Alltagskultur. In.: Universitas 43, 2, H.9, 1988, S.946. Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft Stuttgart.
217. Bausinger H. Typisch deutsch: wie deutsch sind die Deutschen? Verlag C.H. Beck oHG, München 2002.
218. Bausinger, H. (1985): Alltag im Landeskundeunterricht / H. Bausinger // Deutsch lernen 3. - S. 3–14.
219. Bausinger, H. (2002): Typisch deutsch: wie deutsch sind die Deutschen? / H. Bausinger. - Verlag C. H. Beck oHG. - München.
220. Bellman, G. (1996): Der Beitritt als Wender. Referenz und Nomination / G. Bellman // Hilde-Brandt, Reiner /Bemer, Klaus (Hgg.): Stand und Aufgaben der deutschen Dialektlexikographie. II. Brüder-Grimm-Symposion zur Historischen Wortforschung. Beiträge zu der Marburger Tagung vom Oktober 1992. – Berlin /New York. (Historische Wortforschung.

Untersuchungen zur Sprach-und Kulturgeschichte des Deutschen in seinen europäischen Bezügen 4). – S. 1–16.

221. Benedict Ruth, 1955 *Urformen der Kultur*. Reinbek b. Hamburg: Rowohlt (engl. Orig.: 1934).

222. Bennet M. *Basic concepts of intercultural communication. Selected Readings*. Yarmouth, 1998.

223. Bennett, M. J.: *A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity* / M. J. Bennet // *International Journal of Intercultural Relations* 10 (1986). – P. 179–196.

224. Bennett, M.J.: *Modes of Cross-Cultural Training: Conceptualizing Cross-Cultural Training as Education* / J. M. Bennet // *International Journal of Intercultural Relations* 10 (1986). - S. 117–134.

225. Bentele, G., Beck, K. (1994): *Information – Kommunikation – Massenkommunikation. Grundbegriffe und Modelle der Publizistik – und Kommunikationswissenschaft* / G. Bentele, K. Beck // Jarren, Otfried (Hrsg.): *Medien und Journalismus I. Eine Einführung*. - Opladen, 1994. - S.18–50.

226. Bergler, R., Six, U. (1979): *Psychologie des Fernsehens* / R. Bergler, U. Six. - Bern.

227. Berry, J. W.: *Immigration, acculturation and adaptation* / J.W. Berry // *Applied psychology: An international review*, 1997, Vol.46 (1).

228. Boas, F., *Kultur und Rasse* (Leipzig 1914); auszugsweise wiederabgedruckt in C.A. Schmitz, hg., *Kultur* (Frankfurt am Main 1963).

229. Bochner S. (Hrsg.): *Cultures in contact. Studies in cross-cultural interaction*, Oxford 1983.

230. Bollnow O.F. *Das kritische Verstehen*. In: ders.: *Studien zur Hermeneutik*, Bd.1. *Zur Philosophie der Geisteswissenschaften*. Verlag Karl Alber, Freiburg/München 1982, S.94 – 96.

231. Bolten, J. (1992): *Interkulturelles Verhandlungstraining* / J. Bolten // *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache* 18. - S. 269–287.

232. Bolten, J. (2001): *Interkulturelle Kompetenz* / J. Bolten. - Erfurt.

233. Bouton, L.F.: *Developing non-native speaker skills in interpreting conversational implicatures in English* / L.F. Bouton // Hinkel, E. (Hg.), *Culture in Second Language Teaching and Learning*, Cambridge, 1999. - S. 47–70.

234. Brewer M. B., Campbell D.T. *Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence*. N. Y.: Halsted/Wiley, 1976.

235. Brown, P., Levinson, S.: *Politeness: Some Universals in Language Usage* / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.

236. Bürger, H. (1984): *Sprache der Medien* / H. Bürger. - Berlin /New York.
237. Burk K. (Hrsg.): *Fremdsprachen und fremde Sprachen in der Grundschule*. Frankfurt am Main 1992, S.7 – 19.
238. Burkart, R. (1998): *Kommunikationswissenschaft. Grundlagen und Problemfelder. Umriss einer interdisziplinären Sozialwissenschaft*. 3., überarb. Aufl. / R. Burkart.- Wien.
239. Burkart, R., Hömberg, W. (1992) (Hg.): *Kommunikationstheorien* / R. Burkart, W. Hömberg. - Wien.
240. Burkart, R.: *Verständigungsorientierte Öffentlichkeitsarbeit* / R. Burkart // G. Bentele und M. Rühl (Hg.): *Theorien öffentlicher Kommunikation*. - S. 218–227.
241. Burke, K.: *A grammar of motives «Berkeley»* / K. Burke. - University of California Press, 1970.
242. Byrnes, H.: *Interactional style in German and American conversations* / H. Byrnes // *Text* 6–2, 1986. – P. 189–207.
243. Casmir, F. L.: *Intercultural and International Communication* / F.L. Casmir. - Washington, 1978, 1997.
244. Clyne, M.: *Culture and Discourse Structure* / M. Clyne // *Journal of Pragmatics* 5, 1981. – P. 61–66.
245. Clyne, M.: *Linguistics and written discourse in particular languages: contrastive studies: English and German* / M. Clyne // *Annual Review of Applied Linguistics* 3, 1982. – P. 38–39.
246. Clyne, M.: *The German language in a Changing Europe* / M. Clyne. - Cambridge University Press, 1995.
247. Condon, J.C., Yourself, F.S.: *An introduction to intercultural communication* / J.C. Condon, F.S. Yourself. - Indianapolis, Ind., 1975.
248. Cook-Gumperz, J., Gumperz, J.: *Context in children's speech* / J. Cook-Gumperz, J. Gumperz // *Papers on language and context. Working papers*. - No.46, Berkeley, 1976.
249. Craig, R.T.: *Communication Theory as a Field* / R.T. Craig // *Communication Theory* 9, 1999. – P. 119–161.
250. Craig, R.T.: *Foreword* / R.T. Craig // W. Leeds-Hurwitz (Ed.), *Social approaches to communication* (pp.v-ix). New York: Guilford, 1995.
251. Cronen, V.E.: *Practical Theory and the Tasks Ahead for Social Approaches to Communication* / V.E. Cronen // W. Leeds-Hurwitz (Ed.), *Social approaches to communication* (pp. 217–242). NY: Guilford, 1995.
252. Crystal, D.: *English as a Global Language* / D. Crystal. - Cambridge, 1997-

253. Cui, G., N. E. Awa: Measuring Intercultural Effectiveness: An Integrative Approach / G. Cui, N.E. Awa // *International Journal of Intercultural Relations* 16, 1992. – P. 311–328.
254. Dahl S. Communications and Culture Transformation. Cultural Diversity, Globalization and Cultural Convergence. Project presented to the European University, Barcelona. June 1998. Retrieved February 27, 1999 from the World Wide Web: <http://www.stephweb.com/capstone/ndex.htm> (/1.htm,/2.htm,/3.htm,/4.htm,/5.htm,/6.htm).
255. Das neue deutsche Wörterbuch für Schule und Beruf. - München, 1997.
256. Demorgon, J., Molz, M. (1996): Bedingungen und Auswirkungen der Analyse von Kultur (en) und interkulturellen Interaktionen / J. Demorgon, M. Molz // Thomas, A. (Hg.), *Psychologie interkulturellen Handelns*. - Göttingen. - S. 43–86.
257. Demorgon, J.: *L'exploration interculturelle. Pour une pédagogie internationale* / J. Demorgon. - Paris, 1989.
258. Denz, W., Eckstein K. (2001): *Business mit Russland: ein Ratgeber für Einsteiger* / W. Denz, K. Eckstein. – Bern, Stuttgart; Wien: Haupt.
259. *Deutschland in kleinen Geschichten* (Hg.). - München, 1997.
260. *Deutschland // Zeitschrift für politik, Kultur, Wirtschaft und Wissenschaft*. 4, 6. - 2000.
261. *Die deutschen Sprichwörter*. Gesammelt von Karl Simrock (1988). Philipp Reclam jun. Stuttgart.
262. Dijk, T.A. (van): *Studies in the Pragmatics of Discourse* / T.A. Dijk (van). - The Hague, Berlin: Mouton, 1981.
263. Dodd, Carley H.: *Dynamics of Intercultural Communication*. Dubuque 1991;1997.
264. Drommel, R., Wolff, G. (1978): *Metaphern in der politischen Rede* / R. Drommel, G. Wolff // *Der Deutschunterricht* 30. – S. 71-86.
265. Ehrhardt, C. (2003): *Anmerkungen zur Linguistik der interkulturellen Kommunikation* / C. Ehrhardt // Bolten, J., Ehrhardt, C. (Hrsg.): *Interkulturelle Kommunikation. Texte und Übungen zum interkulturellen Handeln*.
266. Erbring, L. (1988): *Kommentar zu Klaus Krippendorf* / L. Erbring // G. Bentele und M. Rühl (Hg.): *Theorien öffentlicher Kommunikation*. - S. 59–64.
267. Firth, A.: *The discursive accomplishment of normality: On >lingua franca< English and conversation analysis* / A. Firth // *Journal of Pragmatics* 26, 1996. – P. 237–259.

268. Fiske, A.: Structures of social life / A. Fiske. - New York, 1991.
269. Flechsig, K.-H. (2001): Kommunikationsformen und Kommunikationsstile. Beiträge zum interkulturellen Training / K.-H. Flechsig. - Göttingen.
270. Flohr, Anne K. 1994: Fremdenfeindlichkeit. Biosoziale Grundlagen von Ethnozentrismus. Wiesbaden.
271. Franck, D. (1984): Stil und Interaktion / D. Franck // Bernd Spillner (Hg.): Methoden der Stilanalyse. Tübingen: Narr. – S. 121–135.
272. French, D.: The relationship of anthropology to studies in perception and cognition, in: Koch, S. (Hrsg.): Psychology, 6. Band, S. 388 – 428
273. Frenkin, A. (1995): Die Deutschen aus der russischen Sicht / A. Frenkin. - Mischka Verlag.
274. Fritzsche, K.P. (1992): Auf der Suche nach einer neuen Sprache / K.P. Fritzsche // Burkhardt, A., Fritzsche, K.P. (Hrsg.): Sprache im Umbruch. Berlin, New York, 1992. - S.199–207.
275. Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. L.& New York, 1986.
276. Galtung, J. (1985): Struktur, Kultur und intellektueller Stil: Ein vergleichender Essay über sachsenische, teutonische, gallische und nipponische Wissenschaft / J. Galtung // Wierlacher, A. (Hrsg.) Das Fremde und das Eigene. – München.
277. Geertz, C. (1987): Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme / C. Geertz. - Frankfurt /M.
278. Geertz, C. The Interpretation of Cultures. New York. 1973.
279. Girnth, H. (2002): Sprache und Sprachverwendung in der Politik: eine Einführung in die Linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation / H. Girnth. – Tübingen: Niemeyer.
280. Glaser, E. (2003): Fremdsprachenkompetenz in der interkulturellen Zusammenarbeit / E. Glaser // Thomas, A.; Kinast, E. – U.; Schroll-Machl, S. (Hg.), Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 1: Grundlagen und Praxisfelder. - Göttingen.
281. Goffman, E. (1955): On face-work. An analysis of ritual elements in social interaction / E. Goffman // (1967): Interaction ritual. Essays on face-to-face behavior. Garden City, NY: Doubleday Anchor. – P. 5–45.
282. Goffman, E. (1971): Interaktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation / E. Goffman. - Frankfurt ä.M.: Suhrkamp (or.1967).
283. Gorski, M. (2002): Gebrauchsanweisung für Deutschland / M. Gorski. - Piper München Zürich.

284. Graumann, C.F. (1972): *Interaktion und Kommunikation* / C.F. Graumann // C.F. Graumann (Hg.): *Handbuch der Psychologie*, 7. Band: Sozialpsychologie, 2. Halbband: Forschungsbereiche. - Göttingen. - S. 1109–1262.
285. Greiffenhagen, M., S. (1994): *Der Schock der Vereinigung* / M., S. Greiffenhagen // *Der Spiegel*. - Dokument 2, März. - S. 7.
286. Greiffenhagen, M., S. (1997): *Politische Kultur* / M., S. Greiffenhagen // *Grundwissen Politik*. Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. - Bonn.
287. Greiffenhagen, M., S. (2002): *Zwei politische Kulturen? Wissenschaftliche und politische Unsicherheiten im Umgang mit der deutschen Vereinigung* / M., S. Greiffenhagen // Wehling, H. – G. (Hrsg.): *Deutschland Ost – Deutschland West*. - Opladen. - S. 11–34.
288. Grice H. P. *Meaning* // *Readings in the Philosophy of Language* / H.P. Grice. – Englewood cliffs, 1971. – P. 436–444.
289. Grice, H. P.: *Logic and conversational implicature* / H.P. Grice // Cole, P. (Hg.), *Syntax and Semantics*. - New York, 1975. - S. 411–458.
290. Grice, H. P. (1980): *Logik und Gesprächsanalyse* / H.P. Grice // Kussmaul; Paul (Hg.): *Sprechaktheorie. Ein Reader*. – Wiesbaden. – S. 109–129.
291. Griffin, E.A.: *A first look at communication theory* (5th ed.) / E.A. Griffin. - IL: McGraw-Hill, 2003.
292. Grosch, H., Groß, A., Leenen, W.R. (2000): *Methoden interkulturellen Lehrens und Lernens* / H. Grosch, A. Groß, W.R. Leenen. – Saarbrücken.
293. Grove, Cornelius L./ Torbiörn, Ingemar (1985): *A New Conceptualization of Intercultural Adjustment and the Goals of Training*, in: *International Journal of Intercultural Relations*, 9. Jg. 1985, S. 205 – 233.
294. Grünert, H. (1984): *Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte in ihrer Verflechtung* / H. Grünert // Besch, Werner [u. a.] (Hgg.): *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. – Berlin /New York. (Handbücher zur Sprach – und Kommunikationswissenschaft 2. 1). – S. 29–37.
295. Gudykunst, W. B. (Hrsg.): *Intercultural Communication Theory. Current Perspectives* / W.B. Gudykunst. - Newbury Park, 1983.
296. Gudykunst, W. B., Ting-Toomey, S. Chua, E.: *Culture and Interpersonal Communication* / W.B. Gudykunst, Stella Ting-Toomey, Elizabeth Chua. - Newbury Park, 1988.
297. Gudykunst, W.B.: *A Model of Uncertainty Reduction in Intercultural Contexts* / W.B. Gudykunst // *Journal of Language and Social Psychology* 4. – 1985. – P. 401- 413.

298. Gudykunst, W.B.: *Attributing Meaning for Strangers Behavior*. In: *Bridging Differences. Effective Intergroup Communication* Thousand Oaks u.a. 1994 (S.110 – 137).

299. Gudykunst, W.B.: *Intercultural Communication: Current Status and Proposed Directions* / W.B. Gudykunst // Dervin, B.; Voigt, M.J. (Hrsg.), *Progress in Communication Sciences*. Norwood, NJ. – 1985. – P. 1- 46.

300. Gudykunst, William B. (Hrsg.): *Intercultural Communication Theory. Current Perspectives*. Newbury Park 1983.

301. Gullahorn, J.T. und Gullahorn, J.E.: *An extension of the U-curve hypothesis*, *Journal of Social Issues* 19:3 (1963), S. 33 – 47.

302. Gumperz, J. D.: *Discourse Strategies* / J.D. Gumperz. - Cambridge, 1982.

303. Gumperz, J.; Hymes, Dell (Hrsg.): *Directions in Sociolinguistics*. New York 1972, 35 – 71.

304. Günthner, S (1993): *Pi Lao Zheng («Müdigkeit im Kampf»)*, zur Begegnung deutscher und chinesischer Gesprächsstile / S. Günthner // Müller, B. – D. (Hg.): *Interkulturelle Wirtschaftskommunikation*. München.

305. Günthner, S., Rothenhäusler, R. (1986): *Interethnische Kommunikation zwischen Deutschen und Chinesen* / S. Günthner, R. Rothenhäusler // *In- fo DaF* 4. – S. 304–309.

306. Habermas, J. (1981): *Theorie des kommunikativen Handelns* / J. Habermas. - 2 Bde., Frankfurt am Main: Suhrkamp.

307. Habermas, J. (1984): *«Was heißt Universalpragmatik?»* / J. Habermas // *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*, Frankfurt am Main: suhrkamp. - S. 353–440.

308. Habermas, J. (1992): *Erläuterungen zur Diskursethik* / J. Habermas. – 2. Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verl.

309. Habermas, J. *Erläuterungen zum Begriff des Kommunikativen Handelns//Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des Kommunikativen Handelns*. – 3. Aufl.-Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verl, 1989.

310. Haddad, N. (1987): *Kultur und Sprache. Eine kontrastive Analyse als didaktisches Konzept am Beispiel des Deutschen und Arabischen* / N. Haddad. - Frankfurt /M: Lang. - S.229.

311. Hall E. T. (1959): *Silent Language* / E.T. Hall. - Garden City, NY. - 1973.

312. Hall E. T.: *Monochronic and Polychronic Time* / E.T. Hall // *Samovar /Porter*, 1997. – P. 277–284.

313. Hall E. T.: *Proxemics* / E.T. Hall // *Current Anthropology* 9, 2–3. - 1968. – P. 83–95.

314. Hall, E. T. (1985): *Verborgene Signalle* / E.T. Hall. - Hamburg.
315. Hall, E. T.: *Beyond Culture* / E.T. Hall. - New York, 1977.
316. Hall, E. T.: *The Dance of Life. The Other Dimension of Time* / E.T. Hall.- New York, 1983.
317. Hall, E.T., Reed-Hall, M.(1984): *Verborgene Signale, Studien zur internationalen Kommunikation. Über den Umgang mit Franzosen* / E.T. Hall, M. Reed-Hall. - Hamburg (Gruna+Jahr).
318. Hall, Edward T. *Verborgene Signalle*. Hamburg, 1985.
319. Halliday, M.A. K.: *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning* / M.A.K. Halliday. - London: Arnold, 1978.
320. *Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* (1984). Bd.1. Berlin.
321. Hannerz, Ulf: «Kultur» in einer vernetzten Welt. Zur Revision eines ethnologischen Begriffs. In: Kaschuba, Wolfgang (Hrsg.): *Kulturen – Identitäten – Diskurse. Perspektiven Europäischer Ethnologie*. Berlin 1995, 64 – 84.
322. Hansen, Klaus P.: *Kultur und Kulturwissenschaft*.—Tübingen; Basel: Francke, 1995.
323. Hellmann, M. W. (1989): «Zwei Gesellschaften- Zwei Sprachkulturen? Acht Thesen zur öffentlichen Sprache in der Bundesrepublik Deutschland und in der Deutschen Demokratischen Republik» / M.W. Hellmann // Goppel, T. /Lojewski, G. von /Eroms, H. – W. (Hrsg.): *Wirkung und Wandlung der Sprache in der Politik*. -Passau. - S.89–114.
324. Helmold, Katharina V./Bernd-Dietrich Müller: *Zur Vermittlung interkultureller Kompetenzen*. In: Müller, Bernd-Dietrich (Hg.): *Interkulturelle Wirtschaftskommunikation*. München 1993. (S. 509 – 548).
325. Helms, G. (1986): «Knigge» für den Umgang mit Chinesen / G. Helms. - Berlin (Virtas).
326. Henne H., Rehbock, H. (1982): *Einführung in die Gesprächsanalyse* / H. Henne, H. Rehbock. – 2., verb. u. erw. Aufl. – Berlin; New York.
327. Hensel, J. (2002): *Zonenkinder* / J. Hensel. - Rowohlt Verlag GmbH.
328. Herbrand, F. (2002): *Fit für fremde Kulturen: interkulturelles Training für Führungskräfte* / F. Herbrand. – Bern; Stuttgart; Wien: Haupt. - S. 29.
329. Heringer, H. – Y. (2004): *Interkulturelle kommunikation* / H.-Y. Heringer. A. Francke Verlag Tübingen und Basel.
330. Hermanns, F. (1992): *Ein Wort im Wandel: Deutsch – was ist das?* / F. Hermanns // Burkhardt, A. / Fritzsche, K. (Hrsg.): *Sprache im Umbruch*. - Berlin, New York. - S. 253–265.

331. Hermanns, F. (1994): Schlüssel-, Schlag- und Fahnenwörter. Zu Begrifflichkeit und Theorie der lexikalischen «politischen Semantik» / F. Hermanns // Arbeiten aus dem Sonderforschungsbereich 245 «Sprache und Situation», Heidelberg / Mannheim.
332. Herskovits, M.: Cultural Anthropology / M. Herskovits. - New York. - 1955.
333. Hettlage R. Der Fremde: Kulturmittler, Kulturbringer, Herausforderer von Kultur. In.: Wolfgang Lipp (Hg.): Kulturtypen, Kulturcharaktere. Träger, Mittler und Stifter von Kultur. Dietrich Reimer Verlag, Berlin 1987, S. 32f u. 37f.
334. Hinnenkamp, V.(1989): Die Stilisierung von Ethnizität / V. Hinnenkamp // Hinnenkamp, V. Margret Selting (Hg.) Stil und Stilisierung. Max Niemeyer Verlag Tübingen 1989. - S. 253–291.
335. Hinnenkamp, V. (1994): Interkulturelle Kommunikation / V. Hinnenkamp. –Heidelberg: Groos.
336. Hofstede G.: Lokales Denken, globales Handeln. Kulturen, Zusammenarbeit und Management. München 1997.
337. Hofstede, G. (2001): Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management / G. Hofstede. – München.
338. Horney, K. Our Inner Conflicts / K. Horney. – N.Y., 1945.
339. Hunziker, P. (1988): Medien, Kommunikation und Gesellschaft. Einführung in die Soziologie der Massenkommunikation / P. Hunziker. - Darmstadt.
340. Hymes, D.: Foundations in Sociolinguistics / D. Hymes // An Ethnographic Approach. – London: Tavistok, 1977.
341. Hymes, D.: Models of the Interaction of Language and Social Life / D. Hymes // Directions in Sociolinguistics: the Ethnography of Communication. NY: Holt, Rinehart, and Winston, 1972.
342. Interkulturelle Kommunikation/Ingrid Jonach (Hrsg.). Mit Beitr. von Henner Barthel...- München; Basel: E. Reinhardt, 1998.
343. Jäckel, M. (1995): Interaction. Soziologische Anmerkungen zu einem Begriff / M. Jäckel // Rundfunk und Fernsehen: 43, Heft 4. - S.463–476.
344. Joos, M.: The Five Clocks / M. Joos // International Journal of American Linguistics 28. – 1962. - № 2 - P. 7–62.
345. Kaase, M., Bauer-Kaase, P. (1998): Deutsche Vereinigung und innere Einheit 1990–1997 / M. Kaase, P. Bauer-Kaase // Meulemann, H. (Hrsg.): Werte und nationale Identität im vereinten Deutschland. Erklärungsansätze der Umfrageforschung. Opladen. - S.251, 265.

346. Kalin, R.: The social significance of speech in medical, legal and occupational settings / R. Kalin // Attitudes towards Language Variation. – London, 1982. – P. 148–163.

347. Kaplan, R.: Cultural Thought Patterns in Inter- Cultural Education / R. Kaplan // Croft, K. (Hg.): Readings on English as a Second Language. - Cambridge, 1972. – P. 77.

348. Kartari, A. (1997): Deutsch- türkische Kommunikation am Arbeitsplatz. Zur interkulturellen Kommunikation zwischen türkischen Mitarbeitern und deutschen Vorgesetzten in einem deutschen Industriebetrieb / A. Kartari // Münchener Beiträge zur Interkulturellen Kommunikation. – Waxmann.

349. Kealey Daniel J. 1989: A Study of Cross-Cultural Effectiveness. Theoretical issues, practical applications. In: International Journal of Intercultural Relations 13: 387 – 428.

350. Keesing, Roger M. & Felix M. Keesing, 1971, New Perspectives in Cultural Anthropology, New York et al.: Holt, Rinehart and Winston.

351. Kelman H.C.: Social-psychological approaches to the study of international relations, in: Kelman, H.C. (Hrsg.): International behavior, S. 3 – 39

352. Kelman H.S. und Ezekiel, R.: Cross-cultural encounters, San Francisco 1967.

353. Kiesler, D. J.: The 1982 interpersonal circle: a taxonomy for complementarity in human transactions / D.J. Kiesler // Psychological Review. 1983, V. 90. - P. 185–214.

354. Kim Y.Y. Communication and Cross Cultural Adaptation. Philadelphia: Multilingual Matters, 1988.

355. Kim Y.Y., Ruben B.D. Intercultural Transformation: A Systems Theory// Theories in Intercultural Communication/ ed. by Y.Y. Kim, W.B. Gudykunst. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1988. P. 299 – 321.

356. Kim, J. Y.: (Hg.) 1986: IICA, Vol. 10. Interethnic Communication / J.Y. Kim // Current Research. Newbury Park CA etc.: Sage.

357. Klein G. S. Perception, Motives and Personality / G.S. Klein. - NY, 1970. XIV.

358. Klein W. Das Vermächtnis der Geschichte, der Müll der Vergangenheit. – In: Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. – Heft 100. – Epoche –1995. S. 75 – 100.

359. Klein, J. (1996): Dialogblockaden. Dysfunktionale Wirkungen von Sprachstrategien auf dem Markt der politischen Kommunikation / J. Klein

// J. Klein (Hrsg.): Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. - Berlin, New York. - S. 3–30.

360. Klein, J. Wortschatz, Wortkampf, Wortfelder in der Politik / J. Klein // Josef Klein (Hrsg.): Politische Semantik: bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung. - Opladen: Westdt. Verl., 1989.

361. Kluckhohn, F.R.; Strodtbeck, F.L.: Variations in Value Orientations / F.R. Kluckhohn, F.L. Strodtbeck. - New York, 1961.

362. Klyukanov I. E. A System Approach to Multicultural Education / I.E. Klyukanov // The Edge: The E-Journal of Intercultural Relations, Vol. 1,2, HART-LI. COMMUNICATIONS. Retrieved February 27, 1999 from the World Wide Web: <http://www.hart-li.com/biz/theedge>.

363. Knapp, K., Knapp-Potthoff, A. (1990): Interkulturelle Kommunikation / K. Knapp, A. Knapp-Potthoff // Zeitschrift für Fremdsprachenforschung 1. - S.62–93.

364. Knapp, K.: (1998): Schwarz ist weiß, ja heißt nein / K. Knapp // Wierlacher, A. /C. Albrecht (Hrsg): Fremdgänge. Inter Nationes, Bonn.

365. Knapp, K.: Interpersonale und interkulturelle Kommunikation / K. Knapp // Bergemann, Niels / Andreas L. J. Sourriseaux (Hg.): Interkulturelles Management. - Heidelberg: Physica 1992. - S. 59–79.

366. Kob, J. (1978): Die gesamtgesellschaftliche Bedeutung von Massenmedien, Rundfunk und Fernsehen 26 /4 / J. Kob. - S. 391–398.

367. Kochman, T. (1981-1983): Black and White Styles in Conflict / T. Kochman. - Chicago /London: The Univ. of Chicago Press /Urbana IL: Univ. of Illinois Press.

368. Kohl, K.-H.(1993): Ethnologie - die Wissenschaft vom kulturell Fremden: Eine Einführung / K.-H. Kohl. – München, 201 c.

369. Kotthof, H. (1989): Stilunterschiede in argumentativen Gesprächen oder zum Geselligkeitwert von Dissens / H. Kotthof // Hinnenkamp, Volker, Margret Selting (Hg.): Stil und Stilisierung. Max Niemeyer Verlag Tübingen, 1989.

370. Kotthof, H. (1993): Oberflächliches Miteinanderversus unfreundliches Gegeneinander? / H. Kotthof // Interkulturelle Wirtschaftskommunikation (Hg.): Müller, B. – D. – München, 1993.

371. Krämer, S. (2001): Sprache, Sprechakt, Kommunikation / S. Krämer. - Frankfurt am Main: Suhrkamp.

372. Kroeber, A. L., Kluckhohn, C. Culture: A Critical review of Concepts and Definitions / A.L.Kroeber, C. Kluckhohn // Papers of the Peabody

Museum of American Archaeology and Ethnology, vol. 47: Harvard, Harvard University Press, 1952.

373. Kroeber, A.L. (Hrsg.): *Anthropology today* / A.L. Kroeber. - Chicago, 1953.

374. Kroeber, Alfred L., (1952) *The Nature of Culture*, Chicago: The University of Chicago Press.

375. Kroeber, Alfred L., Kluckhohn, Clyde 1952 *Culture: A Critical review of Concepts and Definitions*, Harvard: Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, vol. 47: Harvard University Press.

376. Kübler, H.-D. (1994): *Kommunikation und Massenkommunikation* / H.-D. Kübler // Ein Studienbuch. - Münster.

377. Ladmiral, J.-R. /Lipiansky, E. M.: *Interkulturelle Kommunikation. Zur Dynamik mehrsprachiger Gruppen* / J.-R. Ladmiral, E.M. Lipiansky. – Frankfurt /New York, 2000.

378. Lakoff, R. T. *Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising* / R.T. Lakoff // Tannen D. (Ed.) *Analyzing discourse: text and talk*. - Georgetown University Press, 1982.

379. Lakoff, R. T. *Talking Power: The Politics of Language* / R.T. Lakoff. – New York, 1990.

380. Landis, D., Brislin, R.W: (Hrsg.): *Handbook of intercultural training*, 3 Bände / D. Landis, R.W. Brislin. - Elmsford, N.Y., 1983.

381. Lasswell, H.D.: *The structure and function of communication in society* / H.D. Lasswell // L. Bryson (Hg.): *The communication of ideas*, 1948. - S. 37–56.

382. Layes, G.: *Kulturdimensionen* / G. Layes // Thomas, A.; Kinast, E. – U.; Schroll-Machl, S. (Hg.), *Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 1: Grundlagen und Praxisfelder*. - Göttingen, 2003. – S. 60-73.

383. Leeds-Hurwitz, W.: *Introducing social approaches* / W. Leeds-Hurwitz // W. Leeds-Hurwitz. (Ed.), *Social approaches to communication* (pp. 3–20). - New York: Gilford, 1995.

384. Leeds-Hurwitz, W.: *Notes in the History of Intercultural Communication: The Foreign Service Institute and the Mandate for Intercultural Training* / W. Leeds-Hurwitz // *Quarterly Journal of Speech* 76, 1990. – P. 262–281.

385. Levine, Deena R.; Adelman M.B.: *Cross-Cultural Communication*. Cliffs Englewood 1993.

386. Lind, E.A., O'Barr, W.M.: *The social significance of speech in the courtroom* / E.A. Lind, W.M. O'Barr // *Language and Social Psychology*. – Oxford, 1979. – P. 66–87.

387. Lippmann, Walter (1922); Lippmann, Public Opinion. New York (dt.: Die öffentliche Meinung. Bochum 1990, Reprint)
388. Littlejohn, S.W.: Theories of Human Communication (7th ed.) / S.W. Littlejohn. - Belmont, CA: Wadsworth, 2002.
389. Littlejohn, S.W.: Theories of human communication / S.W. Littlejohn. - 4. Auflage. - Belmont, Ca., 1992.
390. Lokale Kulturen einer globalisierten Welt. (Hrsg.) Foundations of Intercultural Communication. 1998 by Allyn & Bacon
391. Löwe, B. (1999): Kulturschock Rußland / B. Löwe // Reise Know-How. -Verlag Peter Rump GmbH.
392. Luckmann, T. (1986): Grundformen der gesellschaftlichen Vermittlung des Wissens: Kommunikative Gattungen / T. Luckmann // Neidhard, F.et al. (Hg.): Kultur und Gesellschaft. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Sonderheft 27. S. 191–211.
393. Luckmann, T.: The Sociology of Language / T. Luckmann. - Indianapolis: Bobbs – Merrill, 1975.
394. Luscher, R. (1997): Deutschland nach der Wende / R. Luscher. - Verlag für Deutsch, 1997.
395. Lüsebrink, H.-J. (2005): Interkulturelle Kommunikation / H.-J. Lüsebrink. - Stuttgart-Weimar: Metzler.
396. Maaz, H.-J., Moeller, M. L. (1991): Die Einheit beginnt zu zweit – Ein deutsch-deutsches Zwiegespräch / H.-J. Maaz, M.L. Moeller. - Berlin.
397. Maletzke, G. (1963): Psychologie der Massenkommunikation / G. Maletzke. - Hamburg.
398. Maletzke, G. (1988): Massenkommunikationstheorien / G. Maletzke. - Tübingen.
399. Maletzke, G. (1996): Interkulturelle Kommunikation / G. Maletzke. - Westdeutscher Verlag, Opladen.
400. Maletzke, G. (1998): Kommunikationswissenschaft im Überblick: Grundlagen, Probleme, Perspektiven / G. Maletzke. - Opladen.
401. Malinowski, Bronislaw, 1975 Eine wissenschaftliche Theorie der Kultur. Und andere Aufsätze, Frankfurt a. M.: Suhrkamp (engl. Orig.: 1944).
402. Malinowski, Bronislaw, 1951 Die Dynamik des Kulturwandels, Wien, Stuttgart: Humboldt-Verlag (engl. Orig.: 1946)
403. Markowsky, R., Thomas, A. (1995): Studienhalber in Deutschland: interkulturelles Orientierungstraining für amerikanische Studenten, Schüler und Praktikanten / R. Markowsky, A. Thomas. – Heidelberg: Asanger.

404. Martin, J. N.; Thomas Nakayama: Thinking Dialectically About Culture and Communication. In: Communication Theory 9:1 (1999) 1 – 25.

405. Martin, Judith; Nakayama, Th.K.: Intercultural Communication in Contexts. Mountain View 2000.

406. Mc. Kenne F.: Measures of Field Dependence Cognitive Style or Cognitive Ability / F. Mc. Kenne // Journal of Personality and Social Psychology. - Washington: the Amer. Psychol. Assos. – 1984, № 3, vol. 47. - P.593–603.

407. Mead, Richard 1990: Cross-Cultural Management Communication. Chichester.

408. Merten, K. (1977): Kommunikation: Eine Begriffs- und Prozessanalyse / K. Merten. - Opladen.

409. Merten, K. (1999): Einführung in die Kommunikationswissenschaft / K. Merten // Band 1: Grundlagen der Kommunikationswissenschaft. - Münster.

410. Mog, P., Althaus, H.-J. (1994) (Hrsg.): Die Deutschen in ihrer Welt: Tübinger Modell einer integrativen Landeskunde / P. Mog, H.-J. Althaus. – Langenscheidt.

411. Moosmüller, A. (1996): Interkulturelle Kompetenz und interkulturelle Kenntnisse. Überlegungen zu Ziel und Inhalt im auslandsvorbereitenden Training / A. Moosmüller // Roth, Klaus (Hg.): Mit der Differenz Leben. Europäische Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation. - Münster. - S.271–290.

412. Moosmüller, A. (2000): Die Schwierigkeiten mit dem Kulturbegriff in der interkulturellen Kommunikation / A. Moosmüller // (Hrsg.) Lokale Kulturen in einer globalisierenden Welt. Münchener Beiträge zur Interkulturellen Kommunikation. -Waxmann. – S. 15–31.

413. Moosmüller, A. Learning Objective Intercultural Competence. Decoding German Everyday Knowledge from a Japanese Perspective. – In.: Jensen et. al. (Eds.) Intercultural Competence. A New Challenge for Language Teachers and Trainers in Europe. – Aalborg: University Press, 1995.- S.191 – 208.

414. Moosmüller, A.: Interkulturelle Kompetenz und interkulturelle Kenntnisse. Überlegungen zu Ziel und Inhalt im auslandsvorbereitenden Training. In: Roth, Klaus (Hg.): Mit der Differenz Leben. Europäische Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation. Münster u.a. 1996 (S.271 – 290).

415. Moosmüller, A.: Learning Objective Intercultural Competence. Decoding German Everyday Knowledge from a Japanese Perspective / A. Moosmüller // Jensen et. al. (Eds.) Intercultural Competence. A New

Challenge for Language Teachers and Trainers in Europe. – Aalborg: University Press, 1995. – S.191–208.

416. Moosmüller, Alois 2000: Die Schwierigkeiten mit dem Kulturbegriff in der interkulturellen Kommunikation. In: (Hrsg.) Lokale Kulturen in einer globalisierenden Welt. Münchener Beiträge zur Interkulturellen Kommunikation. Waxmann, 15 – 31.

417. Müller, B.-D. (1980): Zur Logik interkultureller Verstehensprobleme / B.-D. Müller // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache, Bd. 6. - S. 102–119.

418. Müller, B.-D. (1995): Sekundärerfahrung und Fremdverstehen / B.-D. Müller // Jürgen Bolten (Hg.), Cross Culture. Interkulturelles Handeln in der Wirtschaft. - Sternenfels: Verlag Wiss.& Praxis. - S. 43–58 (Schriftenreihe Interkulturelle Wirtschaftskommunikation 1).

419. Müller, B.-D. (1991): Die Bedeutung der interkulturellen Kommunikation für die Wirtschaft / B.-D. Müller // Müller B. – D. (Hrsg.) Interkulturelle Wirtschaftskommunikation. – München: indicim, 1991. – S. 27–52.

420. Müller-Jacquier, B. (1999): Interkulturelle Kommunikation und Fremdsprachendidaktik / B. Müller-Jacquier. - Koblenz: Universität Koblenz-Landau (Fernstudium Fremdsprachen in Grund-und Hauptschulen).

421. Ng Sik H., Bradac, J. J.: Verbal Communication and Social Influence / H. Ng Sik, J.J. Bradac. – London, 1993.

422. Nicklas, H. (1991): Kulturkonflikt und interkulturelles Lernen / H. Nicklas // Thomas, A. (Hg.): Kulturstandarts in der internationalen Begegnung. Saarbrücken u.a.- S. 125–140.

423. Nicklas, H. (1999): Vom kommunikativen Handeln zum Diskurs: Zur Struktur interkulturellen Lernens / H. Nicklas // Dibie Paskal, Christoph Wulf (Hg.): Vom Verstehen des Nichtverstehens. Ethnozoologie interkultureller Begegnungen. -Frankfurt/Main.

424. Nicotera, A.M.: The constructivist theory of Delia, Clark and associates / A.M. Nicotera // Watershed Research Traditions in Human Communication Theory. – Albany, 1995. – P.45–66.

425. Ninio, A., Snow, C. E.: Pragmatic Development / A. Ninio, C.E. Snow. – Cambridge, MA, 1996.

426. Oberg Kalvero, Cultural shock: adjustment to new cultural environments, in: Practical Anthropology, 1960, Bd.7, S. 177 – 182.

427. Ogden, C. (1930): Basic English. A General Introduction with Rules and Grammar / C. Ogden. – London.

428. Oksaar, E. (1985): Sprachkultur und mündliche Kommunikation / E. Oksaar // Der Deutschunterricht, № 1.

429. Oksaar, E. (1988): *Kulturemtheorie. Ein Beitrag zur Sprachverwendungs-forschung* / E. Oksaar. - Hamburg.
430. Park, Myung-Seok: *Communication Styles in Two Different Cultures* / Myung-Seok Park. - Korean and American. Seoul, 1994.
431. Pfetsch, B. (2003): *Politische Kommunikationskultur. Politische Sprecher und Journalisten in der Bundesrepublik und den USA im Vergleich* / B. Pfetsch. - Westdeutscher Verlag, Wiesbaden.
432. Pike K.L. *The Mystery of culture contacts, historikal reconstruction and text Analysis: An Emic Approach.* – Washington, 1996.
433. Pross, H. (1972): *Medienforschung. Film, Funk, Presse, Fernsehen* / H. Pross. - Darmstadt.
434. Pürer, H. (2003): *Publizistik-und Kommunikationswissenschaft. Ein Handbuch* / H. Pürer. -Konstanz.
435. Quasthoff, U. (1989): *Ethnozentrische Verarbeitung von Informationen: Zur Ambivalenz der Funktionen von Stereotypen in der Interkulturellen Kommunikation* / U. Quasthoff // Matusch, Petra (Hg.): *Wie verstehen wir Fremde? Aspekte zur Klärung von Verstehensprozessen.* – München. - S. 37–62.
436. Quirk, R.: *International communication and the concept of Nuclear English* / R. Quirk // Brumfit, D., *English for International Communication.* Oxford, 1982. - S. 15–28.
437. Radcliffe-Brown, A.: *A Natural Science of Society* / A. Radcliffe-Brown. - Chicago: Free Press, 1957.
438. Radcliffe-Brown, Alfred Reginald, (1971) *Structure and Function in Primitive Society. Essays and Adresses,* London: Cohen & West (orig.: 1952).
439. Redder, A., Rehbein, J. (1987): *Zum Begriff der Kultur* / A. Redder, J. Rehbein // DIES. (Hg.): *Arbeiten zur interkulturellen Kommunikation.* - Osnabrück: Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie 38. - S. 7–21.
440. Robinson, Gail L. Nemetz. (1985). *Crosscultural understanding.* New York etc.: Pergamon.
441. Rösch, O. (1998) (Ed.): *Interkulturelle Kommunikation in Geschäftsbeziehungen zwischen Russen und Deutschen* / O. Rösch. - Berlin: News & Media.
442. Rösch, O. (2000) (Hrsg.): *Stereotypisierung des Fremden. Auswirkungen in der Kommunikation* / O. Rösch. - Berlin: News & Media.
443. Roth, J. (1996): *Interkulturelle Kommunikation als universitäres Lehrfach. Zu einem neuen Münchner Studiengang* / J. Roth // Roth, Klaus

(Hg.): Mit der Differenz leben. Europäische Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation. - Münster u.a. - S.253–270.

444. Roth, J. (1998): Wir und die Anderen: Deutsch-russische Kommunikation im Postsozialismus / J. Roth // Ehlich E. /Scheiter S.: Interkulturelle Kommunikation analysieren. Bedingungen, Ziele, Verfahren. Münchner Beiträge zur Interkulturellen Kommunikation. Bd.9.

445. Roth, J., Roth, K. (2001): Interkulturelle Kommunikation / J. Roth, K. Roth // Brednich, Rolf W. (Hg.): Grundriß der Volkskunde: Einführung in die Forschungsfelder der Europäischen Ethnologie. Sonderdruck. - Berlin.

446. Roth, J.: Interkulturelle Kommunikation als universitäres Lehrfach. Zu einem neuen Münchner Studiengang. In: Roth Klaus (Hg.): Mit der Differenz leben. Europäische Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation. Münster u.a. 1996 S.253 – 270.

447. Roth, K. (1996): Erzählen und Interkulturelle Kommunikation / K. Roth // Roth, Klaus (Hg), Mit der Differenz leben. Europäische Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation, München. – S.63-78.

448. Rudolf, Wolfgang, (1968). Der Kulturelle Relativismus. Kritische Analyse einer Grundsatzfragen-Diskussion in der amerikanischen Ethnologie. Berlin: Duncker & Humblot.

449. Rudolph, W. (1992): «Ethnos und Kultur» / W. Rudolph // Fischer, Hans (Hrsg.), Ethnologie. Einführung und Überblick, a.a.O. – S. 57–78.

450. Rumpel I. A systematic analysis of the cultural content of introductory textbooks. Thesis presented to the Faculty of Western. Washington University, Bellingham, Washington, 1988.

451. Russen und Deutsche. Alte Feindbilder weichen neue Hoffnungen // (Hrsg.) Horst-Eberhard Richter. – Hamburg, 1990.

452. Sager, S. (1982): Sind Bewertungen Handlungen? / S. Sager // Zeitschrift für germanistische Linguistik 10. – S. 38–57.

453. Salacuse J. W.: International erfolgreich verhandeln (Mit den wichtigsten kulturellen, praktischen und rechtlichen Aspekten). – München: Heyne, – S.26.

454. Samovar, L. A., Porter, R. E.: Communication between Cultures / L.A. Samovar, R.E. Porter. – Wadsworth /Thomson Learning. 4th ed., 2001.

455. Samovar, L. A., Porter, R.E.: Communication between Cultures / L.A. Samovar, R.E. Porter. - Belmont, 1991.

456. Samovar, L.A. /Porter, R.E. /Jain, N.C., Understanding Intercultural Communication, Wadworth Pub. Comp., Belmont, Cal. 1981.

457. Samovar, L.A.; Porter, R.E. (Hrsg.): Intercultural Communication. A Reader / L.A. Samovar, R.E. Porter. - Belmont, Cal., 1994, 1997.

458. Samovar, Larry A.; Porter, R. E.: *Communication between Cultures*. Belmont 1991.

459. Sandig, B. (1986): *Stilistik der deutschen Sprache* / B. Sandig. - Berlin /New York: de Gruyter.

460. Sapir, E.: *Selected writing of Edward Sapir in language, culture and personality* / E. Sapir // Ed.David Mandelbaum. - Berkeley: University of California Press, 1949.

461. Scheu-Lottgen, U.D., Hernandez-Campoy, J.M.: *An analysis of sociocultural miscommunication: English, Spanish and German* / U.D. Scheu-Lottgen, J.M. Hernandez-Campoy // *International Journal of Intercultural Relations* 22 (4), 1998. – S. 375–394.

462. Schiffrin, D.: *Approaches to Discourse* / D. Schiffrin. – Oxford; Cambridge, MA, 1994.

463. Schmalz – Jacobsen, Cornelia/Georg Hansen (Hg.): *Ethnische Minderheiten in der Bundesrepublik Deutschland: ein Lexikon*. München 1995.

464. Schramm, W. (1969): *Grundfragen der Kommunikationswissenschaft* / W. Schramm. - 2.Aufl. - München.

465. Schulz, W. (1994): *Kommunikationprozess* / W. Schulz // Noelle-Neumann, Elisabeth; Schulz, Winfried; Wilke, Jürgen (Hrsg): *Fischer Lexikon Publizistik /Massenkommunikation*. - Frankfurt/Main. - S. 140 –171.

466. Schumann Johannes: *Mittelstufe Deutsch*. – Verlag für Deutsch, 1995.

467. Searle, J. R.: *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language* / J. R. Searle. – Cambridge, 1969.

468. Seidhofer, B.: *Clothing a conceptual gap: the case for a description of English as a lingua franca* / B. Seidhofer // *International Journal of Applied Linguistics* 11 (2), 2001. – S. 133–158.

469. Selting, M. (1989): *Konstitution und Veränderung von Sprechstilen als Kontextualisierungsverfahren: Die Rolle von Sprachvariation und Prosodie* / M. Selting // Hinnenkamp, V., Selting, M. (Hg.). *Stil und Stilisierung*. - Tübingen. - S.203–228.

470. Shannon, C., Weaver, W.: *The Mathematical Theory of Communication*. C. Shannon, W. Weaver. – Urbana, 1949.

471. Singer, Marshall R: *Perception and Identity in Intercultural Communication*.- Yarmouth 1998.

472. Slembek, Edith. *Grundfragen der interkulturellen Kommunikation*. In: *Interkulturelle Kommunikation/Ingrid Jonach (Hrsg.)*. Mit Beitr von Henner Barthel... – München; Basel: E. Reinhardt, 1998.

473. Smith, Arthur L. [alias Asante, Molefi K.] 1973: Transracil Kommunikation. Englewood Cliffs N J: Prentice—Hall.
474. Spencer, Baldwin, 1914 Native Tribes of the Northern Territory of Australia. London: Macmillan.
475. Spitzer, M. (2003): Semantische Netzwerke / M. Spitzer // Bolten, Jürgen /Claus Ehrhardt (Hrsg.): Interkulturelle Kommunikation. - Verlag Wissenschaft&Praxis.
476. Stephan, W. G., Stephan, C.W.: Intergroup relations / W.G. Stephan, C.W. Stephan // Madison etc.: Brown and Benchmark, 1996.
477. Strauß, G. (1984/1985): Sprachspiele, kommunikative Verfahren und Texte in der Politik. Versuch einer Textsortenspezifik / G. Strauß // Strauß, Gerhard (1986): Der politische Wortschatz. Zur Kommunikations- und Textsortenspezifik. – Tübingen.
478. Süddeutsche Zeitung, № 265. 18. November, 2003. - S.6.
479. Sumner W.G. Folkways (reprinted ed). New York: New American Library. (originally published 1906).
480. Tannen, D. (1992): Dashab`ichnichtgesagt. Kommunikationsprobleme im Alltag / D. Tannen. - Ernst Kabel Verlag GmbH. - Hamburg.
481. Thierse, W. (1994): Wahrnehmungen zum deutschen Befinden in Ost und West / W. Thierse // Hardtwig, W. /Winkler, H.A. (Hrsg.): Deutsche Entfremdung. Zum Befinden in Ost und West. - München.
482. Thomas, A. (1993): Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns A. Thomas // (Hg.): Kulturvergleichende Psychologie. Eine Einführung. - Göttingen. - S. 377- 424.
483. Thomas, A., Kammhuber, S., Schroll-Machl, S. (Hg.) (2003b): Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation / A. Thomas, S. Kammhuber, S. Schroll-Machl // Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit, Bd. 2. - Göttingen.
484. Thomas, A., Kinast, E. – U.; Schroll-Machl, S. (Hg.) (2003a): Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation / A. Thomas, E. Kinast // Grundlagen und Praxisfelder, Bd. 1. - Göttingen.
485. Thomas, Alexander: Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns. In: Ders.(Hg.): Kulturvergleichende Psychologie. Eine Einführung. Göttingen 1993. S. 377- 424.
486. Thumfahrt, A. (2000): Normative Integration. Fallstudien zu Transitionsprozessen in Ostdeutschland / A. Thumfahrt. - Erfurt.
487. Thurnwald, Richard, 1931 – 35 Die menschliche Gesellschaft in ihren ethnozoologischen Grundlagen, 5 Bde., Berlin, Leipzig: DeGruyter

488. Ting-Toomey, S.: *Communicating across Cultures* / S. Ting-Toomey. - New York / London, 1999.
489. Trager, G. L., Hall, E.T.: *Culture and Communication: A Model and Analysis* / G.L. Trager, E.T. Hall // *Explorations: Studies in Culture and Communication* 3, 1954. – S. 137–149.
490. Triandis, H. C.: *Culture and social behaviour* / H.C. Triandis. – New York, 1994.
491. Trompenaars, F. (1993): *Handbuch Globales Managen. Wie man kulturelle Unterschiede im Geschäftsleben versteht* / F. Trompenaars. - München.
492. Tylor, Edward B., 1871 *Primitive Culture: Researches into the Development of Methodology, Phylosophy, Language, Art and Custom*, London: J. Murray.
493. Verlagsanstalt, Heidelberg 1986, S.56.
494. Wagner, W. (1999): *Kulturschock Deutschland: Der zweite Blick* / W. Wagner. – Hamburg: Rotbuch Verlag.
495. Watzlawick, P., Beavin, J.H., Jackson, D.D. (1969): *Menschliche Kommunikation* / P. Watzlawick, J.H. Beavin, D.D. Jackson. – Bern.
496. Weber, M. (1980): *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der Verstehenden Soziologie* / M. Weber. - 5 Aufl. - Tübingen.
497. Wehling, H.-G. (2002) (Hrsg.): *Deutschland Ost – Deutschland West* / H.-G. Wehling. - Opladen.
498. Weidenfeld, W., Korte, K.–R. (1993) (Hrsg.): *Handbuch zur deutschen Einheit* / W. Weidenfeld, K.-R. Korte // *Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung*. – Bonn.
499. Weidmann, W. F. (1995): *Interkulturelle Kommunikation und Managementpraxis* / W.F. Weidmann. - S.14.
500. Weik, K.E.: *The social psychology of organizing* (2nd ed.) / K.E. Weik // Reading, M.A.: Addison-Wesley, 1979.
501. Weinrich H.: *Fremdsprachen als fremde Sprachen*. In: ders.: *Wege der Sprachkultur*. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart 1985, S.195 – 201.
502. Westle, B. (1999): *Kollektive Identität im vereinten Deutschland. Nation und Demokratie in der Wahrnehmung der Deutschen* / B. Westle. - Opladen.
503. Wierlacher, A., Albrecht, C. (1998): *Fremdgänge: Eine anthologische Fremdheitslehre für den Unterricht Deutsch als Fremdsprache* / A. Wierlacher, C. Albrecht // *Inter Nationes*. - Bonn. - S. 79–80.
504. Wierzbicka, A.: *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction* / A. Wierzbicka. - Berlin, New York, 1991.

505. Wierzbicka, A.: Cultural scripts: A new approach to the study of cross-cultural communication / A. Wierzbicka // Pütz, M. (Hg.), *Language Contact, Contact Language*. - Amsterdam / Philadelphia, 1994.

506. Witkin, H.A., Goodenough, D.R.: *Field-Dependence and Interpersonal Behavior* / H.A. Witkin, D.R. Goodenough. - *Psychol. Bull.*, 1977.

507. Young, L.W.L.: *Unravelling Chinese Inscrutability* / L.W.L. Young // Berkeley, Ph. D. Dissertation (University of California), 1986.

508. Zarefsky, D.: *The State of the art in Public Address Scholarship. In Text in Context: Critical dialogues on significant episodes in American Political rhetoric* / D. Zarefsky. - Hermagoras Press, 1989. – S. 13–27.

Словари

Большой немецко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1980. – Т. 1 – 497 с.

Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и др.; под рук. О.И. Москальской. – М.: Рус. яз., 1980.

Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур (Penguin) пер. с англ.: Т.2: – М.: Вече, Аст, 2000. – 560 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Т. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Малый толковый словарь русского языка: ок. 3500 слов / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Рус. яз., 1993.

Немецко-русский синонимический словарь: ок. 2680 рядов / И.В. Рахманов, Н.М. Минина, Д.Г. Мальцева, Л.И. Рахманова. – М.: Рус. Яз., 1983.

Немецко-русский фразеологический словарь / сост. Л.Э. Бинович и Н.Н. Гришин. – 2-е изд. – М., 1975.

Новый энциклопедический словарь (НЭС) – М.: Большая Российская энциклопедия, РИРОЛ КЛАССИК, 2002.

Словарь русского языка: в 4 т. Том 4 / под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз. – 2-е изд., исп. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

Современный словарь иностранных слов. – М.: 2000 слов. – 4-е изд. Рус. яз., 2001. – 742 с.

Этнопсихологический словарь /под ред. В.Г. Крысько; Моск. психолого-социал. ин-т. – М., 1999.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь /гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Учебное издание

Л.В. Куликова

Коммуникация. Стилъ. Интеркультура: прагматингвистические
и культурно-антропологические подходы
к межкультурному общению

Редакторы И.Н. Байкина, М.В. Саблина
Корректор Т.Е. Бастрыгина

Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

Подписано в печать 12.01.2011. Формат 60x84/16.
Бумага тип. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,8. Тираж 500 экз. Заказ 3392.

Редакционно-издательский отдел
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел/факс (391) 244-82-31, e-mail: rio@lan.krasu.ru

Отпечатано:
Полиграфический центр
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а